Атлантиды земли и морей

Геннадий Александрович Разумов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Существовала ли когда-нибудь цивилизация более развитая, чем наша? Этот вопрос вот уже на протяжении многих веков волнует человечество. В сборнике содержатся интереснейшие сведения и гипотезы о легендарной Атлантиде, загадочно исчезнувшей с лица Земли.

Исследования представлены многочисленными литературными источниками, начиная с первого классического описания древнегреческого философа Платона и до современных научных теорий и исследований.

- Геннадий Александрович Разумов
  - Научно-популярные очерки
    - АТЛАНТИДА – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?
      -
      - ТЫ ЛЖЕЦ, ПЛАТОН
      - В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ
      - КОЛЫБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
      - АТЛАНТИДА – НА ДНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ
    - БРАТЬЯ ХАЗАРЫ, ГДЕ ВЫ?
      -
      - ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВО НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
      - СПЯТ КУРГАНЫ ТЕМНЫЕ
      - ПРОПАВШИЕ ПОТОМКИ
    - ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА КАВКАЗА
      -
      - АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
      - ЦИКЛОПИЧЕСКАЯ ПОСТРОЙКА ПРОШЛОГО
      - ОТКРЫТИЕ Л. ГУМИЛЕВА
      - СЕНСАЦИЯ XX ВЕКА
    - ЗАГАДКИ СТАРОГО КРЫМА
      -
      - ФЕНОМЕН ХЕРСОНЕСА
      - ТРЕТЬЯ КРЕПОСТНАЯ СТЕНА
      - ГИБЕЛЬ ХЕРСОНЕССКОГО ПОЛИСА
    - ЗОЛОТОЕ РУНО КОЛХИДЫ
      -
      - СУХУМСКИЙ КАМЕНЬ
      - ГОРОД НА ДНЕ МОРЯ

- КРУТАЯ СУДЬБА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
  -
  - САМАЯ МОЛОДАЯ ЗЕМЛЯ
  - «МЫ НЕ МОЖЕМ ЖДАТЬ МИЛОСТЕЙ ОТ ПРИРОДЫ…»
  - ПРОЕКТ ВЕКА
- САМОЕ ПРЕСНОЕ МОРЕ ЗЕМЛИ
  -
  - ЛЕДНИК И МОРЕ
  - ЧТО ЖДЕТ БАЛТИКУ ЗАВТРА?
- МОСТ МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И РОССИЕЙ
  -
  - ПОЧЕМУ ПОГИБЛИ МАМОНТЫ
  - БЕРИНГИЙСКИЙ ПЕРЕШЕЕК
- КАЛИФОРНИЙСКИЙ РАЗЛОМ
  -
  - ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА
  - ЗЕМЛЯ – ЯЙЦО ИЛИ ЧЕРЕПАХА?
  - ЦУНАМИ, ЦУНАМИ, ЦУНАМИ!!!
- ПРАВДА О ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛКАХ
  -
  - ЗАГАДКА НЕБЕСНЫХ ТЕЛ
  - АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ?
  - ИНОПЛАНЕТНЫЕ КОРАБЛИ
- ВЕНЕЦИЯ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ
  -
  - В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ
  - ГОРОД И ЛАГУНА
  - ТОЛЬКО ЛИ ТОНЕТ?
  - ПУТИ СПАСЕНИЯ ВЕНЕЦИИ

○ Научно-фантастические рассказы
- КОСМИЧЕСКИЙ МАЯК
- МЫ ПРИДЕМ СЮДА СНОВА
- СТАРОЕ ФОТО
- ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР
- ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА
- ГЛОБОС
- МУРАВЬИ
- СМЕРТЬ ШАХИДА
- ПИСЬМО С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ

Геннадий Александрович Разумов
Атлантиды земли и моря

Научно-популярные очерки

АТЛАНТИДА – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

– Безусловно, никакой это не миф, а вполне реально существовавшее прошлое, – заявит фанат-атлантоман. – Недаром целый океан назван именем этого затонувшего материка. Много тысяч лет назад там и погибла великая цивилизация атлантов.

– Выдумки, – возразит ученый атлантолог. – Никто не знает: то ли океан называется Атлантическим, так как в нем затонула Атлантида, то ли, наоборот, потому она «Атлантида», что находилась в Атлантическом океане. А сам океан, возможно, получил свое имя от Атласа, титана из древнегреческого мифа. Того самого, который поддерживал небо на согнутых руках.

– Точно установлено, – откликнется геолог, – геологическое строение дна Атлантики вовсе не материковое, а океаническое. Поэтому говорить о том, что оно было в прошлом поверхностью земли, материком – чушь да и только.

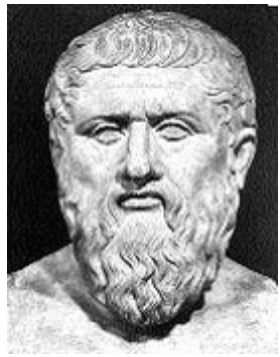
ТЫ ЛЖЕЦ, ПЛАТОН

Кто же все-таки знает, была Атлантида или нет? Наверно, тот, от кого впервые когда-то было услышано это слово – знаменитый древнегреческий философ Платон.

Но, как это ни странно, оказывается, нет – он был не в курсе, так как просто пересказал историю Атлантиды со слов своего друга афинянина Солона. Вот уж кто определенно должен был знать правду. Однако, увы, и тот не владел первоисточником, а узнал о загадочной стране от жрецов из древнеегипетского города Саиса. А те? Удивительно – они тоже сами ничего не видели, а лишь, в свою очередь, пересказали записи на древних папирусах. Вот эти древнейшие письмена, хранившиеся в библиотеке храма богини Нейт, уж действительно были первоисточником. Но где они и насколько правдиво сами отражали действительность? Это вопрос.

Две с половиной тысячи лет спорят ученые о том, существовала ли на самом деле платоновская Атлантида. За это время накоплено более 25 тысяч томов литературы, что превышает сам рассказ о ней Платона в 100 миллионов раз! Появилась даже целая наука – атлантология, сопровождаемая всеобщей атлантоманией.

Что она изучает, о чем, собственно говоря, идет речь? Стоит ли такого большого внимания эта таинственная страна?



Древнегреческий философ Платон (ок. 427–347 гг. до н. э.) своим учеником Аристотелем был назван лжецом. «Платон мне друг, – заявил он. – Но истина дороже»

Стоит. Платон рассказывает о могущественном государстве, расположенном на большом красивом острове. Оно было владением высоких сильных людей, потомков морского бога Посейдона. Это была райская земля, ее недра хранили много золота и серебра. Погода стояла всегда ровная и сухая, от холодных северных ветров страну надежно защищали высокие горы. Урожай собирали два раза в год, поэтому всем животным хватало корма, а людям еды.

В середине острова стоял храм Посейдона, сиявший отделкой из золота, серебра, слоновой кости и полный несметных богатств. Повсюду возвышались громадные золотые статуи первых царей Атлантиды-Посейдонии и самого Посейдона.

Питьевая вода и вода горячих ключей, которые били из-под земли, подавалась по водопроводу в специальные водохранилища. Центральная часть острова отделялась глубокими каналами, по их берегам стояли прекрасные здания из белого, черного и красного камня.

У атлантов были крупные торговые и военные порты. «Водный проход и большая из гаваней, – рассказывал Платон, – кишели судами и прибывающим отовсюду купечеством, которое в своей массе день и ночь оглашало местность криком, стуком и смешанным шумом».

Атлантида имела сильное, хорошо вооруженное войско. Она успешно воевала с эллинами, египтянами, финикийцами. У них было множество тяжелых конных колесниц и больших военных кораблей.

Увы, как часто все слишком хорошее сменяется всем плохим. Со временем жители этой благословенной страны развратились своим богатством и благополучием, зазнались, «преисполнились

неправым духом корысти и силы». Вот за это бог богов великий громовержец Зевс их покарал самой ужасной катастрофой в истории человечества.

Как оценивать рассказ Платона? Само описание Атлантиды, ее государственного устройства, архитектуры, торговли, ремесленничества, сельского хозяйства насыщено такими деталями, такими подробностями, что выглядит очень правдоподобно, и трудно поверить в ее вымышленность. Многие известные деятели культуры и науки были твердо уверены в реальности существования Атлантиды. Например, русский поэт Серебряного века Валерий Брюсов дал такую оценку платоновскому произведению: «Если бы мы хотели считать этот рассказ лишь фантазией Платона, нам пришлось бы наделить его прямо-таки сверхчеловеческой гениальностью».

Есть и почти прямые подтверждения правдивости рассказа об Атлантиде. Примерно через сто лет после смерти Платона другой грек, Крантор из Солы, видел египетские записи об Атлантиде в том самом саисском храме богини Нейт. А еще позже римский историк Иосиф Флавий упоминает некие «сириатские колонны» с клинописными надписями, относящимися ко времени процветания затонувшей морской державы.

Где все эти свидетельства? Увы, они исчезли. Египетские папирусы, скорее всего, сгорели в Александрийской библиотеке, где могли храниться копии саисских свитков. А надписи на камне, по-видимому, постигла та же участь, что и мраморные плиты из египетских усыпальниц – арабы использовали их как строительный материал.

В лагере противников Платона были не менее именитые ученые и писатели, чем в лагере сторонников. И появились они еще при его жизни. Первый, кто бросил камень в знаменитого философа, был, как ни странно, его лучший ученик Аристотель. Он критиковал своего наставника в довольно резкой форме, называя его низким лжецом, и тем самым сильно поколебал к нему доверие общества как к «мудрейшему из мудрых». «Платон мне друг, – заявил он. – Но истина дороже».

Большой авторитет Аристотеля в древнем мире значительно повлиял на мнение целого ряда последующих исследователей вопроса о реальности существования Атлантиды. Не исключено, что исчезновение многих связанных с нею материалов объясняется тем, что их не сочли представляющими ценность.

Однако вернемся снова к самому платоновому тексту. Он действительно вызывает много вопросов. Например, почему автор такое большое внимание уделяет Посейдону, культ которого пронизывает все его повествование? Ведь Платон ссылается на

первоисточник – древнеегипетские папирусы, а их создатели поклонялись совсем другим богам и героям. Что это, осовременивание старых сказаний или создание нового произведения? Возможно, во втором случае, ссылка на древние папирусы – просто литературный прием.

То, что платоновский текст – не художественный вымысел, а летопись ушедших веков, могли бы подтвердить только материальные доказательства. Их надо было найти. Ведь доказал же Шлиман, раскопав Древнюю Трою, что гомеровская Илиада – не выдумка, а отражение истинных исторических событий. Такие же подтверждения реальности многих древних сказаний о затонувших городах и странах находит повсеместно подводная археология. «Легенды о затопленных городах и деревнях – не легенды, а сущая быль», – писал советский академик И. Губкин.

В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Где же затонула великая Атлантида? Это риторический вопрос – Платон ответил на него четко и ясно. «Пред морским устьем, – привел он слова египетских жрецов Салону, – которое вы по-своему называете Геркулесовыми столпами, находился этот остров». Значит, Атлантида располагалась сразу же за нынешним Гибралтаром. Где же, как не там, надо ее искать?

Но, к сожалению, нигде в Атлантическом океане, ни у острова Мадейра, ни у Азорских и Канарских островов, никаких следов затонувших земель не найдено. А как заманчиво было представить эти острова высокогорными районами затонувшей Атлантиды, оставшимися на поверхности воды после случившейся катастрофы. Нет, не получилось. Не оказалось ее остатков и в расположенном неподалеку Саргассовом море. А вот оно уж больше всех других претендовало на роль бывшей земли атлантов.

В центре Атлантиды-Посейдонии, согласно рассказу Платона, стоялвеличественный храм бога морей

Одним из важных доказательств существования на его месте суши кроме наличия огромного толстого ковра водорослей считалась таинственная миграция к нему угрей. Каждый год косяки этих странных, не похожих на других рыб спускаются из европейских и американских рек к морю и под влиянием какого-то многовекового инстинкта отправляются в невероятно далекое брачное путешествие. Достигнув Саргассового моря, угри мечут в его водорослях икру, а сами погибают. Появляющиеся из икры мальки подрастают, а потом, тоже влекомые наследственным инстинктом, уходят обратно к берегам Европы и Америки – местам обитания своих родителей. Разве это не удивительно и разве это нельзя объяснить существованием в далеком прошлом на месте Саргассова моря суши?

Нет, нельзя. Дно Атлантического океана в этом месте достигает огромной глубины – 7 км, и сам характер его геологического строения полностью исключает какое-либо напоминание о бывшей суше. Скопление же большого количества водорослей связано не с местным их происхождением, а действием особого рода циркулярных течений, поставляющих их сюда от берегов Флориды.

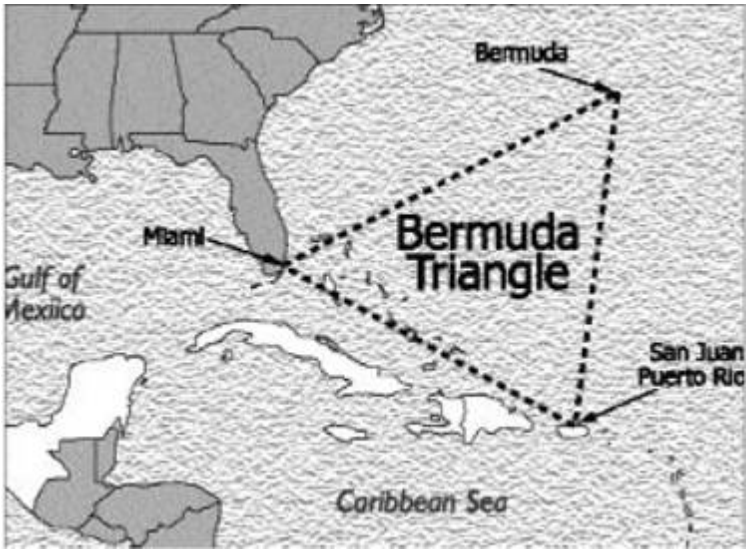
Относительно миграции угрей тоже нет полной ясности – те ли же угри обитают в европейских реках, что нерестятся в Саргассовом море, или другие? И почему вековой инстинкт обязательно должен был увлекать их к бывшей суше, а не просто к тому месту в море, где всегда были тучные пастбища водорослей? Именно таких – саргасс, какие нужны угрям для продолжения рода.

Не представляет большого труда и объяснить, почему угри способны преодолевать тысячекилометровые расстояния. Во-

первых, они не очень-то себя утруждают – их несут к месту назначения океанические течения, угри лишь слегка подправляют направление своего движения. Во-вторых, появившись в третичный период истории Земли, угри сначала далеко не плавали – в те времена Атлантический океан еще не достиг современной ширины, поэтому к большим расстояниям угри привыкали очень медленно, постепенно.

Нельзя не отметить, что с Саргассовым морем связана еще одна интригующая тайна – Бермудский треугольник, расположенный между Флоридой, Кубой и Бермудскими островами. Этот оживленный перекресток морских и воздушных транспортных путей особое внимание привлек в послевоенный период второй половины 40-х годов прошлого века. Все началось с потери радиосвязи и гибели здесь 5 американских самолетов-торпедоносцев, совершавших тренировочный полет. В последующем такие случаи пропажи самолетов и кораблей в Бермудском треугольнике стали неоднократно повторяться и учащаться. Они обрастали слухами, легендами. Вспомнились многочисленные истории здешних кораблекрушений в прошлом. Начиная со времен Колумба собралось с десяток рассказов о пропавших фрегатах, каравеллах, баркасах.

Причину таинственной потери связи и последующего исчезновения кораблей и самолетов в Бермудском треугольнике и вообще в Саргассовом море стали объяснять наличием там какой-то особой аномалии. То ли магнитного поля Земли, то ли атмосферных гидрометеорологических условий. Дело доходило до обвинения в кознях против нас, землян, внеземных сил, пришельцев из Космоса и прочих потусторонних врагов человечества.



Не на дне ли страшного Бермудского треугольника в Саргассовом море лежит затонувшая Атлантида?

Не могло здесь обойтись и без Атлантиды. Это на месте затонувшего древнего материка образовались страшные водовороты, воронки, затягивающие в морскую бездну морские и воздушные суда. Это здесь на дно океана безвозвратно уходят к далеким предкам корабли и люди. Захватывающие дух сюжеты научно-фантастических повестей, рассказов, романов, фильмов уже много лет подряд играют воображением читателей и зрителей, воспроизводя подводные города, дворцы и крепости спасшихся когда-то от гибели атлантов.

Да, действительно, в Бермудском треугольнике только за вторую половину XX века бесследно исчезла почти тысяча человек. Что это, много? Много. Но не больше, а в 15–20 раз меньше, чем за это же время погибло людей в автомобильных авариях на территории суши такого же «бермудского» размера, хотя бы в европейской части России. А количество кораблекрушений, равно и авиационных катастроф, в Бермудском треугольнике вовсе не превышает общестатистические цифры.

Так что же – нет тайны Бермудов? Конечно нет, как нет и Атлантиды на дне Саргассова моря.

В качестве одного из важных доказательств атлантического местонахождения Атлантиды приводится удивительное совпадение легенд о потопах, возникших у народов, живших по обе стороны Атлантического океана.

В древнегреческой мифологии говорится о четырех крупных потопах. Первый и наиболее сильный произошел по приказу того

же самого властителя морей Посейдона, кстати, бывшего родным братом главного древнегреческого бога Зевса. Великий громовержец, спустившись как-то на землю, увидел, что люди живут грубой, дикой и развратной жизнью. Под видом простого странника зашел он во дворец к царю Аркадии Ликаону, а тот взял и накормил его человеческим мясом. Это считалось жестоким оскорблением. Вот тогда-то Зевс и велел Посейдону наказать людей. А у того для выполнения задания было только одно средство – потоп.

При этом уцелел Девкалион, сын Прометея. На десятый день от начала потопа вместе со своей женой Пиррой он приплыл на корабле к вершине горы Парнас, которая не подверглась затоплению.

Древнегреческий миф о потопе удивительно напоминает другой рассказ, многими из нас слышанный неоднократно:

«И увидел Бог, что велик разврат человеков на земле… И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых я сотворил… И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода… И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы… Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло». Это VI глава Первой книги Моисея «Бытие», где приведена история Ноева ковчега.

Надо заметить, что библейское повествование о всемирном потопе также очень сходно с более ранним текстом вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». А тот, в свою очередь, оказывается переписанным с древнейшей шумерской клинописи на глиняных таблицах, возраст которых восходит чуть ли не к XXI веку до н. э.

Эпос рассказывает, что Гильгамеш, царь города Урук, расположенного на берегу Евфрата, вспоминает историю своего предка Утнапишти, спасшегося во время потопа и ставшего бессмертным. Когда началось наводнение, он сломал свой дом, построил из него корабль и «нагрузил всем, что имел: серебром, златом, живой тварью, поднял на корабль всю семью свою и весь род свой, скот степной и зверье…» Потом корабль причалил к некой горе Нацир, не давшей ему раскачиваться.

Узнаете рассказ о Ноевом ковчеге? Насчитывают не менее 20 мест совпадения этого месопотамского клинописного текста с библейским.

Аналогичные записи о потопах имеются и в других шумерских, вавилоно-ассирийских, ассирийско-вавилонских, аккадских сказаниях 25–22 веков до н. э., написанных, в частности, на древнесемитских языках.

Теперь обратимся к легендам о потопах, складывавшихся по другую сторону Атлантического океана. Предки сегодняшних американских индейцев тоже не были лишены воображения. Так, в сказаниях мексиканских ацтеков сообщалось о страшном потопе, происшедшем на десятый день атль по мексиканскому календарю. Губительное наводнение обрушилось на людей по воле богов, которые были недовольны земными жителями за их многочисленные прегрешения. В результате потопа все люди утонули и превратились в рыб, кроме одной пары, спрятавшейся в ветвях дерева ахауэхуете. Когда вода спала, рыбы вышли на сушу, снова обратились в людей, и человечество возродилось.

В другой легенде рассказывается о потопе в стране Ацтлан (действительно, странное созвучие с Атлантидой). От этого наводнения люди прятались в Гроте семи пещер, откуда потом прибыли в Мексику на лодках.

Кажется, вот чудо – за тысячу лет до открытия Колумбом Америки там существовало сказание о катастрофическом наводнении, столь похожее на мифы народов Средиземноморья. Что это, свидетельство бывшей связи древних народов через Атлантику, доказательство существования в далеком прошлом сухопутного моста через океан, то есть той самой Атлантиды?

Сомнительно. Скорее всего, похожесть рассказов о потопах, возникших по обе стороны Атлантического океана, можно обьяснить намного проще. Американские устные сказания древних индейцев были записаны впервые европейскими христианскими миссионерами. А те, конечно, вполне могли поддаться искушению их отредактировать в духе библейских текстов. Отсюда и совпадение.

И еще. Одним из главных героев этих сказаний был некий «честнейший жрец, святой человек» Кецалькоатль («Змей с перьями птицы кецаль»). Он был белолицый и бородатый, что отличало его от индейцев, почти лишенных, как известно, растительности на лице. Но самое интересное, что прибыл этот человек вместе с небольшой группой сподвижников откуда-то из-за океана.

Разве не ясно, откуда уши растут? Конечно, из-под железных шлемов испанских конкистадоров.

Для того чтобы сгладить остроту этой неловкости, сторонники атлантической гипотезы приводят археологические доказательства самобытности народных сказаний древних жителей Мексики, например такие, как статуи Кецалькоатля или рисунки в храме Чичен-Ице, сделанные в XI веке, то есть задолго до открытия Америки Колумбом.

То, что древние индейские сказания возникли до прихода в

Америку европейцев, сомнений и не вызывает. Одним из доказательств этого может служить тот факт, что культ Кецалькоатля помог весьма небольшой армии Кортеса сравнительно быстро и почти бескровно завоевать Мексику. Краснокожие туземцы, увидев приплывших по воде белолицых иностранцев, принимали их за божества из своих древних легенд. Поэтому практически и не оказывали завоевателям сопротивления.

Об этом пишут все испанские летописцы того времени. Но спрашивается, почему это опровергает подозрение того, что те же летописцы в более поздние времена «приложили руку» к дополнению и «исправлению» старинных текстов?

Есть сомнения и в самой личности Кецалькоатля. По мнению некоторых исследователей, в первоначальных записях легенд ацтеков он вовсе не был пришельцем из-за океана, а просто обожествленным местным жрецом или правителем.

Нельзя не обратить внимание и еще на одну кажущуюся удивительной загадку. Предание о губительном потопе имеет аналоги в сказаниях и мифах не только народов Европы, Ближнего, Среднего Востока и Америки, но распространено почти во всех странах мира. Есть оно в священной книге древних персов «Авесте», в китайском сказании о драконе Кун-Кун.

Говорит ли это о всемирности «всемирного потопа»? И свидетельствует о какой-то глобальной катастрофе, не меньшей по значению, чем та, что привела когда-то к гибели динозавров?

Вряд ли. Подсчитано, что если бы все облака и тучи нашей планеты сразу же выпали на землю в виде дождя и снега (а это 13 тысяч куб. км воды), то слой осадков составил бы всего 25 мм. Какой уж тут потоп! И даже если бы вдобавок к этому все ледники Земли тоже вдруг растаяли, то уровень Мирового океана поднялся бы только на 50–80 м, так что все горы, как гласят легенды, никак не могли бы целиком оказаться под водой.

Поэтому гибель Атлантиды, если она, конечно, на самом деле существовала, скорее всего, была явлением местного масштаба. В памяти древних людей она сохранилась как страшный потоп, охвативший всю их территорию, то есть весь их мир. В этом смысле этот потоп и был всемирным.

Но самое главное возражение против атлантической версии гибели Атлантиды приводит геология. Тектонисты уверяют, что никакой большой затонувшей части суши в Атлантическом океане не было и быть не могло. Его дно – это новое геологическое образование, никакого отношения к материкам не имеющее.

Когда-то Африка и Южная Америка были единым

континентом, расколовшимся в результате образования гигантского разлома земной коры. Этот никогда не заживающий шрам Земли существует и до сих пор. Он постоянно пополняется поднимающейся из недр и застывающей каменной лавой. Она создает на дне Атлантического океана тянущийся с севера на юг срединно-океанический горный хребет. Одновременно с ним нарастает и дно Атлантики. Этим и объясняют геологи океаническое происхождение атлантического дна, никогда сушей не бывшего.

Так что же: Платон – выдумщик, лжец? А может быть, старик просто-напросто что-то напутал и поместил таинственную страну совсем не туда, где она находилась на самом деле? Или он в другом месте располагал Геракловы столпы?

Давно существует подозрение, что Платон под Атлантическим морем понимал вовсе не то, что понимаем мы. Русский историк конца XIX века академик А. Норов писал: «Можно ли искать Атлантиду древних за теми столпами Геркулеса, которые обыкновенно ставят в проливе Гибралтарском, тогда как часть земного шара за проливом Гибралтарским не принадлежала истории первобытной?» Далее, опираясь на ряд исторических фактов, А. Норов высказал предположение, что во времена Платона Атлантическим морем называлось Средиземное. Может быть, он был прав?

КОЛЫБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Насчитывают от 14 до 448(!) точек на земном шаре, куда разные исследователи помещают легендарную Атлантиду. В их числе есть и самые невероятные – в Тихом океане (Пацифида), в Индийском океане (Лемурия) и чуть ли не в Северном Ледовитом.

Но, конечно, в первую очередь называют Средиземное море – колыбель древнегреческой и всей европейской цивилизации. И это естественно. Именно здесь зародились основные устои будущей общественной и культурной жизни Запада и именно здесь находятся ныне основные центры наиболее значительных археологических открытий.

Столица Атлантиды в представлении Платона имела овальную форму и была разделена каналами

В античные времена истощение и без того малоплодородной каменистой почвы Греции, перенаселенность и жесткая конкуренция заставляла многих сынов Эллады снаряжать парусно-весельные суда и переселяться в другие прибрежные районы Средиземноморья. Новые колонии возникали на островах Эгейского моря, побережье Адриатики, Ионического, Тирренского морей. По словам Цицерона, «города греческого мира располагались вокруг Средиземного моря наподобие лягушек, сидящих вокруг пруда». Многие десятки древнегреческих поселений обнаружены археологами в Средиземноморье, и не менее тридцати пяти из них находятся ныне под водой. Но имеют ли они какое-либо отношение к описанной Платоном Атлантиде?

Наиболее близка к возможной истине гипотеза о бывшем ее расположении на полузатонувшем когда-то острове Санторин в Эгейском море. Его остатки (острова Тира, Тирасия и другие) можно видеть сегодня в 120 км к северо-северо-востоку от Крита. По поводу отождествления его с Атлантидой есть целый ряд соображений.

Во-первых, описанный Платоном рельеф Атлантиды очень напоминает кальдеру – кольцо вулканических гор, отгораживающих остров от моря. Таким, без сомнения, был Санторин. Кстати, есть предположение, что трезубец Посейдона стал его символом благодаря трехглавому строению горных вершин Атлантиды-Посейдонии. «Этот трезубец, – отмечает польский атлантолог Л. Зайдлер, – был виден издали и представлял собой прекрасный ориентир для судов в океане».

И еще важное обстоятельство: Платон отмечал, что остров Атлантида имел продолговатые в плане очертания, что обычно для большинства кальдер не характерно. Однако именно

Сантарин имел не круглую, а овальную форму с соотношением поперечной и продольной оси 2:3. Точно так же соотносились размеры сторон и у платоновской Атлантиды.

Не менее значимо упоминание Платона о горячих ключах, бивших из-под атлантической земли – явное свидетельство вулканического происхождения острова. Таким ведь был и Санторин.

Аргументы в пользу санторинской гипотезы приводит и археология. Раскопки на острове Тире показали, что в XV веке до н. э. вблизи нынешнего селения Акротири располагался большой (30 тыс. населения) город с каменными двух– и трехэтажными домами. Под многометровым слоем вулканического пепла были найдены орнаментированные керамические вазы, кубки, пифосы, мельничные жернова, инструменты из меди, а также прекрасные фрески, украшавшие внутренние помещения зданий. В некоторых сосудах сохранились остатки зерен, скорлупы орехов, косточек инжира.

Многие археологические открытия на Крите, в греческих Микенах и на самом Санторине дают удивительное совпадение с описанием Платона. Например, такие дворцы атлантов, как храм Посейдона и Клито, в платоновском рассказе очень похожи на руины критских дворцов в Кноссе и других городах эгейской цивилизации 2-го тысячелетия до н. э.

А вот еще одно соображение. На дне кальдеры бывшего Санторина при достаточной степени воображения можно опознать следы гавани и широкого прямого подводного канала. И если реконструированный по рассказу Платона план центра Атлантиды наложить на схему рельефа дна санторинской кальдеры, можно получить удивительное совпадение. Как считают бескомпромиссные сторонники санторинской гипотезы А. Галанопулос и Э. Бэкон, «следы каналов на дне кальдеры имеют такую же ширину, как и водные кольца, описанные Платоном, и находятся они точно на таком же расстоянии от центрального здания, на каком находились эти водные кольца от холма, где стоял храм Посейдона».

Как хотелось бы во все это верить, если не знать, сколь искусны подводные течения, мастерски рисующие на морском дне самые изощренные схемы и чертежи! И как не учитывать, что излившаяся при извержении вулкана лава должна была полностью уничтожить прежний рельеф местности вместе со всеми ее каналами и гаванями. А просматривающиеся на дне моря круговые образования обязаны своим появлением кольцевым ступенчатым оползаниям подводных стен кальдеры вокруг кратера вулкана. Это убедительно показал кембриджский

ученый В. Фридрих в книге «Огонь в море» (2001 г.).

Так или иначе, но достаточно точно установлено, что санторинские находки археологов относятся к периоду расцвета минойской культуры на Крите, которой Санторин явно принадлежал. Великая Критская морская держава, опередившая на несколько тысячелетий классическую Грецию, по мнению ряда ученых, и была современницей Атлантиды. Но кто знает, может быть, не столько современницей, сколько ею самой?

Это предположение, высказанное несколькими английскими и американскими авторами еще в начале прошлого века, обсуждается до сих пор. Согласно ему, рассказ Платона об Атлантиде не что иное, как приукрашенная фантазией философа история расцвета и гибели догреческого царства на Крите времен минойской династии. Ведь действительно, ее закат почти точно совпадает по времени с санторинским взрывом, начавшим отсчет годам падения одной из самых блистательных цивилизаций Древнего мира.

Согласно результатам геофизических изысканий, а также исследованиям историков, природная катастрофа в восточной части Средиземноморья, происшедшая в XV веке до н. э., охватила почти все владения Крито-Минойской империи. Начало положили три сильных землетрясения с эпицентром на Санторине, которые сопровождались мощным извержением вулкана. Потом произошел тектонический сброс, и вся центральная часть Санторина погрузилась в морскую пучину на глубину несколько сотен метров. Огромная волна цунами докатилась до побережья Крита и Северной Африки, настигла Грецию и все острова восточного Средиземноморья. Толстый слой вулканического пепла покрыл огромную территорию, включавшую даже Малую Азию с южным побережьем Черного моря.

Спрятал ли он от потомков только крито-минойскую цивилизацию вместе с ее санторинской провинцией или схоронил навеки платоновскую Атлантиду?

Скорее всего, первое.

АТЛАНТИДА – НА ДНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ

То, что Платон поместил Атлантиду за границей древнегреческого мира, вполне понятно. Внутри ойкумены всем все было известно, и никаких новых таинственных стран существовать не могло. Однако философ вполне мог и перепутать, поместив Атлантиду на западе, а не на востоке. Обычная географическая ошибка.

Вот и по поводу местоположения Геркулесовых столпов, как уже было замечено, есть вопросы. Действительно ли имеют они отношение к берегам нынешнего Гибралтарского пролива? Или это еще одно географическое недоразумение? Известно ведь, что герой древнегреческих мифов Геракл почти все свои подвиги совершал на Пелопоннесе и далеко за пределы того ограниченного по размерам мира не выезжал.

Древние сказители, сложившие свои сказания задолго до Платона, в то время могли и не знать никаких дальних морей-океанов. Поэтому вряд ли так уж прямо надо отождествлять Геркулесовы столпы с Гибралтаром и Атлантическим океаном. Наиболее четко сомнение по этому поводу высказал цитировавшийся выше А. Норов. «С большим вероятием, – писал он, – можно признать за Геркулесовы столпы, о которых упоминается в рассказе Платона, скалы Босфора Фракийского, находящиеся при выходе в Понт Евксинский».

Атлантидой могла быть Понтида, затонувшая в Черном море (Понте Эвксинском), которое 7,5 тысяч лет назад было пресноводным озером

А Понт Эвксинский (Гостеприимный), то есть сегодняшнее Черное море, катил свои волны как раз за Босфорским проливом – северо-восточной границей древнегреческого мира.

Сюда сходятся очень многие мифы древних греков. Здесь к горам Кавказа был прикован титан Прометей, наказанный Зевсом за передачу людям огня. Сюда в Колхиду за золотым руном плавали аргонавты Язона и здесь же странствовал Одиссей.

Действительно, к древнегреческой мифологии можно относиться вполне серьезно. Еще советский атлантолог Н. Жиров в легендах о плаваниях аргонавтов и Одиссея находил следы

погибшей Атлантиды. В таком же направлении анализировал польский исследователь Л. Зайдлер то место в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, где упоминаются некие «апийские аркадийцы». Эти пришельцы издалека неведомым путем попали в греческую Аркадию. Слово «apios» означает «отдаленный», кроме того, Апи – богиня земли у скифов, живших в причерноморских и северокавказских степях. Отсюда напрашивалась мысль: а не со стороны ли Черного моря они пришли в Грецию? Может быть, это были спасшиеся от потопа атланты?

В древнегреческом мифе о Девкалионовом потопе говорится об участнике тех трагических событий Дардане, спасшемся от смертельных волн в Малой Азии. Его имя опять же ведет нас к Черному морю – от него произошло название пролива Дарданеллы.

Сюда же, к горе Арарат у Черного моря, как мы знаем, причалил ветхозаветный Ной на своем ковчеге. На горе с очень похожим названием спасся Кун-Кун из уже упоминавшейся китайской легенды.

Для предположения, что Атлантида могла находиться в пределах нынешнего Черного моря, есть не только летописные основания, но и материальные.

О том, что когда-то в Черном море, бывшем Понте Эвксинском, затонула некая гипотетическая страна Понтида, люди догадывались давно. В первую очередь привлекал внимание полуостров Крым. Еще в 1915 году русский ученый Мокржецкий писал, что некоторые крымские сосны, дубы, можжевельники, так же как цикады, ящерицы, богомолы, сколопендры – реликты какой-то исчезнувшей древней земли.

Позже (в 1949 году) другой российский исследователь, И. Пузанов, тоже отметил схожесть растительного и животного мира горного Крыма с фауной и флорой Балкан, Малой Азии и Закавказья. Он объяснял это существованием в прошлом сухопутного южного моста, соединявшего Крымский полуостров с материком.

Еще один ученый, ботаник Н. Рубцов, подводя итоги многолетних исследований злаковых, бобовых, крестоцветных и других растений южнобережного Крыма, писал: «Выявляется очень обширная группа видов с ареалами, полностью или частично окружающими Черное море и как бы связывающими собою страны, ныне этим морем разобщенные».

Но наиболее древними свидетелями ушедших времен являются сами крымские горы, их скалистые обнажения, глубокие горные ущелья и высокие плато. Каково геологическое прошлое Крыма, как были связаны с морем его горные вершины?

Стоя под километровым обрывом южнобережной Яйлы или гигантским отвесным обрезом Карадага на восточном берегу Крыма, невольно задумываешься: не остаток ли это горного хребта, расколовшегося когда-то пополам и погрузившегося в море? Хорошо передал это ощущение Г. Шульман в книге «Путешествие в синюю страну»: «Отличие Карадага от подавляющего большинства других живых и умерших вулканов планеты в том, что это вулкан в разрезе; половина его осталась стоять на суше, а половина скрылась под водой. Карадаг – это громадный анатомический театр природы, и такого больше, наверное, нет нигде».

Где же эти остатки былой суши? Должны же они находиться на морском дне.

Искать затонувшую землю помогают те же представители животного и растительного мира. Уходя из жизни, они оставляют о себе память в виде отпечатков на окаменевшей глине, кладбищ своих скелетов, панцирей, раковин. Именно последние дали возможность ученым-палеонтологам почти точно восстановить геологическую историю северной и северо-западной части Черного моря.

В 1998 году американские морские геологи В. Райан и У. Питман в книге «Всемирный потоп» опубликовали результаты своих подводных палеонтологических исследований. Они были проведены совместно с российскими учеными в шельфовой зоне северного побережья Черного моря и явились предшественниками других, еще более объемных исследований тоже американского палеонтолога Б. Болларда. Летом 1999 года на специальной субмарине, оборудованной ультразвуковым локатором, он обнаружил слои болотных отложений, лежащие под морскими осадочными породами. Они уходили на глубину до 500 м от поверхности моря и содержали в себе остатки сапропелевых болот со следами древней растительности и раковин болотных улиток.

В руках ученых появились убедительные свидетельства того, что здесь, в северной части нынешнего Черного моря, когда-то вообще моря не существовало. Вместо него здесь были болотистые берега не очень глубокого пресноводного озера. С помощью радиоуглеродных исследований останков пресноводных и морских моллюсков удалось точно установить время, когда здесь произошла природная катастрофа, в результате которой озеро исчезло.

Это произошло 7,5 тысячи лет назад. Продолжавшееся в послеледниковый период глобальное потепление климата

привело к интенсивному таянию ледников планеты. Уровень Мирового океана непрерывно повышался, постепенно затопляя многие прибрежные территории и превращая лиманы в заливы, а озера в моря.

Однако были на Земле места, где процесс затопления земель происходил не постепенно, не медленно, а почти мгновенно, с катастрофической, гибельной для всего живого скоростью. Так случилось и в северо-восточной части Средиземноморья.

Уровень Эгейского моря здесь поднялся настолько высоко, что вода прорвала Дарданелльский перешеек и образовала Мраморное море. Потом, несясь со скоростью 80 км в час и круша все на своем пути, морской поток достиг Босфорского земляного вала, снес его и ринулся вниз. Образовавшийся здесь гигантский водопад сбрасывал вниз ежедневно столько воды, сколько несут 300 ниагарских. Грохот падающей воды был слышен на расстоянии до 200 км вокруг.

Очень скоро пресное озеро, заполнявшее черноморскую впадину, превратилось в большое море, а обширные северо-восточные территории оказались под водой. Так затонула страна Понтида.

Естественно предположить, что глубины Черного моря скрывают также следы пребывания на Понтиде людей. И это довольно давно подтвердилось.

В 1909 году в симферопольских губернских «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» была опубликована статья музейного работника Л. Колли с интригующим названием «Следы древней культуры на дне морском». В ней рассказывалось о многолетних, начатых еще в конце XIX века водолазных работах, проведенных при строительстве феодосийского порта. Тогда на дне бухты были обнаружены верхушки свай—остатки древнего причального мола.

Это оказалось только началом. В последующие десятилетия на дне моря были обнаружены десятки затопленных городов, сотни жилых и торговых зданий, дорожных и транспортных сооружений, тысячи предметов домашнего обихода. Находки были самые неожиданные. Например, в один из солнечных штилевых дней со дна Таманского пролива рыбаки подняли сетями две большие фигуры прекрасных мраморных львов. Хотя львиные лапы и крупные завитки грив были изрядно потерты донным песком, но в общем морская эрозия их пощадила. Эти древние каменные скульптуры поныне украшают вход в городской исторический музей в Феодосии.

Как хотелось бы признать этих львов одним из элементов внешнего убранства фасадов атлантидского дворца Посейдона.

Как заманчиво было бы увидеть в подводных остатках древнего причала свайное основание портового сооружения Атлантиды. Но, увы, строгая научная датировка этих находок с уверенностью показывает: никакой Атлантидой здесь и не пахнет. Покрытые морскими моллюсками древности относятся совсем к другим временам, не имеющим отношения к таинственной платоновской стране. К каким?

Почти тысячу лет просуществовала в Восточном Крыму блестящая цивилизация могущественного Боспорского царства, пока в IV веке н. э. оно не пало под натиском гуннов. Десятки богатых торговых городов-портов, сотни крепостных башен, морских причалов, тысячи домов, складов и купеческих лавок были разрушены, стерты с лица земли. Многие из них частично или даже целиком оказались под водой. Вот их, а не платоновскую Атлантиду, нашли подводники на дне морском. Фанагория, Херсонес, Нимфей, Ольвия, Пантикопей, Гермонасса – эти и многие другие античные и средневековые города и поселки северного Причерноморья снова появились на картах мира. Только исторических.

Жили здесь люди и в доисторические времена, задолго до того момента, когда Мировой океан десятками тысяч ниагар обрушился на некое периферийное ледниковое озеро и превратил его в большое море. Но то были отдельные охотничьи становища и небольшие сельскохозяйственные селения, располагавшиеся в северной части малоазийской Анатолии. Они были так же похожи на дворцы платоновских атлантов, как нынешние лесные хижины африканской Ботсаваны похожи на небоскребы Нью-Йорка или виллы Беверли-Хиллз.

Таким образом, приходится признать – остатков Атлантиды в Причерноморье нет. Впрочем, как и в других местах. Затерялись ли ее следы во тьме веков, или ее вообще никогда не было? Хорошо ответил на этот вопрос ученый-океанолог и поэт бард А. Городницкий:

Не найти и за тысячу лет нам —
Объясняют ученые мне —
Ту страну, что пропала бесследно
В океанской ночной глубине…

И хотя я скажу тебе тихо:
«Не бывало ее никогда»,
Если спросят: «Была Атлантида?» —
Я отвечу уверенно: «Да!»

Пусть поверят историям этим.
Атлантида – ведь дело не в ней…
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым намного нужней.

Действительно, так ли нужно нам знать, была ли на самом деле эта загадочная страна или нет? Быть может, важнее для нас не сама Атлантида, а ее атлантология?

Существовала же когда-то средневековая лженаука алхимия – она не открыла «философский камень», не нашла способ искусственного получения золота. Зато дала миру эмаль, металлические сплавы, кислоты, щелочи, возгонку, перегонку и многое другое. В том же Средневековье ученые бились над проблемой вечного двигателя. Но вместо перпетуум мобиле они изобрели столько разных велосипедов, что и теперь их педали крутит спортивно-дорожная часть человечества.

Так же и с Атлантидой. Ее не нашли, но вместо нее на дне морей и океанов обнаружили развалины финикийского Тира, этрусской Эспины, древнеримской Цезареи, византийского Эпидавра и десятков других затонувших городов и затерянных стран.

И еще: своим рассказом об Атлантиде старый хитрюга Платон заставил многие последующие поколения людей вспоминать о погибших народах и цивилизациях, думать, спорить, обсуждать, изучать. А это тоже немаловажно.

БРАТЬЯ ХАЗАРЫ, ГДЕ ВЫ?

Русь православная. Эти два сросшихся друг с другом слова, кажется, никаким другим словосочетанием никогда быть не могли. Но это не так. В двух шагах стояла когда-то Русь от того, чтобы называться иудейской. Исторической случайностью было принятие киевским князем Владимиром христианства, а не иудаизма. Ходили бы сейчас русские люди в кипах, читали книги справа налево и делали обрезание своим новорожденным мальчикам.

ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВО НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Первое государство на территории нынешней России было создано хазарами, загадочным народом, бесследно исчезнувшим во тьме веков. Почти буквально повторяя судьбу легендарной Атлантиды, Хазария тоже оставила после себя туман мифов, гору статей и книг, жар споров, дискуссий, обсуждений. Хазары растворились в потоке времени, заставив потомков гадать, кто явился продолжателем их рода и где искать следы их былого существования.

Хазары – тюркютывVIвеке были дикими степняками-конниками

Как и большинство других скотоводческих народов древнего евроазийского мира, хазары, скорее всего, пришли в Восточную Европу из Центральной Азии – гигантского вулкана, тысячелетиями извергавшего лавины кочевых людских масс. Подобно скифам, сарматам, гуннам (а впоследствии татаро-

монголам), сменявшим друг друга на подмостках истории, дикие орды хазар начиная с V века мощными волнами накатывались на Северный Прикаспий.

Правда, существует и другое мнение. Историк и археолог Л. Гумилев полагал, что этнические хазары ниоткуда не пришли, а с самого начала обитали в дельте Волги. Здесь, среди множества речных протоков на заросших камышами низких болотистых берегах поначалу им было удобно скрываться от степняков-разбойников и защищать свои поселения от их набегов. Но позже пришлые с востока племена, названные Л. Гумилевым тюркютами, все же достали хазар, завоевали их и, смешавшись с ними, образовали тот могущественный народ, который на многие столетия приковал к себе внимание всего тогдашнего мира. По другому предположению того же Л. Гумилева, хазары на Волгу все-таки пришли, но не из далекой Центральной Азии, а совсем из близкого района – с территории нынешнего Дагестана.

Силой меча и крепостью брачных связей Хазарский каганат распространился на обширную территорию от Волги до Днепра и Крыма

Так или иначе, но хазары быстро завоевали территории, окружающие дельту Волги, а потом стали проникать и в отдаленные районы, в том числе в Закавказье. В середине VII века они разорили Тбилиси и напали на Армению. Вот что писал анонимный армянский историк того времени о набегах хазар на закавказские города и села: «Как хищные волки, потерявшие стыд, бросались они на мирных людей и беспощадно перерезали их на улицах и площадях… Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие».

Об этом же рассказывали и древние восточные легенды. Подразумевая хазар, они сообщали, что на севере за Кавказским хребтом жили дикие разбойничьи племена Яджуджи и Маджуджи (арабские имена библейских Гоги и Магоги). «Число их было

бесконечно, – говорилось в одной из таких легенд, – делились они на два племени: малорослые и великаны, рост последних превышал сто локтей. Уши их были длинны, как ковер, так что одним ухом они накрывались, а другое подстилали под себя. Ни слон, ни носорог не могли им противиться. Покойников своих они съедали, области же, через которые проходили, опустошали дотла».

Только через несколько поколений разбойничьи стаи диких хазар превратились в оседлые поселения мирных земледельцев, рыболовов, торговцев. А в первой четверти VII века они создали огромный Хазарский каганат – государство, власть которого быстро распространилась на обширные районы Причерноморья, Приуралья, Северного Кавказа и степного Крыма. «Хазары – великий народ, – писал византиец Феофий Исповедальник, – они овладели всей землей вплоть до Понтийского (Черного) моря». Почти все племена от Дуная до Северного Урала платили дань хазарскому царю. В их число входили и восточноевропейские славяне.

Последние долгое время были верными подданными хазарского царя, неоднократно защищавшего их от разорительных нападений германцев и венгров. Со своей стороны, славяне помогали хазарам в их противостоянии с норманнской династией конунгов, недаром они называли тех варягами, то есть врагами. Служили славяне и в хазарской армии. Арабский историк того времени ал-Масуди писал: «…русь и славяне составляют войско и прислугу хазар».

Но пришло время, когда хазарская империя начала ослабевать, и восточные славяне стали искать новых покровителей. Им ничего не оставалось, как обратиться к тем же норманнам-варягам. «Велика земля наша и обильна, – сказали они им, – да порядку в ней нет, пойдите княжить и владеть нами».

В добровольности такого обращения возникают серьезные сомнения. Вполне возможно, что написавший эти слова летописец привел некую угодную княжьим властям того времени «официальную версию». Через много столетий прибалты, в какой-то степени потомки тех самых скандинавских варягов, в свою очередь, тоже «добровольно» попросились под крыло советской сталинской России. А что им оставалось делать после пакта Молотова—Риббентропа?

О том, что славяне в лучшем случае подчинились варягам добровольно-принудительно, свидетельствует хотя бы сообщение «Повести временных лет». В пересказе С. Соловьева там написано:

«Поляне, северяне и другие племена платили козарам по белке с дыма… Сперва Олег воевал с древлянами и заставлял их давать дань по черной кунице с дыма… Потом послал к родимичам и спросил: „Кому даете дань?“ Они отвечали: „Козарам“. Олег сказал: „Не давайте больше козарам, а давайте лучше мне черную куницу с дыма“. Родимичи согласились». Без сомнения, только страхом их можно было заставить вместо маленькой белки отдавать дорогую черную куницу. Поэтому «добровольный» переход славян от хазар к варягам, скорее всего, был банальным их захватом.

Кстати, это хазары на месте небольшого существовавшего с V века поселения полян основали укрепленный крепостными стенами город (по-тюркски «кы» – берег, «ев» – поселение).

Не отклоняясь от опробованного веками традиционного пути образования всех мировых империй, Хазария в начальный период своего существования создавалась в основном путем завоеваний. Умело организованная и хорошо вооруженная хазарская конница без особого труда захватывала города и села соседних народов. Однако со временем хазарскими каганами стали все больше применяться мирные методы распространения своего влияния, в частности брачные союзы. В период расцвета хазарской державы ее каган имел 25 жен, каждая из которых была дочерью или племянницей одного из подвластных или сопредельных государств.

Но собственно сама Хазария располагалась только в пределах Прикаспийской низменности на сравнительно небольшой территории, вытянутой четырехугольником с юго-востока на северо-запад. Первая столица государства город Итиль находился в устье Волги и, по сообщениям летописцев, был большим торговым портом. Позже хазарские каганы перенесли столицу в утопавший в садах Семендер. Восторгались современники и крупной хазарской крепостью Беленджер, стены которой, по словам арабских путешественников, были мощнее самых неприступных по тем временам стен Хорезма. Другая хазарская крепость, Саркел, находилась на Дону и охраняла торговую дорогу из Крыма в Итиль.

Возвышение Хазарии было обязано ее удачному географическому положению, сделавшему ее узлом пересечения главных торговых путей между Востоком и Западом, Севером и Югом. Из среднеазиатского Хорезма шли караваны в Западную Европу, из Поволжской Булгарии и даже из Скандинавии шли купцы в Персию и Аравию.

Хазарское посредничество в торговле было так широко, что

охватывало даже торговые связи между Византией и Китаем. Превратив свою страну в настоящую таможенную заставу, хазарские правители не гнушались никакими путями обогащения. Они контролировали проходы судов по Волге, Дону, Северскому Донцу и даже Керченскому проливу. Например, запирая на нижней Волге вход в Каспийское море, таможенники Итиля выборочно пропускали ладьи русичей, ходивших грабить персидские владения. А те на обратном пути расплачивались с хазарскими властями чуть ли не половиной своей добычи.

Насколько прочное место занимали хазары в Прикаспии, видно и по тому, что само Каспийское море называлось в то время Хазарским. Это имя существует до сих пор: в турецком языке оно звучит как «Хазар-денизм», в арабском – «Бахр-аль-Хазар» и на фарси обозначается персидским названием «Дарьял-хазар».

СПЯТ КУРГАНЫ ТЕМНЫЕ

География географией, но своим расцветом и широким международным признанием, поставившим каганат в один ряд с Византией и арабским Халифатом, Хазария в значительной степени обязана евреям. Прослышав о веротерпимости и демократичности хазарских царей, в начале X века они в массовом масштабе стали эмигрировать сюда из Византии, Персии и других стран Востока. Большая иудейская община образовалась в Крыму, где евреи жили еще со времен древнегреческой колонизации. Но и во всех других районах страны возникли большие процветающие еврейские общины, в том числе в новом городе Киеве. Ключевые места при дворе хазарского монарха заняли раввины, ставшие его главными советниками.

Олег

Святослав

Вещий Олег только «сбирался отмстить неразумным хазарам», а его внук Святослав нанес им сокрушительный удар

Центральные власти Хазарии использовали предприимчивость и грамотность евреев не только для работы в столице, но и в многочисленных провинциях. Например, им был доверен сбор, подсчет и оценка податей – одной из основных статей дохода казны. Арабский автор аль-Истахри писал: «… страна богата овцами, пчелами и евреями». Но он был не точен – истинное богатство Хазарии благодаря евреям создавалось кроме торговли еще и развитым ювелирным производством. На весь мир славились золотые изделия хазаро-еврейских ювелирных мастеров.

Почти все, что ныне известно о хазарах, почерпнуто из большого числа письменных источников, оставленных всеми евразийскими народами того времени. Особенно много о Хазарии рассказали арабские историки и географы. Но в восторженных отзывах о хазарском царстве от них не отставали и византийские летописи. Вот что, например, сообщала одна из них: «Корабли приходят к нам и привозят рыбу и кожу, всякого рода товары… они с нами в дружбе и у нас почитаются… обладают они военной силой и могуществом, полчищами и войсками». И действительно, связи с византийцами в то время были настолько крепки, что на троне в Константинополе сидел даже ставленник хазарского кагана Лев Хазар.

Но вот что удивительно: если соседи хазар подробно о них рассказали, то сами они оставили о себе довольно скудные, малочисленные и в некоторых случаях спорные сведения. Особенно это касается остатков их материальной культуры, в

основном ограничивающихся могильными захоронениями. Не найдены археологами известные по письменным источникам хазарские города. Сколько они ни пытались раскопать Итиль или Семендер, ничего у них не получалось. Молчали холмы на берегах Волги, Дона и Кумы, «спали курганы темные» в степях Прикаспия. Пожалуй, кроме отдельных фрагментов крепости Саркел, и то сомнительно хазарского ли периода, пока еще никаких хазарских городов никому найти так и не удалось.

Кстати, именно это позволило некоторым ученым вообще усомниться в наличии у хазар развитого феодального строя. Вот, например, что сказал академик Б. Рыбаков: «Отсутствие археологических следов хазарских городов делает очень неубедительными рассуждения о городском строе у хазар». Называя Хазарский каганат «небольшим полукочевническим государством», он писал: «Международное значение Хазарии нередко чрезмерно преувеличивалось». И далее: «Хазария была небольшим ханством кочевников хазар, долгое время существовавшим лишь благодаря тому, что превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северскому Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге». Нельзя здесь не заметить, что позже Б. Рыбаков в своих воспоминаниях открестился от этих слов, сказав, что к уничижению им роли Хазарии в мировой истории его принудило некое давление сверху.

Но еще более интригующий вопрос, связанный с хазарами, это их религия. В советской литературе, особенно периодике, долгое время по этому поводу царило стыдливое молчание. Да и что тут было говорить – неожиданно обнаружилось, что прямо в центре России, на великой русской реке Волге, еще с конца VIII века широко распространилась иудейская вера. Люди ходили не в церкви, а в синагоги, соблюдали субботу, праздновали Хануку и Пурим и надевали таллесы.

Как мог случиться такой конфуз? Вот что рассказывает летопись. Собиратель хазарских земель царь Булан задумал объединить подвластные ему народы единой идеологией. Позвал он на диспут мусульманского кади и христианского священника. Они стали с таким рвением и остервенением доказывать преимущества своей веры и так ругаться друг с другом, что Булан их выгнал. Потом он пригласил к себе мудрого молчаливого раввина, тот ему понравился, хазарский царь взял и принял иудаизм.

Скорее всего, это пересказ легенды. На самом деле главную роль в выборе религии, конечно, сыграла политика. На востоке и

юге от Хазарии, в Хорезме и Персии, господствовал ислам, на юго-востоке царило византийское христианство. Взять эти религии означало попасть под влияние соседей-соперников. А иудаизм был нейтральной и менее других политизированной религией. Своим единобожием он мог быть вполне пригоден для идеологического подчинения единому центру разрозненных языческих племен.

Однако поначалу Тора и Талмуд имели хождение в основном среди хазарской знати. Основная масса населения оставалась идолопоклонниками, а кое-где на окраинах каганата принимала христианство или магометанство. Положение серьезно изменилось, когда в Хазарию хлынула волна еврейской эмиграции. Тогда-то и началась массовая иудизация населения страны, широко распространившаяся практически на все хазарские земли. Повсеместно начали строиться синагоги, иешивы. Суббота, Ханука, Пурим, все главные иудейские праздники стали отмечаться в Итиле, Семендере и других городах.

Несколько позднее другой объединитель земель—киевский князь Владимир тоже задумал с помощью единой идеологии укрепить свою власть над мало связанными друг с другом дикими языческими племенами. Какую для этого религию надо было ему выбрать? Может быть, мусульманство? Нет, оно было далеко и непонятно.

Ближе всего находился иудаизм – государственная религия рядом расположенного, хотя и ослабевшего Хазарского каганата. Местные славянские племена, столетиями «ходившие под хазарами», несмотря на свое язычество, больше были наслышаны об иудейских традициях, чем о христианских. Благодаря этому и в иудаизм их обратить можно было значительно проще. Они бы не держались так крепко за своего Перуна. Кроме того, принятию иудаизма могли способствовать и жившие в Киеве евреи.

Однако отношения русов с хазарами в то время были не ахти какие. Те всячески старались помешать возвышению нового агрессивного соседа. Разве мог каган смириться с тем, что скандинавские завоеватели превратили Киев из маленького провинциального хазарского городишки в столицу молодого враждебного государства? Поэтому он всячески поощрял «буйные набеги» своих подданных на киевские земли, за что, как сказал А.Пушкин, «вещий Олег» собирался их села и нивы «обречь мечам и пожарам».

Кроме того, русы настолько обнаглели, что перестали платить мзду за проход в Каспийское море. В ответ на это каган Иосиф вообще запретил им спускаться в низовья Волги и лишил

их таким образом возможности обогащаться за счет грабежа богатых прикаспийских городов. «Если бы не я, – писал он, – они уничтожили бы всю страну исмаильтян до самого Багдада».

Кончилось это противостояние для хазар весьма плачевно. В середине X века киевский князь Святослав, унаследовав мстительный, жестокий нрав своей матери Ольги, направил военную дружину в Хазарию. «Иду на вы!» – воскликнул он и, напав на Итиль, полностью его разрушил. Потом он разграбил Семендер и, взяв штурмом крепость Саркел, переименовал ее в русскую Белую Вежу. После этого разгрома Хазарский каганат уже влачил жалкое существование.

Всем этим можно объяснить, почему ко времени правления князя Владимира исповедовавшийся хазарами иудаизм оказался не ко двору. В то же время к южным пределам Киевской Руси примыкали владения знатного могущественного соседа, христианской Византии. Несмотря на предыдущие далеко не дружественные действия варягов, тогдашний Константинополь старался всячески демонстрировать киевским князьям свое покровительство. Конечно, никаким бескорыстием здесь и не пахло – просто византийцы стремились подчинить Киев своему влиянию.

Вот почему князю Владимиру ничего не оставалось, как принять византийское православие. Тем более что еще раньше в крымском Херсонесе крестилась княгиня Ольга.

Однако население Киевской Руси долго оставалось языческим, а кое-где даже исповедовалось иудейство. Свидетельством этому могут служить секты «жидовствующих» и «субботников», длительное время распространенные на территории России.

ПРОПАВШИЕ ПОТОМКИ

Более чем трехсотлетнее процветание Хазарии закончилось не только под напором русов с запада и новых кочевых племен с севера. Снова повторяя судьбу всех империй, она пала также из-за внутренних раздоров и слабости своей центральной власти. Отдаленные от центра территории сначала стали проявлять излишнюю самостоятельность, а потом, наподобие Киевской Руси, вовсе вышли из подчинения.

Однако была еще одна причина гибели Хазарии.

Для ее выяснения летний полевой сезон 1961 года проработала в Дербенте подводная экспедиция профессора Л. Гумилева. В результате исследований концевого участка Нарын-Калинской крепости ученые четко отбили границу бывшего

уровня Каспийского моря. Оказалось, что до X века он был довольно низким, а потом стал быстро подниматься. Море стремительно наступало на берег, и очень скоро значительная часть Прикаспийской низменности оказалась под водой.

Вот как написал об этом Л. Гумилев: «Вода медленно заливала плоский берег – „Прикаспийские Нидерланды“, губила посевы и сады, набегами разрушала деревни. К середине X века уже две трети хазарской территории оказались под водой… Море и засуха продолжали давить с двух сторон… В конце XIII века уже вся страна была покрыта морем… Да, Хазария – это в полном смысле русская Атлантида».

Если хазары оставили после себя так мало остатков своей материальной культуры, то, может быть, их след можно найти в потомках? Ведь живут же на территории нынешней России наследники Чингисхана, казанские татары, крымские.

Загадочный народ караимы– потомки древних хазар?

Но антропологи, как и археологи, не дают четкого ответа, а только строят догадки, гипотезы.

Первым претендентом на кровную связь с хазарами должен бы быть небольшой народ татов, живущих главным образом в юго-восточном Дагестане и северо-восточном Азербайджане, а также в северном Иране. Многие из татов исповедуют иудаизм, и соседи называют их евреями. Но в советских паспортах им такой неудобной записи никогда не делали. Являются ли таты теми горскими евреями, которые в значительно большем количестве обитают в районе Нальчика и других городов Северного Кавказа, вопрос спорный. Если это так, то они, скорее всего, выходцы из Персии, а не из бывшей Хазарии.

Осколком населения бывшей Хазарии часто называют еще

караимов. Основная часть этого малочисленного народа живет в горном Крыму. Поднявшись на Чуфут-кале (в переводе «Еврейская гора») нельзя не заметить мезузы, прикрепленные к косякам дверей караимских домов, и древнееврейские буквы на молельне-синагоге. Караимы в течение многих веков исповедовали Тору, отрицали Талмуд и считались отступниками от истинного иудаизма.

До XVIII века караимы в России считались евреями, переселившимися когда-то в Крым из Византии, и подвергались таким же притеснениям, как и все еврейское население. Начиная с правления Екатерины II караимов к евреям приписывать уже перестали. А в будущем даже Гитлер специальным постановлением избавил их от газовых камер.

Так кто же они, караимы? Некоторые факты могут говорить в пользу их хазарского происхождения. Во-первых, караимский язык, как и хазарский, ученые относят к тюркской группе. Во-вторых, караимы живут на подвластной когда-то хазарам территории, которая благодаря своему горному расположению могла быть недоступной русским конным дружинам, разгромившим Хазарский каганат. Вот они и сохранились. Ну и, кроме того, обращает на себя внимание внешний вид караимов – осанка, статность, выправка, напоминающая кавалерийскую. Не происходит ли она от их предков-конников? И не потому ли литовский князь Витовт в XIV веке брал караимов в свою гвардию?

Другая, несколько неожиданная, версия утверждает, что потомки хазар – это сегодняшние казаки. Согласно ей хазары, жившие в кубанских и донских степях, постепенно смешивались с беглым людом из центральной России и Малороссии и образовали ту группу населения, которая называется казачеством. Действительно, есть свидетельства хождения среди русских казаков в недалеком прошлом наречия, похожего на тюркский. Например, в повести Л. Толстого «Казаки» упоминаются казачки, говорящие на каком-то «татарском» языке. Кстати, само слово «казак» по-тюркски означает «вольный всадник». Кроме того, есть доказательства, что некоторая часть казачества придерживалась иудаизма. Одним из них могут служить хранящиеся в одесском музее казацкие могильные памятники с могендовидами и древнееврейскими надписями.

Но все-таки трудно себе представить чубатого казака с шашкой, изучавшего в субботу недельную главу Торы.

А вот еще одна гипотеза, совсем уж шокирующая. Впервые она была выдвинута в опубликованной в 1976 году и претендующей на сенсационность книге А. Кестлера

«Тринадцатое колено». Автор утверждал, что нынешние евреи вовсе не тот библейский «избранный» Богом народ, якобы существующий чуть ли не пять тысяч лет. Тот давно исчез, так же как древние греки и римляне, на земле которых ныне живут совсем другие греки и итальянцы.

Кто же они, восточноевропейские евреи? Оказывается, это бывшие жители волжской Хазарии, пришедшие в Европу с востока подобно болгарам, венграм и всем прочим осевшим там полукочевым народам. Смешавшись с местным южногерманским населением, хазары оставили себе свой иудаизм и постепенно превратились в тех самых евреев-ашкенази, столь насоливших А. Гитлеру и Б. Хмельницкому, И. Сталину и Екатерине II.

На чем основывалась эта гипотеза? Да ни на чем, так – размышления, игра ума, домыслы. Но очень уж она пришлась по сердцу антисионистам и антисемитам. Ведь то была настоящая находка века – оказывается, нет никаких прав у этого народца на Святую землю. Его место в степях Прикаспия, пусть и пасут там своих баранов.

Но еще больше эмоций (ну конечно, со знаком минус) вызвала кестлеровская идея у самих евреев. Разве они, давшие миру христианство и теорию относительности, могли быть потомками каких-то кочевников-тюрков? Это могло звучать только как шуточка о «затурканном еврее»! Ну в самом деле, не родственники же они торгашам со стамбульского базара!

Впрочем, какая разница – ведь, говоря словами Ю.Тувима, кровная связь евреев друг с другом не по той крови, которая течет в жилах, а по той, что течет из жил.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА КАВКАЗА

А. Эйнштейн как-то в шутку сказал: «Я никак не могу поверить, что Господь Бог играет с нами в кости».

Но именно так вынуждены мы воспринимать многие неожиданные события, связанные с климатом, океаном и сушей нашей планеты. Именно таким случайным кажется нам странное поведение непредсказуемого и загадочного Каспийского моря.

Возможно, поэтому на его берегах неоднократно происходили те сложные и крутые повороты в судьбах народов, которые оставили глубокий след в их многовековой истории.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Дорога от Махачкалы до Дербента проходит по узкой береговой полосе, огражденной справа крутыми отрогами Кавказского хребта, слева – пенистыми волнами Каспийского моря. Пологий пляжный склон сложен таким плотным песком, что на нем не отпечатываются даже следы автомобильных шин. Невольно представляешь себе, как сотни лет назад по этому же пляжу мчались с севера конные орды диких кочевников.

За свои 33 года жизни Александр Македонский завоевал полмира и построил там новые города – Александрии

Кто только тут не побывал. Бородатые, длинноволосые конники – скифы на легких быстрых лошадях. Тяжелая кавалерия сарматов, вооруженных длинными пиками и прямыми мечами. Свирепые гунны с дальнобойными луками и плетеными кожаными арканами. Широкоскулые тюркские всадники на низкорослых грудастых конях. Хазары, акациры, барсилы, савиры, булгары, авары, аланы и многие, многие другие.

Все они рвались сюда с лежащего рядом многолюдного шумного перекрестка Азии и Европы, где тысячелетиями пролегали пути кочевых степных народов, где веками рождались и гибли все новые и новые государства и нации. Отсюда на постоянное оседлое жительство ушли к Дунаю венгры, отсюда откочевали в междуречье Амударьи и Сырдарьи узбеки, здесь зародилась будущая Болгария и произошли такие народы, как башкиры, осетины, дагестанцы, калмыки, мордовцы.

И что удивительно: каждому новому народу быстро становилось тесно на этих, казалось бы, необъятных степных просторах. Сбиваясь в огромные полчища и сметая все на своем пути, степняки-конники лавиной катились в благодатные края Закавказья, чтобы опустошать сады и виноградники, грабить богатые южные города, убивать и уводить в плен мирных жителей.

Александр Македонский распространил европейскую культуру эллинизма далеко на восток, до самой Индии

Для защиты оседлой закавказской цивилизации от варварского мира скотоводов-степняков и были построены «железные ворота» Кавказа – Дербент (по-персидски «дер» – дверь, «бенд» – преграда). Трехкилометровый дербентский проход был перекрыт двумя рядами мощных стен, усиленных круглыми и

прямоугольными башнями и стоящей на западе у гор оборонительной крепостью Нарын-кале. А далее по горам далеко на запад тянулась еще одна, почти 40-километровая, каменная преграда, соперничавшая по своему значению со знаменитой Великой Китайской стеной, которая тоже была возведена в качестве преграды от набегов диких орд кочевников на земледельческий Китай.

Когда были построены «железные ворота» Кавказа, точно неизвестно. Легенды настойчиво относят первые упоминания о дербентской стене к эпохе Александра Македонского.

В конце III века до н. э., громя персидскую державу Ахеменидов, непобедимая армия Александра достигла, по преданию, западного берега Каспийского моря. В легенде говорится: «…настал день, когда завоеватель Востока со своей конницей подошел к Дербенту и разбил возле него белые шатры, изукрашенные серебром».

Войска устали от кровопролитных битв и дальных переходов, поэтому полководец решил взять город мирным путем. Он послал к коменданту крепости парламентеров. Пришли они к нему и сказали:

– Мы послы царя всех царей. Он послал нас сказать, чтобы ты подчинился ему и платил дань. Если ты рассердишь царя, он разрушит Железные ворота и убьет тебя.

Но персидский военачальник, уверенный в неприступности толстых стен Дербента, отказался подчиниться покорителю мира. Рассерженный Александр велел своим лучникам и щитоносцам взять город. Однако атаки пехоты были отбиты. Тогда пришлось нападающим ввести в бой тяжелую конницу и боевых слонов. Войска Александра пробили в стенах проломы, куда ринулись прославленные александровы «серебряные щиты». Преследуя неприятеля, македонцы и фракийцы ворвались в город и овладели им. «Привели к Александру коменданта, и сказал ему владыка мира:

– Разве ты не знал, что все цари на всей земле, все рыбы на всех морях платят дань Александру?

– Я знал, – ответил пленник, – что земля, воды подвластны царю, но я не знал, что и небеса должны подчиняться тебе.

Этот ответ понравился завоевателю, он простил перса и даже оставил своим наместником в Дербенте, а сам повел войска на новые земли».

Другие легенды утверждают, что именно Александр Македонский и построил дербентскую крепость. Согласно одному из таких мифов, созданному арабами, Зулькарнейн (Александр) «пошел на восток солнца, нашел оное восходящее над народом,

который не имел против него защиты; пошел дальше и нашел народ, не разумеющий слов, они ему сказали:

– О, Зулькарнейн! Гоги и Магоги производят на сей земле опустошение, не дать ли нам тебе дани, с тем чтобы ты воздвиг между нами и ними преграду?

– Что дал мне Бог, того с меня и довольно, – отвечал Александр, – вы же дайте мне руки, преграду между вами и ними. Носите ко мне столько кусков железа, чтобы ими заровнять промежуток между скатами этих гор. Раздувайте огня столько, чтобы это сделалось раскаленным. Несите ко мне расплавленной меди и лейте на него.

И была воздвигнута преграда между двумя предметами противостоящими, на которую они (Гоги и Магоги) не могли взойти и не могли пробить ее».

Об этом же повествует и другая старинная легенда, пересказанная русским историком Е. Козубским (1906 г.): «Александр по прибытии своем в Армению, жители которой огнепоклонники, отправился в Дербент. Посредством вала с металлическими столбами он так запрудил море Калпиас (Каспий), что ни одному кораблю нельзя было войти в море, а по сухому пути он заградил проход из Таракунты (Дербент) в Калпиас, ибо не оставалось другого прохода, как через возвышавшуюся до неба гору».

Так или иначе, дербентская стена, еще в течение многих веков подвергавшаяся нападению как с севера, так и с юга, добросовестно служила защитникам города. Хотя и неоднократно разрушалась, возводилась вновь, перестраивалась, укреплялась. До нас дошли стены Нарын-калинской крепости, построенной намного позже времен Александра Македонского – в эпоху могущественной династии персидских царей Сасанидов.

Средневековая хроника свидетельствует, что «в сороковом году правления Хосрова I Аноширвана, сына Кавада, царя царей арийцев и неарийцев, в восемьсот восемьдесят третьем году греков, пятьсот семьдесят первом году от рождения Спасителя были построены великие Железные ворота». Две каменные стены толщиной по четыре метра каждая, высотой более 20 метров с 30 сторожевыми башнями и тремя воротами для пропуска торговых караванов надежно огородили процветавшую в то время персидскую державу Эраншарх от агрессивного Хазарского каганата.

Еще одна легенда рассказывает, что Хосров Великий, утомленный бесконечными нападениями хазар на его государство, предложил кагану Хазарии «дружбу, заключение мира и установление взаимного согласия», для чего «пожелал

быть его зятем» и посватался к его дочери.

Каган незамедлительно послал хазарскую принцессу Хосрову, и тот устроил ей пышный прием, поселил в богатом дворце, а сам, воспользовавшись передышкой в войне, стал незаметно возводить дербентскую стену. «И построил ее, причем та часть ее, которая примыкала к морю, была сделана из скалы и свинца; шириной она была триста локтей, и она была проведена до вершины гор. Окончив постройку стены, Аноширван повесил у входа ее железные ворота».

После этого коварный персидский царь отправил хазарскую принцессу домой, а опозоренный отец пошел войском на своего обидчика, но взять приступом мощную защитную стену не смог.

ЦИКЛОПИЧЕСКАЯ ПОСТРОЙКА ПРОШЛОГО

Мы стоим на вершине Дербентского межгорного прохода, у восточной стены Нарын-калинской крепости. Солнце только что вынырнуло из-за горизонта, и умытые морем первые утренние лучи косыми пучками легли на просыпающийся город. Порозовели крыши прямоугольных домов, теснящихся в зеленой оправе садов. Ярко вспыхнул бирюзовый купол старой мечети, подсветились красноватым цветом зубчатые стены реставрированных крепостных башен.

Именно эта хвостовая восточная часть дербентской стены вот уже тысячу лет привлекает к себе внимание ученых, историков, географов, океанологов, археологов. Будучи скрытой под поверхностью моря, она будоражит воображение, ставит вопросы и плохо на них отвечает.

Крепость Нарын-кале защищала оседлую цивилизацию Закавказья отнабегов воинственных кочевников

Как оказалось это строение под водой? Было ли оно сооружено сразу на морском дне или злые волны поглотили его в более поздние времена? А если оно повторило судьбу Атлантиды, то когда и почему? Почти все старые письменные источники свидетельствовали однозначно: часть дербентской стены была всегда подводной. Хосров Великий построил ее специально в воде, она нужна была для лучшей защиты «Ворот Кавказа» от набегов кочевников. Подтверждений этому много, в частности, в целом ряде письменных источников, относящихся к периоду расцвета Великого арабского халифата, который охватывал огромные пространства от Испании на западе до Индии на востоке.

Большинство арабских путешественников, посетивших Дербент в X веке, писали, что дербентская стена в то время далеко уходила в море. Правда, единодушного мнения о ее размере они не высказывали. Так, одни из них сообщали, что длина подводной части достигала трех миль, другие – одной мили, а третьи ограничивали ее всего лишь полумилей. Средневековый арабский историк Хилаль ас-Саби сообщал, что длина морской части дербентской стены составляла «шестьсот локтей», другой его коллега, ал-Истахри писал о «шести башнях».

Дербент в VIII—XI веках был одним из крупных городов арабского Средневековья

Как будто для того чтобы ни у кого не осталось никакого

сомнения в бесспорности подводного происхождения дербентской стены, авторы X–XI веков, не ограничиваясь указанием ее размеров, описывают и способы ее строительства. Хотя и здесь у них тоже не было единства. Например, арабский автор ал-Масуди в своей книге «Россыпи золота» рассказал о применении специальных понтонов в виде надутых воздухом кожаных бурдюков. С помощью таких устройств тяжелые каменные плиты переправлялись с берега к месту их установки. Там ремни, которыми бурдюки были привязаны к плитам, перерезались, и плиты плавно ложились на морское дно.

По другой версии, которую привел ал-Баладзори в «Книге завоевания стран», строители вначале возили в море на лодках камни и бросали их в море, а потом, когда эта каменная наброска показывалась над поверхностью воды, на ней возводилась стена из «каменных глыб и свинца».

Но почему свинец? Объяснения приводятся тоже разные. Ал-Мукаддаси сообщает, что этот материал использовался в качестве нынешнего цементного раствора, скреплявшего каменные плиты. Хилаль ас-Саби поправляет его и сообщает, что свинец заливался в отверстия в стеновых блоках, через которые потом пропускали крепежные железные стержни. Не отсюда ли и название дербентских стен—Железные ворота? Кстати, известно, что персидские строители, правда в других местах, действительно скрепляли каменные стены железными прутьями со свинцовыми вставками (свинец вообще тогда был популярным металлом). Такая конструкция надежно предохраняла здания от разрушения во время частых в тех районах землетрясений.

В период арабского Средневековья о Дербенте много писали не только как о крупной военной крепости, но и как о великом городе-порте.

В VIII–X веках резко возросла роль традиционных караванных трасс Древнего мира. На Каспий сместились многие важные морские пути международной торговли. Дербент стал главным узловым центром нового Прикаспийского торгового пути, который в те времена был не менее знаменит, чем Великий шелковый путь.

От года к году рос и богател морской торговый город на Каспии, ни на один день не уменьшался поток заморских товаров, прибывавших с севера, востока и юга. Здесь торговали собольими и лисьими шкурами из Волжской Булгарии, кожаными седлами и ремнями из Хазарии, дербентскими полотняными тканями – масхури, цветастыми паласами и расписными чашами из Багдада, фаянсовыми и фарфоровыми тарелками из Китая.

Известный арабский географ ал-Истахри, объехавший всю

Персию, Среднюю, Южную и Западную Азию и видевший много разных «ворот» (ал-вабов) Великого арабского халифата, называл Дербент главными «воротами ворот» (Баб ал-абваб). Недаром именно отсюда, из этого далекого пограничного города, его правители нередко отправлялись прямо на халифский престол. В своей «Книге путей и царств» (930 г.) аль-Истархи писал: «Баб ал-абваб – приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов. Между этой стоянкой и морем, по обе стороны моря, построены две стены, так что вход для судов узок и труден… И в устье порта протянута цепь, так что не может судно ни войти, ни выйти иначе как с разрешения».

Поразил своим величием и богатством Дербент и другого арабского писателя и ученого того времени, ал-Табари. В своей «Истории пророков и царей» он написал, что «…в Дербент прибывали купцы из Джурджана, Табаристана, Дейлема, и он служил своего рода складом для товаров из Хазарии, Серира, Зарихгена, Амика, Хайзана, Руклана и других мест».

Автор еще одной «Книги путей и царств», ибн-Хаукал, описывая дербентский порт, подтвердил сообщение ал-Истахри, что ворота в гавань были перекрыты цепью, которая запиралась на специальный замок, а ключ от него находился у того, кто наблюдал за морем, и «судно входило в порт только с разрешения эмира Дербента».

Итак, почти все путешественники, прибывавшие с моря в этот большой прикаспийский город, в первую очередь обращали внимание на его богатый торговый порт. И поскольку своего природного залива здесь побережье не имело, то естественно было предположить, что выдвинутые в море каменные стены были построены специально, чтобы создать удобную внутреннюю гавань для судов, где они были бы защищены не только от штормовых волн, но и от злых врагов. Вот почему высказывания арабских географов могут быть признаны субъективными.

Что же касается их рассказов о подробностях сооружения крепостных стен прямо в воде, то тут следует учитывать, что этих арабских путешественников отделяет от нас огромное расстояние – целое тысячелетие. Может быть, именно потому нам они кажутся чуть ли не современниками сасанидской эпохи. На самом же деле они так же далеки от времени Хосрова Ануширвана, как мы от XVI века, когда, например, в Москве строилась Китайгородская стена. Не можем же мы всерьез считать себя осведомленными в тонкостях технологии ее возведения? Возможно, для летописцев арабского Средневековья дербентские сказания о Нарын-калинской крепости носили характер такой же легенды, как для русских предание о Китай-городе.

Истины ради следует заметить, что легенды о сооружении дербентской заградительной стены в море продолжали появляться и в более поздние времена. Так, занимавшийся многие годы сбором сведений о колебаниях уровня Каспийского моря советский ученый Б. Аполлов пересказал историю, якобы происшедшую в 1587 г. Как-то поздно вечером «к большим» воротам Дербента подошел караван, следовавший с севера в закавказский Азербайджан. Путники опоздали; привратники только что закрыли ворота на ночь, и пройти через город на юг уже было нельзя. Пришлось разбить палаточный лагерь прямо у крепостных стен и заночевать.

Утром ворота открылись, сборщики налогов вышли получить плату, полагающуюся за проход через город. Но каково же было их удивление, когда у ворот они никого не застали. Присмотревшись, они увидели на песке следы каравана, ведущие к морю, и все поняли: верблюды обошли стену по воде. Разгневался тогда грозный властитель Персии шах Аббас I, владевший в те времена Дербентом, и приказал срочно построить в море, «там, где глубины достаточны, чтобы их не могли пройти верблюды, большую башню и соединить ее с берегом стеной».

Как видим, в более мирное, чем раньше, время молва объясняла причину перекрытия морской части Дербентского прохода не необходимостью обороны от нападающего неприятеля, а целью защиты шахской казны от неплательщиков таможенного налога.

ОТКРЫТИЕ Л. ГУМИЛЕВА

Легенды всегда остаются легендами, красивыми сказками, отражающими дух своего времени и выдающими желаемое за действительное.

Л.-Гумилев (1912—1992) доказал, что в X веке Каспий затопил

Первый, кто высказал сомнение в достоверности сообщений о строительстве дербентских крепостных стен в море, был известный ленинградский ученый, историк и археолог, профессор Л.Гумилев (сын А.Ахматовой и Н.Гумилева). Полемизируя со сторонниками морской гипотезы происхождения восточной части дербентской крепости, он писал: «Вид стены, омываемой морем, неизбежно вызывал у пытливых арабских географов повышенный интерес к тому, каким образом построена столь мощная стена на такой большой глубине, и, опросив местных жителей, они создали гипотезы, не вполне соответствовавшие действительности, но отражавшие уровень знаний их времени».

Л.Гумилев не ограничился теоретическими умозаключениями. Летом 1961 года он организовал полевую экспедицию, профинансированную ленинградским Эрмитажем, и со своими сотрудниками провел серию подводных археологических исследований на рейде дербентского морского порта.

В течение девяти ветреных августовских дней в непростых условиях постоянно волнующегося в этих местах моря ученые сделали поистине решающие открытия, проливающие свет на многие до того неясные вопросы.

С первых же заплывов в зеленоватой морской воде на скалистом дне аквалангисты Л.Гумилева обнаружили лежащие на боку огромные каменные плиты сасанидского времени. Расстояние до берега было 200 м, глубина 3,5 м. В последующие дни перед исследователями открылось и дальнейшее продолжение подводной стены, ее развалы шириной до 70 м то тут то там лежали на ровной гранитной площадке, чуть прикрытой тонким слоем донного песка. Дальше на восток глубина моря сначала плавно, а потом резко увеличивалась, и на расстоянии около 300 м от берега якорный лот показал 5 м. Перед глазами взволнованных исследователей неожиданно предстала та самая легендарная сторожевая башня, которая когда-то стояла у входа в порт и с которой свисала тяжелая железная цепь с замком, запиравшая ворота гавани.

Таким образом была открыта еще одна загадочная циклопическая постройка прошлого, которая по праву может привлекать всеобщее внимание не меньше, чем грандиозные мегалиты Англии, огромные каменные изваяния острова Пасхи или гигантские пирамиды Египта и Мексики. Так же как они, дербентская башня хранит в себе тайну явного несоответствия ее размеров и веса с технологическими возможностями древнего

общества.

Действительно, трудно объяснить, как это в VI веке без подъемных кранов и водолазных скафандров можно было на глубине 5 м выполнить кладку хорошо подогнанных друг к другу тяжелых каменных блоков, да еще скрепить их железными стержнями.

Недаром, как мы уже знаем, увидевшие впервые морскую стену Дербента арабские путешественники не могли обойти молчанием этот вопрос. Однако представляется по меньшей мере домыслом рассказ ал-Масуди о применении при строительстве понтонов-бурдюков для укладки плит на морское дно – ведь в таком случае их нужно было бы под водой на большой глубине выравнивать, устанавливать, скреплять. Можно с уверенностью утверждать, что и сегодня это далеко не простая задача.

Скорее следовало бы поверить ал-Баладзори, описавшему традиционный, кстати, применяемый и ныне, способ возведения морских волноломов и причалов путем первоначальной отсыпки каменных банкетов. На таких дамбах, возвышающихся над водой, несложно построить насухо самую высокую и толстую стену.

Другое дело – зачем? Для любого волнолома и причала достаточно небольшого превышения над уровнем моря, и вовсе не нужна многометровая стена, на которую даже с наших морских суперлайнеров взбираться неудобно. Тем более с низкорослых средневековых судов.

Так что же, остается все-таки согласиться с той версией, которая утверждает, что дербентские стены перегораживали море, для того чтобы враги не могли войти в город? По этому поводу справедливо высказался Л. Гумилев: «Для целей обороны было достаточно, если вокруг нее (сторожевой башни. – *Г.Р.*) была глубина 1–1,2 м. Ведь на башне были стрелки, которые не позволили бы противнику пробраться под самыми стенами башни. Затем тюркский всадник на неподкованном коне был бы сразу же сбит с ног прибоем и имел больше шансов утонуть… Поэтому понятно, почему в 627 году тюрко-хазарское войско предпочло штурм дербентских стен обходу Дербента с моря».

А теперь главный аргумент. Если сасанидские строители могли возвести морскую стену путем отсыпки дамбы, то они именно это бы и сделали. Однако подводные исследования со всей определенностью показывают: никаких даже небольших следов бывшего каменного банкета на дне моря нет, древние плиты лежат прямо на морском дне – следовательно, никаких подводных работ здесь не велось.

Таким образом, не остается никаких причин верить ни Масуди, ни Балдазори.

И все же, несмотря на очевидность приведенных соображений, все они – только размышления, догадки. А как в любом споре, нужны вещественные доказательства, факты, предметы. И они тоже есть.

Четвертый день полевых работ экспедиции Л. Гумилева в Дербенте был ненастным, ветреным. С утра по морю бежали стада белых барашков, а к полудню разыгрался настоящий шторм. О том, чтобы выйти в море на лодке и вести подводные работы, не могло быть и речи. Поэтому археологи решили провести «сухопутную» часть исследований и направились осматривать наземные строения северной крепостной стены. Они несколько раз прошли мимо нее, обращая внимание на каждую деталь неровной вертикальной поверхности. И вдруг заметили зарытые в грунт большие глиняные амфоры явно древнего происхождения. Правда, многие из них были разбиты, но на их месте остались ямы и черепки. Что это?

Известно, что в грузинских и азербайджанских деревнях жители закапывают в своих садах объемистые глиняные бочки для многолетнего хранения вина. Обычно их закладывают в день рождения ребенка или свадьбы. Неужели и здесь, под оборонительными стенами, защитники города держали вино и опохмелялись перед боем? Конечно нет. Это были сосуды для воды. В жару, под палящим солнцем осажденные войска долго не продержались бы без надежного водоснабжения, которое и обеспечивали зарытые в землю глиняные амфоры. На протяжении многих недель вода в них могла сохраняться свежей и прохладной. Это была интересная и не совсем обычная находка, но только через несколько дней стала понятна ее особая важность.

После того как море наконец-то успокоилось, аквалангисты из экспедиции Л. Гумилева продолжили свои ныряния. И вот однажды, когда яркое дневное солнце глубоко просветило темноватую от ила воду, была сделана еще одна находка, имевшая решающее значение. В развалах камней на глубине 4 м от поверхности моря был обнаружен заросший ракушками и водорослями черепок амфоры, которого более тысячи лет не касалась рука человека. Сомнений не было: это осколок одного из таких же водохранилищных сосудов, которые были найдены на берегу вкопанными у оборонительных стен.

Итак, было найдено еще одно доказательство того, что «дно моря в момент постройки дербентской крепости было сушей. Иначе зачем бы строителям закладывать сосуды для пресной питьевой воды прямо в море. Казалось бы, все ясно, и все-таки…

А что, если этот черепок не от той амфоры, зарытой у

крепостной стены, а от той, которая упала с одной из вошедших в дербентский порт фелюги или каторги? Может быть, какой-нибудь подвыпивший моряк, опорожнив посуду с вином, выбросил ее за борт, наподобие того, как в наши дни выкидывают использованную бутылку. Такой вариант тоже возможен. Тогда все предыдущие построения теряли смысл. Сомнения, сомнения…

Вот для того чтобы попытаться их рассеять, и оказались мы на краю цитадели Нарын-кале и, как многие до нас, пораженные, всматривались в необычную панораму старинного города.

Огражденные с двух сторон прерывистыми каменными лентами древних стен, неровными рядами ползли в гору плоскокрышие глинобитные домики-черепашки. Им навстречу сбегали вниз длинные узкие улицы, мощенные булыжником и брусчаткой. Но что это? У моря они наталкивались на пунктир еще одной полуразрушенной преграды. Поперечная стена?

Мы спустились к ней, подошли поближе. Те же массивные каменные плиты, ровно стесанные с наружной стороны, та же плотная забутовка из рваного камня и гальки. Ну конечно же, это был еще один аргумент в пользу береговой версии строительства морской части дербентской крепости. В самом деле, к чему было городить в море сложное и дорогое фортификационное сооружение? Ведь враг, даже и обошедший по мелководью боковую защитную стену, все равно не мог попасть на берег – на его пути непреодолимой преградой стояла мощная поперечная стена.

Мы прошли дальше по пляжному откосу и наткнулись на окунувшийся в море конец северной оборонительной стены. Здесь уходили в воду развалы толстых сасанидских плит. Тяжелые тугие волны гулко, наотмашь били по их шершавым каменным бокам и лениво откатывались назад, оставляя на песке шипящую полоску белой пены.

Некоторые из плит были необычны: длиннее и толще других, вдоль их поверхности пролегала глубокая полукруглая выемка. Совсем недавно мы где-то видели точно такие же каменные блоки. Но где?

Это было вчера, когда мы осматривали Нарын-калинскую цитадель и проходили вдоль северной защитной стены. День стоял пасмурный, небо затягивали низкие серые облака, в горах сгущались и плотнели сизые грозовые тучи. Неожиданно кто-то обратил внимание на странные выдолбленные посредине удлиненные каменные блоки, которые с разных сторон подходили к круглым отверстиям в земле. Что это? Мы заглянули в один из них – там, как в колодце, блеснула вода. Откуда здесь, в

скалистой возвышенной местности могла быть грунтовая вода? Промерив веревкой с грузом найденные нами «колодцы», мы вдруг обнаружили, что это зарытые в землю глиняные амфоры для воды. Вскоре, когда тучи сползли с гор и из них хлынул короткий, но обильный южный дождь, все стало понятно.

По продольным углублениям длинных плит побежала дождевая вода, сначала тоненькими струйками, а потом большими потоками, устремившимися с разных сторон к бочкам-амфорам. Вот оно в чем дело: длинные плиты с углублениями – это каменные лотки для сбора дождевой воды. Стекая к зарытым в землю сосудам, вода накапливалась в них и долго хранилась. Поэтому прав был Л. Гумилев: поднятый его ныряльщиками со дна моря черепок амфоры – не случайная находка, а остаток водозаборной системы, в которую входили и обнаруженные нами в море каменные лотки и которая уже в VI веке снабжала защитников города пресной водой. Кстати, такой способ водоснабжения широко развит во многих странах мира с засушливым климатом, где мало рек и подземных вод и где поэтому ценится и бережно хранится каждый литр падающей с неба дождевой воды.

Таким образом, в тот дождливый летний день замкнулась длинная цепь доказательств наземного происхождения подводной части дербентской стены. Она строилась в VI веке не на морском дне, а на берегу и только через 300 лет оказалась затопленной морем.

Заканчивая обсуждение истории возведения дербентских стен, нельзя не упомянуть, что, в отличие от арабских географов, другие наблюдатели того времени, по-видимому, слушали и рассказы о наступлении моря на сушу. Например, московский купец Федор Котов так писал об этом: «А Дербень город каменный, белый, бывал крепок, только не люден. А стоит концом в горы, а другим концом в море. А длиной в горы более трех верст. И сказывают, что того города море взяло башен с тридцать. А теперь башня в воде велика и крепка».

Свидетелей былого низкого уровня Каспия обнаруживают по всему побережью, особенно по самому обжитому – западному.

Если с Девичьей башни в Баку смотреть на море, то в акватории бухты недалеко от берега можно увидеть небольшой плоский, как блюдце, островок с низкими песчаными берегами. На самом деле в совсем недалеком прошлом это был не остров, а холм. И он им оставался до тех пор, пока подъем уровня Каспийского моря не привел к его затоплению и не превратил сначала в полуостров, а затем в остров.

На этом небольшом остатке суши, расположенном в бакинской бухте рядом с мысом Баилов, еще в начале XVIII века были обнаружены развалины какого-то загадочного сооружения. Русский гидрограф того времени Ф. Соймонов писал: «В означенном заливе Бакинском, южнее города Баки, в 2 верстах, на глубине 4 сажен – каменное строение, стена-башня, и хотя оная башня уже и развалилась, однако в некоторых местах и выше воды знаки есть, и по известиям слышно, якобы в древние времена построение было на сухом пути и был то гостиный двор».

Другие исследователи не соглашались с этим и считали, как, например, А. Вознесенский в 20-х годах позапрошлого столетия, что на дне бухты находились бывшие сторожевые городские сооружения. Среди же бакинских старожилов бытовало мнение, что в бакинской бухте под водой покоится бывший караван-сарай.

Уже в советское время (в 1939–1940 и в послевоенные годы) азербайджанский ученый И. Джафар-заде провел археологические исследования, показавшие, что здание на дне бакинской бухты – это средневековый храм огнепоклонников. Кстати, аналогичные культовые сооружения найдены и на самом Апшеронском полуострове. На каменных же плитах, облицовывавших затонувший храм, были найдены и расшифрованы надписи, гласившие, что строитель Зейн-Ад-динбен-Абу-Рашид из Ширвана возвел здание в 1224–1235 годы.

Таким образом было окончательно доказано, что древний храм стоял на холме и к нему подходила дорога, проложенная по насыпи. Теперь эта насыпь вместе с холмом затоплена и выглядит как подводный перешеек, идущий от берега к островку в бакинской бухте. Проведенные другим русским исследователем, Б. Аполловым, геодезические исследования показали, что уровень моря с 1235 года до наших дней поднялся здесь почти на 8 м.

В те же предвоенные годы в Апшеронском проливе при строительстве Артемовской дамбы на глубине 1,5 м от уровня моря было найдено скифское кладбище. Из илистого песка со дна моря было извлечено девять каменных гробниц длиной по 2,4 м со скелетами скифских воинов. «Из этого следует, – пишет известный исследователь Каспия профессор К. Гюль, что Апшеронский полуостров был естественным путем соединения с островом Артема, и в этом случае скифы своих воинов могли хоронить на холме или же вообще на суше. Подтверждением того, что в прошлом Апшеронский полуостров был соединен с островом Артема, служит и существующее среди местных жителей предание, что на острове Артема (до революции называвшегося Святым Пир-Аллахи, что означает „божий храм“) был храм огнепоклонников (газовые выходы), на поклонение

которым шли жители селений Гюргян, Тупкян и Зыря, в прошлом огнепоклонники».

Большой интерес представляют также подводные открытия, сделанные на участке морского дна, расположенного в 20 км севернее устья реки Куры. Там, недалеко от поселка Норд-Ост-Култук, аквалангисты спортивного клуба «Наяда» в 50 м от берега нашли на дне моря остатки фундаментных и стеновых плит, керамику, украшения, монеты. Все они принадлежали жителям затонувшего средневекового поселения XI века Бяндован, береговая часть сооружений которого была давно уже обнаружена и исследована археологами.

В результате работы ежегодных экспедиций начиная с 1970 г., здесь, на участке шириной более 7 км с севера на юг, разведаны три зоны развалов сооружений древнего поселения.

Вот что писал об одном из эпизодов этих подводных исследований организатор и участник экспедиций научный сотрудник Музея истории Азербайжана В. Квачидзе: «Лодка подошла к участку подводных поисков. Здесь еще раньше были обнаружены остатки фундамента. Подводные стены шли перпендикулярно к берегу в море. Они были сложены еще древними мастерами… Со дна моря подняты остатки простой и глазурованной посуды, в частности, днища чаш с изображением птиц, оленей, рыб, звездообразных орнаментов, квадратные обожженные кирпичи, части каменных жерновов». Кроме того, было найдено много серебряных и бронзовых монет, сердоликовых бус, браслетов. В разрушенных гончарных мастерских встречались керамические предметы с клеймами древних ремесленников. Специалистам удалось расшифровать некоторые надписи: «Изготовил чашечник Юсиф», «Жизнь мира – любовь!», «Пока с тобой труд и наука…» и др.».

Аналогичные подводные находки были сделаны в 1973 году в районе мыса Амбуранского (Кегня – Бильгях) вблизи северного побережья Апшеронского полуострова. На глубине 10 м были обнаружены остатки сооружений, очевидно, порта, который, по сообщению средневековых путешественников, существовал с XI по XVI век.

Здесь между двумя выдающимися в море мысами под водой была найдена ровно сложенная каменная гряда, бывшая, вероятно, древним молом. Возле нее исследователи обнаружили три больших кованых железных якоря, а также несколько наборных каменных якорей, похожих на античные, которые обычно встречаются в Средиземном море. Со дна были также подняты черепки фаянсовой посуды, расписанной кобальтом, глазурованное блюдо, селадоновая чаша и другие древние

предметы домашнего обихода.

Все эти свидетельства показывают, что, по-видимому, в конце XIII – начале XIV века произошло еще одно быстрое повышение уровня Каспийского моря. В течение нескольких десятилетий целые города и отдельные сооружения оказались под водой. Море поднялось более чем на 10 м.

Об этом, кстати, имеются сообщения и в древних письменных источниках. Например, персидский писатель Даджати в 1304 году сообщил, что древний порт Абескун, располагавшийся на восточном берегу Каспия вблизи нынешнего Серебряного бугра (Гюмуш-тепе), погрузился под воду с катастрофической быстротой. Азербайджанский ученый и писатель Бакуви в 1400 году писал, что часть башен и стен древней бакинской крепости затоплена морем. Это подтверждает также рукописная лоция для морской географии, составленная в 1804 году русским гидрографом Лариным. На ней отмечено, что вода доходит до стен и ворот бакинской крепости.

На более древней италийской карте Марино-Сануто, выпущенной в 1320 году, возле западной границы Каспийского моря сделана надпись: «Море каждый год прибывает на одну ладонь, и уже многие хорошие города затоплены».

В азербайджанском фольклоре распространены устные и рукописные легенды о крепостях, дворцах и храмах, погрузившихся на дно моря. Так, столетиями ходило в народе сказание о подводном городе Юннан-шахаре (в переводе – «греческий город»), который якобы «был построен Аристуном» (Аристотелем). Это был, по преданию, крупный античный город с крепостью, храмом и портом.

По инициативе известного азербайджанского деятеля культуры XVIII–XIX веков А. Бакиханова этот город в свое время искала крупная морская экспедиция. К сожалению, поиски оказались безуспешными, как и все последующие.

Впрочем, кому, кроме, быть может, детей, нужны все эти сказки? Зачем копаться в каких-то старых развалинах Средневековья? Какая разница, где был когда-то берег Каспийского моря, зачем столько усилий затрачивать на прошлое, когда так много проблем создает настоящее?

Сегодня – это миг между прошлым и будущим. Без прошлого не может быть ни сегодняшнего, ни завтрашнего дня. Только зная прошлое, можно хотя бы в общих чертах представить себе будущее. Вот почему так важно для нас знать историю, особенно природы, и в частности морей. Эти знания нужны, чтобы жить нам самим достойно в настоящем и дать счастливое будущее

детям и внукам.

СЕНСАЦИЯ XX ВЕКА

Одно из наиболее сенсационных природных событий конца прошлого века – внезапный, никем не предвиденный ранее подъем Каспийского моря. В течение многих десятилетий, особенно второй половины XX века, уровень Каспия неуклонно падал и достиг, казалось, катастрофически низкой отметки – 28 м ниже поверхности Мирового океана. Это вызывало большое беспокойство у транспортников, ведь обмелели морские пути, затруднился подход к ряду портов.

Всерьез были встревожены и рыбаки, потому что ухудшилась среда обитания ценных видов рыбы и ее поголовье стало резко уменьшаться. К этому вело резкое обмеление речных проток и заводей и, как следствие, уменьшение площади нерестилищ. Насколько это было тревожно, говорил тот факт, что Каспийское море обеспечивало почти 90 % всего мирового улова осетровых рыб. Кроме того, Каспий вообще давал в то время и четвертую часть всего улова рыбы во внутренних водоемах СССР. Да и в целом в его бассейне вырабатывалась почти треть валовой продукции страны.

В связи с этим началась разработка разных проектов спасения Каспийского моря, от самых фантастических до вполне реальных. Однако ни один из них не получил одобрения, а потом надобности в них вообще не стало. В конце 70-х годов падение воды в Каспии прекратилось, и вскоре, наоборот, начался ее подъем. Сначала на 20, потом на 50, а затем и на 80 см в год. На смену обмелению моря пришел угрожающий большими неприятностями процесс затопления и подтопления прибрежных низинных территорий. Стали гибнуть посевы зерновых, сады и огороды, затрещали стены домов, начали разрушаться дороги, мосты, портовые сооружения. Слава богу, к концу XX века этот процесс немного затих, уровень моря перестал подниматься. Но кто знает, не упадет ли он снова или, наоборот, пойдет еще выше?

Для того чтобы ответить на этот вопрос и попытаться объяснить феномен Каспийского моря, нужно как можно больше знать о его прошлом. Для этого и изучают ученые развалы древних сооружений, исследуют захороненные под слоями земли остатки морской фауны и флоры, размывы древних берегов, отложения морской гальки и другие свидетельства штормовой и повседневной деятельности морских волн. Они и дают возможность составить более или менее подробную и

достоверную картину изменения водности Каспия за сотни и тысячи лет его существования.

На протяжении 100 тысяч лет Каспийское море, повторяя судьбу всех водостоков и водоемов Северного полушария, четырежды испытывало сильные «гипертонические кризы». В эти периоды уровень воды в море резко повышался и оно наступало на сушу, заливая огромные пространства. Три раза вслед за этим Каспий отступал назад в свою котловину. Кстати, было время, когда его размеры были меньше сегодняшних чуть ли не в 13 раз.

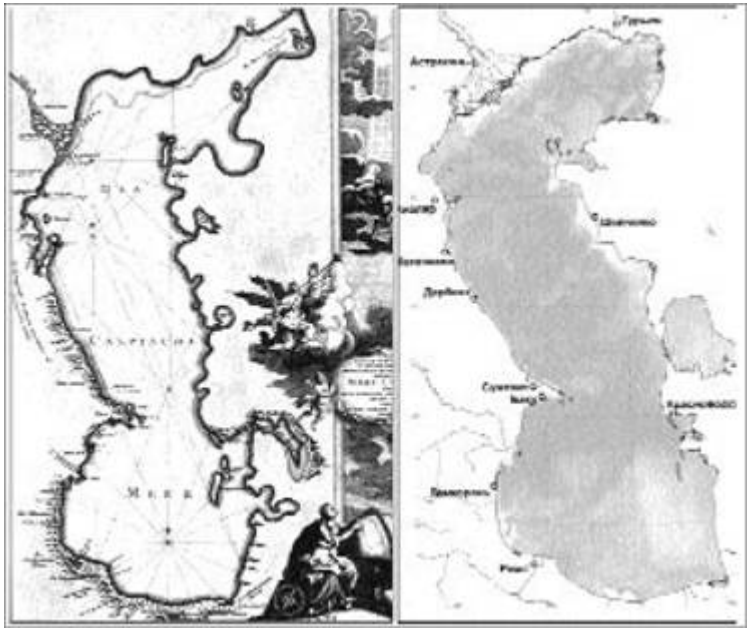
Почему все это происходит, чем объясняются непонятные резкие повороты в судьбе Каспийского моря, каковы причины его непостоянности? Когда ученые не знают точного ответа, они строят гипотезы. Первая из них – климатическая. Колебания величины испарения с поверхности моря, миллионы тонн воды, в буквальном смысле «выброшенные на ветер», по мнению сторонников этой теории, являются причиной повышения или понижения уровня воды в Каспии.

Если бы не было пополнения водных запасов Каспия пресными водами, его уровень только за счет испарения падал бы каждый год на целый метр. Наиболее мощным испарителем, настоящим «котлом», выпаривающим морскую воду, долгое время служил залив Кара-Богаз-Гол, который ежегодно снимал с поверхности моря слой воды 3 см толщиной. После перекрытия пролива, соединявшего залив с морем, состоявшегося в 1980 году, Каспий получил водный «добавок» в размере 10 км3 в год. Однако перекрытие Кара-Богаз-Гола оказалось не очень-то продуманным решением. Его полное отторжение от Каспия привело в этом районе к пагубным экологическим последствиям. Поэтому позже в дамбе был сооружен специальный шлюз-регулятор, восстановивший гидравлическую связь залива с морем.

«Брошенное на произвол судьбы» Мировым океаном Каспийское море почти всегда вело себя далеко не так, как его «прародитель». Когда в результате таяния ледников при потеплении климата уровень Мирового океана поднимался, Каспий, наоборот, «худел».

В противоположность этому, например, в период последнего оледенения Земли и значительного падения уровня Мирового океана для Каспийского моря наступил «золотой» век. Здесь установился режим с невысокой температурой воздуха, повышенной влажностью, а следовательно, и небольшим испарением с морской поверхности. К тому же в бассейн Каспийского моря постоянно поставлял около 120 км3 воды в год огромный Скандинавский ледниковый щит. Поэтому уровень

Каспия, в отличие от Мирового океана, интенсивно повышался.



Брошенное Мировым океаном на произвол судьбы (дождей и ветров), Каспийское море (слева-– вчера, справа-– сегодня) периодически «худеет»

В климатической гипотезе все кажется строгим и логичным, в нее укладываются почти все факты, известные нам на сегодняшний день. И все же есть сомнения…

Если посмотреть на график колебаний уровня Каспийского моря за несколько десятилетий XX века, то эти сомнения станут особенно тревожными. Взять хотя бы период 1930–1940 годов. Почему в этот период времени в Каспии так резко упал уровень воды? Ведь скорость его снижения в эти годы совершенно не соизмерима со скоростью потепления климата в Северном полушарии, происходившего медленно и плавно. Невольно напрашивается мысль: нет ли здесь какой-то быстродействующей импульсной силы? Какой?

В первую очередь это может быть внутренняя сила Земли. Именно с ней связывают резкие колебания уровня Каспийского моря сторонники геологической тектонической гипотезы.

Действительно, морские уровни очень чутко могут реагировать на изменение размеров самого моря. Даже самые небольшие изменения объема Каспийской морской котловины должны сразу же сказываться на положении поверхности воды.

В 90-х годах прошлого века были проведены интересные геолого-географические исследования. Они охватили большую территорию юго-западной Туркмении и частично Азербайджана и Грузии. Ученые показали, что в районе Каспия в те годы происходило опускание земной поверхности. Тектонический прогиб и углубление одной части Каспийской впадины мог приводить к перетоку в нее воды из других частей моря. Этим и объяснялся подъем там уровня.

Тектоническая гипотеза также хорошо объясняет имевшее место неоднократное периодическое соединение Каспийского моря с Азовским через Манычский пролив. Вертикальные колебания поверхности Земли в районе Кума-Манычского перешейка могли приводить к периодическому обводнению или обмелению этого пролива.

Сообщения об этом, кстати, снова возвращают нас к временам Александра Македонского, овладевшего южным берегом Каспия. Это он собирался снарядить первую в истории экспедицию для исследования Каспийского (Гирканского, как говорили древние греки) моря. Однако осуществлена она была лишь после смерти Александра его бывшим военачальником, а позднее царем Селевком I Никатором. Царский флот под командованием его посланника полководца Патрокла обошел Каспийское море по кругу и установил существование Волжского залива, вытянутого к северу почти на целых 100 км.

Во времена Патрокла, кажется, и были впервые обнаружены следы былого соединения Каспийского моря с Азовским через Кума-Манычскую впадину. По свидетельству некоторых письменных источников, существовавший ранее соединительный канал сильно обмелел, и Патрокл предложил расчистить пролив и восстановить морское сообщение между Азовским и Каспийским морями.

Некоторые исследователи считают, что соединение Каспия с Азовским морем происходило за историческое время несколько раз. Одним из свидетельств этого может служить, в частности, уже упоминавшаяся легенда о сказочном подводном городе Юннан-шахаре. Она тоже сообщает, что Каспийское море было соединено с Черным (Азовским) морем широким судоходным проливом. Рассказывается, что по этому проливу древнегреческие галеры привозили на Каспий богатые товары с Запада. И только после того как пролив начал пересыхать, город Юннан-шахар погрузился в морскую пучину.

Версия о соединении Каспийского и Азовского морей в античную эпоху несколько сомнительна. Но о том, что в доисторическое время они неоднократно и на длительный период

были связаны Манычским проливом, установлено достаточно точно. Об этом, например, свидетельствуют палеографические исследования, проведенные в 20-е годы прошлого века С. Ковалевским. Найденные в осадочных породах северной части Кума-Манычской впадины остатки древней флоры и фауны отличаются от таких же находок в южной части. Это говорит о том, что на их пути вставала непреодолимая водная преграда. Этой преградой конечно же должен был быть широкий естественный пролив, соединявший Каспий с Мировым океаном в межледниковые периоды.

Известный географ, исследователь прикаспийской низменности К. Бэр провел детальные изыскания в Манычской котловине и установил наличие двух Манычей. Правый берег западного Маныча представляет собой крутой обрыв высотой до 20 м, он сложен пресноводными и каспийскими отложениями грунтов, по которым можно судить о периодике соединения Каспия с Мировым океаном.

Большая обводненность Манычской котловины всегда производила сильное впечатление на путешественников. Вот как описывал манычские протоки и озера писатель А. Серафимович, проезжавший по тем местам в начале XX века: «Среди голой, на сотни верст выжженной пустыни, где земля трескалась от зноя, развертывается вдруг не озеро, а целое море, его синий простор сливается с небом».

И еще одна гипотеза – техногенная, то есть такая, которая во всем обвиняет человеческую техническую деятельность, безудержное вторжение машинно-электронной цивилизации в природу и преступно небрежное к ней отношение.

Первое, на что обратили внимание ученые, пытавшиеся, например, объяснить последнее резкое понижение уровня Каспийского моря, это начавшееся в 50-х годах интенсивное изъятие человеком пресных вод из рек, питающих Каспий. Ведь именно в эти годы началось строительство крупных волжских водохранилищ (Куйбышевское, Волгоградское, Саратовское и др.). На их заполнение пошло несколько больших весенних паводков Волги, которые в результате и были недополучены Каспием.

Тогда же начался и мощный водоотбор на нужды сельского хозяйства (орошение) и промышленности, что тоже сильно обезводило Волгу, Урал, Куру, Терек, Сулак – почти все реки, впадающие в Каспийское море. А ведь речной сток играет основную роль в поддержании его полноводности, доставляя ему около 300 км3 воды в год, тогда как атмосферные осадки дают намного меньше (60 км3).

Надо сразу сказать, что бытующие среди широкой общественности амбициозные представления о воздействии техногенной деятельности человека на глобальные или хотя бы на региональные природные процессы во многих случаях бывают сильно преувеличены. Это в полной мере относится и к влиянию безвозвратного изъятия части стока рек, питающих Каспийское море. Пока никакого решающего его значения для катастрофического обмеления моря не замечено.

Доказательством может служить интенсивный рост уровня Каспия в 90-е годы прошлого века. Оно состоялось, хотя никакого уменьшения водоотбора из рек в то время не было, наоборот, засушливость этого периода потребовала большего, чем раньше, водоотбора на орошение.

Одно из объяснений этого: так называемые безвозвратные потери воды из рек – вовсе не безвозвратные и даже вовсе не потери. В действительности значительная часть отобранных у Каспия пресных вод в виде подземного стока возвращается к нему обратно и, таким образом, не оказывается для него потерянной.

Например, большое количество воды, забранной из рек и водохранилищ для полива посевов, просачивается в почву и становится подземной водой. Ведь не секрет, что у наших оросительных каналов коэффициент полезного действия (КПД), как у паровоза, составляет всего 0,3–0,5. А это значит, что до 70 % всей подаваемой на орошение воды поступает в землю и затем снова стекает в реки.

Итак, разные гипотезы, разные мнения. Какое из них самое правильное? Наверно, ортодоксальная приверженность к одному из них была бы ошибкой. По-видимому, в районе Каспийского бассейна действуют все три фактора, ведущие к колебаниям уровня моря. Климатические изменения имеют долговременный длительный характер, и на них, как на общий фон, накладываются периодические тектонические изменения – прогибы морского дна и, может быть, в какой-то мере искусственный отбор воды из рек, питающих Каспийское море.

Если мы с трудом объясняем прошлое, то тем более не в состоянии достоверно предсказать будущее. Долгосрочные прогнозы режима уровней воды в Каспийском море так же сомнительны, как, например, предсказания изменения климата или сейсмической активности Земли на отдаленные периоды времени.

Трудность прогноза колебаний уровня Каспия состоит еще в том, что нужно знать, в каком направлении будет развиваться климатическая обстановка не только в пределах Каспийского

бассейна, но и во всей Европе, Северной Африке и части Атлантического океана. Необходимо предсказать, как поведут себя зарождающиеся над Атлантикой циклоны, насколько они активны и влагонасыщенны, куда они направятся и где остановятся. Пока мы предвидеть это не можем.

История земной цивилизации составляет всего одну миллионную часть общей истории развития Земли как планеты. Поэтому современное человечество по геологическому масштабу времени находится в положении новорожденного младенца, который не научился еще улавливать смену не только времен года, но даже суток. Вот почему многие природные процессы, связанные с климатом и геологией, мы попросту не замечаем вообще, а если и обнаруживаем, то часто не можем объяснить.

Это в полной мере относится и к проблеме изменения уровня воды морей и океанов, в том числе Каспийского моря. Падения и подъемы его уровня, происшедшие «на глазах» человечества, – это лишь мгновение в долгой жизни моря. Отсюда и характер нашего восприятия долговременных колебаний его уровня. Нам не удается уловить их закономерности, и они кажутся случайными, стихийными.

Вот почему на вопрос – как поведет себя Каспийское море завтра, может быть только один ответ: НЕИЗВЕСТНО.

ЗАГАДКИ СТАРОГО КРЫМА

Античные и средневековые строители морских портов, конечно, не могли предположить, что они попутно возводят верстовые столбы времени. Кто из них мог представить, что обычные гидротехнические сооружения превратятся в будущем в своеобразные метки, которые навсегда зафиксируют вековые колебания уровня моря? Но именно такой мерной временноўй шкалой служат ныне остатки полуразрушенных причальных стенок, волнобойных молов, маяков. С точностью до сантиметра показывают они, где было море пятьсот, тысячу, две с половиной тысячи лет назад.

ФЕНОМЕН ХЕРСОНЕСА

Удивительная земля – Крым. Здесь на небольшой, окруженной морем территории причудливым образом сочетаются разные климатические зоны, ландшафты, растительный и животный мир. Рядом с голыми скалистыми горами лежит ровная плоскость зеленой степи. Неподалеку от строгих северных елей растут ярко цветущие орхидеи, пальмы и кипарисы.

Руины Херсонеса ЕкатеринаIприняла за древнеримский Себастополис,находившийся в тысяче километров от него

Не менее многообразна и история народов этой земли.

Из Средиземноморья шли сюда когда-то парусно-весельные корабли с переселенцами из Древней Греции. Здесь, на северном

побережье Эвксинского («гостеприимного») моря, пересекались во времени и пространстве судьбы разных народов и государств. Высокоразвитые древнегреческая, древнеримская и византийская цивилизации столкнулись с простой пастушеской культурой степняков-кочевников, морской промысел рыбаков и торговцев встретился с земледелием оседлого населения: виноделием и хлебопашеством. Обугленные остатки кострищ неолитических стоянок первобытных людей лежат здесь рядом с каменными руинами античных храмов, а кирпичные развалы турецких и генуэзских крепостей соседствуют с бетонными блиндажами и дотами Великой Отечественной войны.

Главные арочные ворота Херсонеса велив торговую часть города

Почти вдоль всего огромного крымского (да и многотысячекилометрового черноморского) побережья на дне моря лежат развалины древних сооружений. Неумолимо наступая на сушу, море за долгие века поглотило сотни и тысячи каменных зданий самого разного назначения. Служившие ранее многим поколениям людей дома и храмы, торговые склады и амбары покоятся ныне на илистом или каменистом морском дне. Заросшие водорослями и покрытые ракушками древнегреческие бутовые фундаменты, плоские известняковые римские квадры, блоки византийской рустованной кладки неопровержимо доказывают, что в античные и средневековые времена уровень моря был на 4—10 м ниже сегодняшнего. Это подтверждают все древние затонувшие города Причерноморья.

Улица древнего Херсонеса упирается прямо в воду, ее мостовая уходит на дно моря

Но вот Херсонес…

Его феномен уже десятки лет вызывает споры между учеными, историками, археологами, географами.

Загадкой было даже местонахождение этого города. Когда в июне 1771 года, громя войска турецких янычар, победоносные русские гренадеры вышли на юго-западную оконечность Крымского полуострова, они увидели у берега величественные белоснежные колонны византийских храмов. «Себастополис!» – воскликнул генерал Долгоруков, командующий 2-й русской армией, овладевшей Крымом. Вскоре он доложил в Санкт-Петербург Екатерине II, что его войска захватили знаменитую, описанную многими древними географами и историками, римскую морскую крепость Себастополис. Русская императрица тоже не очень-то была сильна в географии, но зато весьма сильно тяготела ко всему классическому, старинному. Помимо того, она очень стремилась подвинуть границы своего государства на юг – к Босфору, Константинополю, Греции. Поэтому она повелела заложенную ею на берегу Крыма новую военно-морскую крепость наречь Севастополем. Так вот и получил новую прописку в Крыму бывший древнегреческий и древнеримский город Себастополис – Диоскурия. На самом-то деле он находился когда-то совсем в другом месте – на расстоянии почти тысячи километров на юг от Крыма, в кавказской стране Абхазии на черноморском берегу, где стоит сегодня современный Сухуми.

А Херсонес (это был обнаруженный русскими войсками древний морской порт) оказался по воле Екатерины II в устье Днепра, вблизи другого античного города – Ольвии, и стал современным Херсоном.

Отдавая дань классицизму, просвещенная императрица, кстати сказать, напутала с присвоением классического имени и еще одному морскому порту, построенному ею в северном Причерноморье. Назвав его Одессой, она снова допустила географическую ошибку – античный город Одессос находился совсем в другом месте, на западном, болгарском берегу Черного моря около Варны.

Удивительно, что археологическому Херсонесу, как объекту исследований, постоянно не везло, в том числе и в XX веке. Неоднозначным оказалось не только местонахождение этого города на берегах Черного моря, но и его расположение на западном побережье Крыма. Изучавшие этот вопрос ученые сначала обвинили в путанице знаменитого географа древности Страбона. Рассказывая о Херсонесе I века н. э., он сообщал, что это вовсе не тот античный порт, который был широко известен в прошлом, а совсем новый город, сохранивший от предыдущего только название. А тот «старый» древнегреческий Херсонес жители покинули еще в V веке до н. э., и во времена Страбона он уже был почти полностью разрушен. Описывая местоположение современного ему Херсонеса, географ отмечал, что «…перед городом на расстоянии 100 стадиев (около 17 км) находится мыс, называемый Парфением, имеющий храм божества и его статую. Между городом и мысом есть три гавани; затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах».

Вот этот «старый» Херсонес и вызвал у наших историков и археологов недоумение. Что это за мыс Парфений и где руины погибшего города? Какая связь между старым и новым Херсонесом?

Однако довольно быстро исследователи установили, что упомянутый Страбоном Парфений – это и есть Херсонесский мыс – оконечность Крымского полуострова («херсонес» – в переводе «полуостров»). А вот почему древний географ говорит только о трех гаванях, когда на самом деле их было четыре, непонятно. Одни ученые сочли, что Страбон ошибся и в его описании четвертый залив просто-напросто пропущен. Другие полагали, что ученый принял за одну две соседние бухты, сливавшиеся в общее устье.

На самом же деле Страбон ничего не перепутал и вовсе не ошибся. В его время существовало действительно только три бухты. Уровень моря тогда стоял на много метров ниже сегодняшнего. Это позже морские волны затопили широкую береговую ложбину и образовали новый залив, которого раньше не существовало.

Поэтому и появилась гипотеза, предполагавшая, что древний

страбоновский Херсонес лежит на дне моря. За его поиски взялся бывший директор Херсонесского музея К. Гриневич. Энергичный деятельный человек, он пригласил водолазов из ЭПРОНа (Экспедиция подводных работ особого назначения) и начал большие подводные исследования у западного берега Карантинной бухты. Особенно широко работы развернулись в 1930–1931 годах. В течение многих недель водолазы вели поиски и передавали результаты своих наблюдений археологам, дежурившим в лодках. Исследования охватили территорию площадью более 2,5 тыс. м2. На илистом дне Карантинной бухты подводники обнаружили целый затонувший город с домами, улицами, крепостными стенами. На глубине 8 м были найдены гряды камней и круглые башни, причальные сооружения, амбары, склады, их развалины уходили в море на 40–45 м. Другие фрагменты стен, длиной не менее 50 м, тянулись с севера на юг.

Под водой был даже отснят большой фильм. На его кадрах темнели, как в тумане, высокие крепостные стены, объектив киноаппарата показывал древнеримскую баню с широкими каменными скамьями, на которых когда-то возлежали патриции. Но, увы, после тщательной проверки все это оказалось игрой природы и воображения, фантазией, блефом. Заросшие водорослями крепостные стены, башни, дома были просто естественными выходами коренных пород на илистом дне залива. Размытые морем пласты известняка, древние рифовые образования были ошибочно приняты водолазами за круглые башни и руины стен. Открытие подводного города в те годы не состоялось.

Однако «старый» страбоновский Херсонес на самом деле был не на дне моря, а на берегу, примерно в 3 км к юго-востоку от Херсонесского мыса, то есть от того места, где потерпел фиаско незадачливый К. Гриневич. В основании Маячного полуострова, пересекая узкий перешеек, стояли крепостные стены, защищавшие сельскохозяйственные участки древних греков. Оборонительные стены длиной около 900 м и толщиной 2,75 м шли двумя параллельными рядами. В двухсотметровом промежутке между ними и располагался «древний» Херсонес.

Однако очень скоро оказалось, что он вовсе не древнее «нового» Херсонеса, а, наоборот, моложе почти на целое столетие. Во всяком случае, при раскопках там не было найдено ни одного предмета IV века до н. э., то есть времени основания античного Херсонеса.

Почему же город на Маячном полуострове Страбон считал более древним, чем Херсонес у Карантинной бухты? Никакой ошибки здесь нет. Просто ученый, употребляя слова «древний»,

«старый», понимал под этим – «бывший», существовавший когда-то, а потом разрушенный. Археологические исследования подтверждают, что город на Маячном полуострове уже к I веку до н. э. действительно был покинут жителями. По-видимому, это было связано с нашествием кочевников, которые в конце II века до н. э. вторглись во владения Херсонеса.

ТРЕТЬЯ КРЕПОСТНАЯ СТЕНА

Таким образом, загадка «старого» Херсонеса была разгадана. Городом Страбона оказалось одно из нескольких основанных греками поселений, которые объединялись в небольшое античное государство на западном берегу Крыма со столицей в Херсонесе. Его образовали переселенцы из древней Гераклеи Понтийской, лежавшей на северном побережье Малой Азии (ныне турецкий город Ерегли). Предприимчивые греческие колонисты в V веке до н. э. основали сначала торговый город, превратившийся вскоре в самостоятельную земледельческую республику Херсонес.

Однако во II веке до н. э. она была подчинена могучему соседу – понтийско-боспорскому царю Митридату Евпатору. В I веке до н. э. Херсонес Таврический, как и многие другие города Причерноморья, вынужден был подчиниться Риму. Римский император Феодосий укрепил Херсонес и превратил его в крупную по тем временам морскую цитадель.

Именно в этот период были проложены в городе откапываемые сегодня прямые ровные улицы, на пересечении которых кое-где устанавливались статуи. Большие строительные работы были проведены в херсонесском порту – построены длинные причалы для кораблей, возведен высокий стройный маяк. На берегу вблизи гавани возник «нижний» город, с большой рыночной площадью, многочисленными торговыми рядами, зернохранилищами, складами, амбарами и жилыми домами.

Позже город попал под зависимость Византии. В это время также ведется крупное строительство, возникают многие новые поселения за стенами крепости, еще больше отстраивается морской торговый порт.

В Средние века Херсонес продолжал процветать и стал известным на Руси, где его называли Корсунь. Прекратил свое существование Херсонес только в XIV веке, простояв почти тысячу лет и исчезнув последним из античных городов Северного Причерноморья.

Находка 3-й крепостной стены Херсонеса ясно показывает – в XIV—XV веках море отступало

Таким образом, сооружения крупнейшего города-порта Древнего мира Херсонеса Таврического стоят на восточном берегу Крымского полуострова уже более 2500 лет. Руины древнегреческих, древнеримских и византийских улиц, площадей и домов рыбаков и торговцев, складов и магазинов, храмов-базилик детально изучены, описаны и датированы. Их местонахождение, ориентирование, принадлежность ни у кого никаких сомнений не вызывают.

А вот в отношении оборонительных сооружений Херсонеса споры не затихают уже десятки лет. Непонятным представляется то, что расположение трех рядов крепостных стен города, подробная датировка которых дана одним из бывших директоров Херсонесского музея-заповедника И. Антоновой, противоречит имеющимся представлениям о наступлении моря на сушу. Дело в том, что самые старые крепостные стены стоят далеко от современного берега, а более молодые подходят к самому морю.

Стены Херсонеса погружались не только под воду, но и под землю

Это кажется по меньшей мере странным. Ведь известно, что одним из самых уязвимых и ответственных районов древнего приморского города был его порт, который и защищался от врагов, нападавших со стороны моря, толстыми каменными стенами. По устоявшимся правилам античной и средневековой портовой фортификации, оборонительные стены обычно строились у самой воды, что давало возможность отгонять вражеские корабли от города. Поэтому построенные в разное время ряды крепостных сооружений Херсонеса, несомненно, должны отмечать и границу «суша – море». А если так, то остается признать удивительный факт: три раза перестраивавшаяся крепость Херсонеса следовала за отступавшим урезом воды, следовательно, море не наступало на берег, как считалось раньше, а, наоборот, отступало.

В этом и состоит парадокс Херсонеса, отмеченный рядом исследователей, сопоставлявших результаты херсонесских измерений с такими же наблюдениями в Ольвии (устье Днепра), Фанагории (Таманский залив) и других местах Причерноморья. В итоге всеобщее признание получило мнение, что херсонесский феномен вовсе не исключение из правил, а подтверждение высказанного еще раньше предположения о всеобщем понижении уровня Черного моря в XIV–XV веках. Этот процесс даже получил херсонесское название: «корсунское отступление» моря.

А что происходило дальше, как развивались события в более позднее время? Выйдем на берег Карантинной бухты – внутреннего рейда древнего херсонесского порта. У самого берега, а то и под водой лежат глыбы серого бугристого

песчаника. Рядом спускаются прямо в воду высокие ровные ступени каменной лестницы, по которой когда-то горожане Херсонеса спускались к морским причалам. Эти загадочные ступени снова путают все карты и вызывают новые вопросы. Почему они уходят под воду, почему их затопило? Ведь мы только что установили, что уровень моря понизился.

Один из возможных ответов на этот вопрос был получен совершенно неожиданно, когда летом 1982 года по фарватеру Карантинной бухты прошла землечерпалка, снявшая со дна слой заиления и обнажившая более глубокие слои грунта. На глубине 2,5–3 м от поверхности воды на дне Карантинной бухты в 20–25 м от берега были обнаружены затопленные развалины каменной кладки шириной до 1,5 м и длиной около 30 м. Здесь же в 60-х годах XX века была обнаружена затопленная ромбовидная башня, состоящая из двух каменных поясов и направленная тупым углом к морю. Можно было предположить, что оказалась найденной еще одна, третья стена Херсонеса, причем самой поздней постройки.

Следовательно, прошедший здесь дноуглубительный снаряд вскрыл не только природные донные отложения, но и сделал раскоп в культурном слое, который накопился у городской стены Херсонеса и который ныне затоплен морем. Значит, имело место наступление моря на сушу, поэтому временное «корсунское отступление» вовсе не противоречило более поздней общей тенденции повышения уровня Черного моря.

При изучении многократной смены направления вертикальных движений поверхности Земли ученые большое значение придают архитектурным и строительным особенностям тех или иных сооружений. Так, одним из важных свидетельств вековых колебаний уровня моря и береговой территории Херсонеса могут служить уникальные двухъярусные городские ворота в 16-й куртине крепостных стен. После погребения ворот культурными отложениями и наносами моря, затоплявшего берег, оборонительные сооружения города подверглись трехкратной надстройке. В результате на старых засыпанных воротах появился новый проход – каменная калитка с полукруглым сводом, и общая высота строения достигла 15 м.

О том, что в первые столетия существования Херсонеса уровень моря находился на 3–4 м ниже современного, свидетельствуют и многие древние водозаборные колодцы и водосборные цистерны, находящиеся в пониженном северном районе Херсонесского городища. Их днища находятся ныне намного ниже уровня моря, и в них стоит соленая вода. Несомненно, что в прошлом эти сооружения так построены быть не могли, ведь они, конечно, служили для сбора и хранения

питьевой пресной воды, то есть находились на значительно более высоких отметках по отношению к морю.

С конца V по IV век до н. э. здесь же в прибрежном районе Херсонеса находился и некрополь (городское кладбище) – конечно, и он когда-то, без сомнения, располагался на возвышенных участках местности. Теперь этот район располагается на уровне современного пляжа, во время штормов заливается морской водой и забрасывается водорослями и галькой. В зоне прибоя находятся и днища цистерн виноделен, построенных в первых веках новой эры.

Изучая хронологию изменения оборонительных и хозяйственных сооружений Херсонеса, историк Д.Козловский отметил ряд «мертвых» периодов жизни города, которые он связал с регулярным затоплением его пониженных районов. Действительно, в городских напластованиях Херсонеса фиксируются маломощные культурные слои, относящиеся к II–I векам до н. э. и к VII–VIII и XIV векам н. э.

ГИБЕЛЬ ХЕРСОНЕССКОГО ПОЛИСА

Такие же пробелы отмечаются и в истории других античных и средневековых городов Северного Причерноморья. Может быть, и их гибель связана с фатальными катастрофами – наступлением моря на сушу? И возможно, прав Д. Козловский, который писал: «Затоплением побережий Малой Азии и архипелага островов Эгейского моря при опускании мы склонны объяснить, в полном согласии с Аристотелем, две волны переселения древних греков в Причерноморье, носивших характер бегства от стихийного бедствия».

Можно представить, как огромная стена воды надвигалась на берег, море неудержимо наступало на прибрежную пониженную часть города, заглатывая одно за другим инженерные сооружения морского порта. Погружались под воду грузовые причалы, волноотбойные молы, маяки, склады, торговые лавки, жилые дома, крепостные стены и башни.

Здесь же, на Гераклейском полуострове, в соседних бухтах Стрелецкой и Круглой под воду ушли сельскохозяйственные участки-клеры, ровные прямоугольные участки земли, отгороженные друг от друга каменными межевыми оградами.

Об общем характере катастрофы, постигшей города Хрсонесского государства, говорит и то, что вместе с его столицей почти одновременно затонули сооружения других древних поселений западного побережья Крымского полуострова.

Ведь древнегреческий Херсонес был полисом, то есть

городом-государством, в подчинении которого находилась хора – группа небольших городов сельскохозяйственного, торгового и военно-оборонительного назначения. Жившие в них греки снабжали Херсонес хлебом, мясом, рыбой, торговали с местным населением. Кроме того, эти небольшие города служили форпостами для защиты столицы от нападения врагов. Со своей стороны, Херсонес обязывался защищать подопечные ему территории.

В античном отделе Херсонесского музея экспонируется высокая плита из белого мрамора, на которой 2,3 тысячи лет назад была высечена торжественная клятва горожан. Вот выдержки из нее: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими и героями, владеющими полисом, хором и укрепленными пунктами херсонесцев. Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Калос-Лимена, ни прочих укрепленных пунктов, ни остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа».

Как мы видим, на первом месте среди прочих херсонесских городов стоит Керкинитида – морская крепость, стоявшая на берегу нынешнего Евпаторийского залива. Есть предположение, что это поселение было образовано даже на 50–75 лет раньше появления Херсонеса, который только позже подчинил его себе. «Керкинитида – город скифский», – писал древний автор Гекатей Милетский, живший около середины V века до н. э., то есть в то время, когда Керкинитида, возможно, была самостоятельной.

Во второй половине – конце IV века до н. э. этот город был окружен высокой каменной стеной длиной около 1,2 км с несколькими квадратными сторожевыми башнями. За крепостной стеной стояли жилые дома, амбары, лавки. Вокруг города располагались сельскохозяйственные клеры, которые, очевидно, занимали большую площадь сегодняшней Евпатории.

Керкинитида была для херсонесцев важным опорным пунктом при колонизации плодородных приморских земель всего северо-западного Крыма. Отсюда можно было овладеть степными равнинами, где выращивался хлеб, торговлей которым славился Херсонес.

Керкинитида сегодня – это большой прямоугольный котлован (360г220 м), находящийся на территории одного из евпаторийских санаториев. При строительстве его корпусов на глубине 4–5 м были откопаны довольно хорошо сохранившиеся фундаменты и цоколи каменных древнегреческих домов, мощенные булыгой участки улицы, часть крепостных стен и

башен.

Здесь соседствовали сооружения разных эпох. Рядом с древнегреческой круглой башней и каменным водостоком IV века до н. э. стояла римская стена рустованной кладки II века н. э. Эти строения оказались расположенными на отметках, близких к современному уровню моря, поэтому они были сильно подтоплены морской водой, высачивающейся из грунта в борта и дно раскопа. Весь культурный слой V века до н. э. был сильно обводнен.

На месте нынешнего районного центра Черноморский (бывшая татарская Ак-Мечеть) 2,5 тысячи лет назад возник третий по величине город Херсонесского государства – Калос-Лимен (по-гречески «Прекрасная гавань»). Хотя он и был почти в два раза меньше Керкинитиды, но тоже имел мощную крепостную стену с большими прямоугольными башнями. В городе было 100–150 усадеб с каменными 3– и 5-комнатными домами, сараями для хранения продуктов и сельскохозяйственных орудий труда и небольшими двориками. Как говорит само его название, Калос-Лимен был городом-портом, его жители были морскими торговцами и рыболовами. Однако кроме морского промысла они интенсивно занимались и земледелием. К северу от жилой зоны на берегу бухты Ветреной располагалась большая сельскохозяйственная территория. Почти 9 га было отведено под клеры, где выращивался виноград и высевалась пшеница.

«Прекрасная гавань» не избежала той же судьбы, что Херсонес и Керкинитида. Море неумолимо наступало на усадьбы хоры Калос-Лимена. Уровень воды в этом месте поднялся на несколько метров, а берег и по сегодняшний день отступает на 7—12 см в год. За 2,5 тысячи лет волны «сгрызли» почти 200-метровую полосу суши со стоявшими на ней домами, заборами, огородами. Одна из усадеб, находившаяся раньше далеко от берега, сейчас нависает над самым морем, и часть стеновых и фундаментных блоков уже обрушились в воду с 7-метрового берегового обрыва. Ныне аквалангисты-ныряльщики поднимают со дна бухты большое количество разнообразной керамики: горлышки и ручки амфор, днища пифосов и лампады со следами огня, освещавшего когда-то низкие комнаты древних жителей этого края. В донном иле покоятся осколки глиняных горшков греческого и римского времени и византийские монеты XII века.

Помимо более или менее крупных городов Херсонесской хоры подтопленными оказались и множество небольших укрепленных и неукрепленных античных и средневековых поселений западного берега Крымского полуострова.

Суровый и безводный Тарханкутский полуостров отсечен от

западного Крыма узким и длинным извилистым озером Донузлав. Много веков назад, когда уровень моря стоял на несколько метров ниже современного, берега Тарханкута были еще больше изрезаны глубоко вдающимися в сушу бухтами, где греческим колонистам удобно было основывать долговременные поселения. Особенно плотно было заселено южное побережье Тарханкутского полуострова. Здесь на 20-километровой береговой полосе обнаружено около 15 херсонесских поселений – это половина всех открытых на Тарханкуте и почти 40 % всех известных на северо-западе Крыма городов.

Другой, тоже густозаселенный район находился к северо-востоку от Калос-Лимена. Вблизи западной оконечности Донузлавского перешейка находится древнее городище Беляус, возникшее в IV веке до н. э. Это было хорошо укрепленное херсонесское поселение с мощной многоэтажной квадратной (10г30 м) башней. Ныне огромный противотаранный каменный пояс оборонительной башни подтоплен снизу подземными водами. У самого берега стоят омываемые штормовой волной остатки тесаных рустованных квадров, показывающие, что и древнеримская империя не пренебрегала этим районом Причерноморья.

Не меньший интерес представляет античное поселение, заложенное в IV веке до н. э. на берегу Ярылгачской бухты неподалеку от озера Панское (Сасык). Две с половиной тысячи лет назад этого озера вообще не существовало. Бухта была узкой, имела длинные извилистые рукава, а на месте нынешнего озера лежала низкая равнина с плодородной землей. Морские рукава залива были очень удобны для стоянок кораблей. Но со временем море поглотило цветущую некогда долину, и под воду ушли жилые дома и хозяйственные постройки, располагавшиеся когда-то на территории нынешнего поселка Панское. По-видимому, основные здания и сооружения древнего поселения лежат ныне на дне озера и покрыты толстым слоем ила. На обоих берегах озера найдены укрепленная и неукрепленная усадьбы, а на его дне на глубине 3–3,5 м обнаружены заиленные камни и глиняные черепки.

Так же как в Беляусе, около поселка Штормового, в 3 км от моря, неподалеку от села Хуторок есть озерцо, на дне которого на глубине 2,5 м и на площади 100г150 м найдено большое скопление античной керамики и хорошо обработанные известняковые строительные блоки. Можно предположить, что здесь тоже когда-то воды не было.

Подтоплению подверглось и больше половины территории раскопанного городища с культурными слоями IV века до н. э.,

которое расположено вблизи озера Кизил-Яр. Здесь на площади 0,5 га на глубине не менее метра от современной поверхности земли стоят в воде фундаменты жилых домов древних греков-херсонесцев.

Такие доказательства повышения уровня Черного моря вблизи западного и северо-западного берега Крыма за последние 2,5 тысячи лет можно множить и множить. Не менее 40 больших и малых укрепленных и неукрепленных городов и поселений, подвластных когда-то Херсонесу Таврическому, подверглись губительному воздействию моря. Впрочем, многие из них не полностью погружены на дно, а лишь подтоплены вторгающимися в берега морскими или накапливающимися в земле грунтовыми водами.

ЗОЛОТОЕ РУНО КОЛХИДЫ

В один из солнечных августовских дней 1953 года в Сухуми недалеко от устья реки Беслетка произошло событие, на долгие годы приковавшее к себе внимание ученых, историков и археологов. На пляже миноборонovского санатория в 50 м от берега была обнаружена каменная плита, светлым пятном выделявшаяся на темном илистом дне моря. Усилиями нескольких ныряльщиков тяжелый камень с трудом сдвинули с места, вытащили из песка, подняли и доставили на берег.

СУХУМСКИЙ КАМЕНЬ

Это был прямоугольный, немного уширенный книзу кусок серовато-пятнистого мрамора высотой более 1,5 м и шириной около 0,5 м. Большая нижняя угловая часть плиты оказалась отломанной. Когда камень очистили от водорослей и ракушек, перед присутствовавшими предстал прекрасный барельеф, изображавший молодую женщину в кресле, преклоненного перед ней мальчика и служанку, подносящую ларец. Находка стала одним из важных экспонатов Исторического музея в Сухуми.

Что же это была за плита, откуда она, каков ее возраст, кому принадлежала и что означало изображение? За расшифровку «сухумского камня» взялись местные абхазские ученые во главе с М. Трапшем. Их задача осложнялась тем, что плита была явно привозная: мрамор, из которого ее когда-то сделали, на Кавказе не встречался. Кроме того, не хватало некоторых важных деталей. Так, на верхнем торце плиты виднелись круглые гнезда со следами медных стержней – свидетельство того, что барельеф имел еще навершие, где должна была быть надпись, к сожалению, не найденная.

Сухумский камень сопоставили с подобными уже изученными археологическими находками прошлых лет. Так, в Керчи в изящной церкви Иоанна Предтечи собрана интересная коллекция старинных намогильных памятников (лапидарий). Среди них очень много и античных, преимущественно древнегреческих. На некоторых стелах изображено прощание детей с родителями, мужа с женой, сестры с братом и т. д.

Найденный в Сухуми барельеф по сюжету и манере исполнения очень напоминал керченские стелы. Вполне можно было предположить, что он из того же ряда намогильных памятников эпохи греческого присутствия на берегах Понта

Эвксинского и относится к V–IV векам до н. э.

Однако керченская коллекция содержит памятники, найденные в Северном Причерноморье, на Крымском и Таманском полуостровах, где, как известно, в то время действительно находились древнегреческие колонии, объединившиеся затем в Боспорское царство.

А каким образом стела, подобная тем керченским, могла оказаться на восточном кавказском берегу Черного моря? Ведь это – многие сотни километров от известных черноморских городов древних греков. Может быть, она упала с какого-то древнего судна, шедшего на север или потерпевшего кораблекрушение у берегов Кавказа?

Но, возможно, килевой парусник вез ее из Греции именно сюда, в древнюю Колхиду. Если это так, то здесь, у сухумского берега следует искать остатки древнегреческого приморского поселения с жильем, портом и… кладбищем. Не было ли это разгадкой давней тайны, уже почти два столетия не дававшей покоя ученым историкам и археологам?

Было известно, что 2,5 тысячи лет назад у подножия Кавказских гор на восточном берегу Черного моря в сказочной стране Колхиде греческие купцы из малоазийского города Милета основали колонию Диоскурию (Диоскуриаду). Позже она стала большим городом с крупным торговым портом.

Назван ими город был в честь братьев-близнецов Диоскуров: Кастора и Поллукса, покровителей и помощников мореплавателей. Они были воинами легендарной дружины аргонавтов, в борьбе со свирепым драконом отвоевавших у царя Колхиды Эета золотое руно – шкуру волшебного барана. С этой целью они и предприняли смелое плавание под предводительством Язона на корабле «Арго» к берегам далекого Кавказа. В поэтической форме рассказали об этом, в частности, античные писатели Аполоний Родосский и Эврипид.

В мифах об аргонавтах обращает на себя внимание высокая оценка древними авторами заморской страны у Кавказских гор. А греческий географ Страбон (I век н. э.) отметил: «Существуют рассказы… о богатствах этой страны, состоящих из золота, серебра и железа и заставляющих предполагать истинную причину похода аргонавтов… Рассказывают, что у них потоки с гор сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда и сложилась, говорят, басня о золотом руне».

Миф о золотом руне отмечает, что страной правил «сын бога Солнца волшебник Эет». Великолепный царский дворец возвышался над долиной реки и далеко был виден с моря.

«Высокие стены дворца, – говорит легенда, – поднимались над скалами. Всюду белели ряды мраморных колонн, сверкала медь украшений, выкованных богом подземного огня Гефестом в знак дружбы с отцом Эета Гелиосом. Слоновая кость украшений отливала желтоватой маслянистой белизной, ярко горела бронза, тяжелые серебряные двери, такие же, как во дворце самого Гелиоса, сияя, неслышно поворачивались на искусно сработанных петлях».

Но позже произошло нечто ужасное, приведшее страну к гибели. Об этой природной катастрофе, происшедшей в эпоху аргонавтов, легенда рассказывает следующими словами: «Тотчас вокруг раскатился гром. Казалось, сонные горы поколебались. С протяжным стоном рассеялась земля. Мертвый холодный ветер, крутясь, рванулся из трещин. А вслед за его порывами вышла из расселин великая богиня Геката ночная, Геката подземная… Вой, стоны, скрежет доносились из-под земли, и далеко вокруг, в платановых лесах Колхиды, послышались испуганные вопли…»

Что это – отголосок землетрясения, происшедшего когда-то в Колхиде, или горный обвал («горы поколебались»), сопровождавшийся селевыми потоками? Пока никто не знает.

Более точным, чем мифы, историческим документом, упоминавшим Диоскурию, был отчет, составленный Флавием Аррианом, правителем Каппадокии, древнеримской провинции в Малой Азии. По поручению императора Адриана он совершал инспекторский объезд римских владений, расположенных на побережье Черного моря, и подробно описал свое путешествие вдоль морского берега. В частности, он написал: «Мы раньше полудня прибыли в Себастополис. Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыганье всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. Себастополис основан милетянами и прежде назывался Диоскурией».

Немногим позже Страбон записал в своей «Географии»: «Диоскурия служит началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи; сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, нисколько не заботящихся об истине, даже 300; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно…»

Древний город, по-видимому, располагался на сухом песчаном берегу, окруженном лиманами и болотами дельт рек Гумисты и Баслы (Беслетки). Такое местоположение защищало поселение от набегов враждебных местных племен.

Здесь находились главные сооружения города – пристань,

склады, крепостные укрепления. Однако неизвестные подземные силы производили скрытую разрушительную работу. Сначала Диоскурия потеряла свой порт с причалами и молами, а потом и большая часть города с жилыми домами, крепостью, храмом и кладбищем ушла под воду.

Плиний Секунд, видный древнеримский ученый, погибший в 79 году при извержении Везувия, писал о Диоскурии: «Теперь этот город находится в запустении, но некогда был столь знаменит, что, по словам Тимосфена, туда сходились 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши римляне вели здесь свои дела при посредничестве 130 переводчиков». Далее Секунд сообщал, что римляне построили на этом же месте свою крепость и назвали ее Себастополисом. Возможно, что ее создание кроме прочего было связано с устремлением римлян проложить северную обходную трассу знаменитого шелкового пути в Индию и Китай. Эта сложная трасса проходила через Марухский перевал Главного Кавказского хребта. Известно также, что под стенами Себастополиса римский полководец Помпей в I веке до н. э. разбил грозного понтийкого царя Митридата Евпатора.

Однако с римской крепостью, так же как и с греческой Диоскурией, по-видимому, произошло стихийное бедствие, надолго приведшее этот край в запустение. Вплоть до раннего Средневековья никаких сведений о Себастополисе не поступало. Лишь в середине VI века византийский историк Прокопий Кесарийский упомянул в своей книге «История войн» о небольшой «крепостице», лежавшей на пути от Лазики к Азовскому морю.

В это время император Юстиниан I вел борьбу с персами за обладание черноморским побережьем Кавказа. Не надеясь на прочность стен своих крепостей Питиуса (Пицунды) и Себастополиса, он в 550 году их разрушил, отведя гарнизоны на другие позиции. Однако вскоре византийцам удалось вернуть потерянное, и они вновь восстановили крепость Себастополис, построив его там же, на более высоком месте. Теперь тот же Прокопий Кесарийский в другой своей книге – «История войн» написал: «Император Юстиниан сей самый Себастополис, который прежде был не более как крепость, возобновил и стенами и другими способами так, что город этот по обширности и богатству стал одним из первых на восточном побережье Черного моря».

Но после этого сведения о древнем городе окончательно исчезают. Лишь в XVII веке итальянский миссионер Арканжело Ламберти в своих дневниковых записках отмечает, что «пятое

аббатство было Себастопольское, которое теперь поглощено водой». Однако местонахождение этого Севаста, или Сан-Себастьяна, как называли его еще генуэзские письменные источники, никому не известно.

Потом в эти места пришли турки, и за долгое время их владычества память о городе Диоскурии-Себастополисе вовсе потерялась во тьме веков. Причем настолько, что уже в XVIII веке после присоединения Крыма к России за Себастополис были ошибочно приняты развалины бывшего древнегреческого Херсонеса.

Путаница продолжалась и в более позднее время, хотя большинство ученых не сомневались, что Диоскурию и Себастополис надо искать не в Крыму, а на Кавказе. Были, правда, и такие исследователи, которые полагали, что следует рассматривать вовсе не один, а два совершенно разных города, древнегреческий и древнеримский, располагавшихся в разных местах.

Ряд ученых считали, что Диоскурия лежала далеко на юг от нынешнего Сухуми – в устье реки Риони, называвшейся у древних греков Фазисом. Ведь именно сюда устремлялись аргонавты за золотым руном. Другие исследователи обращали внимание на устье реки Кодоры, где отдельные урочища имели созвучные с древними городами названия: Искурия, Скурча.

ГОРОД НА ДНЕ МОРЯ

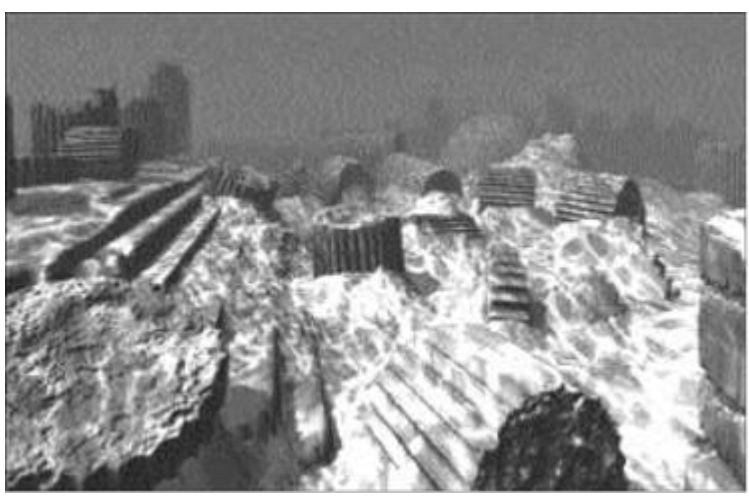
Конечно, неоднократно историки обращали внимание и на расположенную на самом берегу моря и подмытую волнами Сухумскую крепость. Кто-то из исследователей предполагал, что это – участок знаменитой Великой Абхазской стены, защищавшей города Причерноморья от набегов воинственных горцев. Хотя и было известно, что та возводилась не здесь, а в 5 км южнее Сухуми, возле впадения в море реки Келасури.

Многие историки считали, что у моря стоит не представляющая особой ценности турецкая крепость XVII–XVIII веков. Однако и они соглашались с мнением, что под стенами Сухумской крепости может находиться более ранняя античная кладка. Но это предположение одно время признавалось ошибочным, особенно после того как в 1926 году произошел обвал участка старой крепостной стены. Исследовавший тогда обнажившееся каменное основание профессор А. Башкиров установил, что оно относится не к античному времени, а к XI–XII векам, то есть к эпохе объединенного Грузинского государства. После этого, казалось, вопрос был решен окончательно. К тому же

позднее, в 1952–1953 годах, постройка сухумской набережной окончательно похоронила под асфальтом мостовой остатки древних стен, и возрастом Сухумской крепости совсем перестали заниматься.

И вдруг – античная надгробная стела вблизи бывших развалин. Снова начались старые споры, снова вспомнили, что еще в 1878 году сухумский краевед В. Чернявский настаивал на проведении подводных исследований, а в 1891 году был даже опубликован план неизвестной стены, уходившей в сторону моря и погружавшейся в него. В 1909 году об этом же сообщал и археолог А. Миллер, опубликовавший в Петербурге статью «Раскопки на Черноморском побережье Кавказа». В 1947 году археолог и геолог Л. Соловьев написал книгу «Диоскурия – Себастополис – Цхум», где высказал соображения о возможности нахождения остатков древнего города на территории современного Сухуми (Цхума).

Однако серьезные исследования начались лишь в 50-х годах XX века В 1956 году во время проводившихся на приморской набережной Сухуми земляных работ археологи вновь вскрыли древние оборонительные стены. При внимательном их изучении обнаружилось, что крайние участки широкой каменной стены, тянущейся параллельно берегу, поворачивали к югу и скрывались под водой.



Из тьмы веков – в темноту подводного мира

Город под водой – это была настоящая сенсация. Уже в 1958 году за дело взялись абхазские ученые во главе с Л. Шервашидзе. Ныряя с аквалангами, археологи стали находить на дне сухумской бухты фрагменты древней оборонительной стены и даже целые ее массивы. Каменная кладка из булыжников,

связанных известковым раствором, перемежалась характерными древнеримскими узкими поясами плоского кирпича. Развалы стен шли от берега и обрисовывали прямоугольную территорию города, защищенную с четырех сторон крепостными стенами. Только одна из них, северная, стояла на современном берегу. Перед исследователями поднялась из небытия крупная древнеримская крепость I–II веков.

В слое илистых темно-серых глин на дне моря ученые нашли черепки чернолаковой керамической посуды, многочисленные зерна винограда, большую каменную ступу, жернов ручной мельницы для обмолота зерна. В самом нижнем культурном слое были найдены обломки амфор, горшков, кувшинов, пифосов, канфар и котил.

Это была легендарная Диоскурия и сменивший ее позже Себастополис. Как они погибли, что за трагедия разыгралась когда-то на берегу Черного моря? Что погубило древние города?

Реконструкция природной обстановки, существовавшей в I–II веках до н. э. в районе Сухуми, была предложена в 50-х годах Л. Соловьевым. Вот как описывает его схему Л. Шервашидзе: «Линию древнего берега легко представить себе, если соединить оконечность Гумистинского мыса с устьем реки Маджарки. О том, что это было именно так, свидетельствует то, что и там и здесь сохранились участки берегового вала и остатки диоскурийских солеварен. Береговой вал, образованный морским прибоем, когда-то существовал и в промежутке между ними». Затем, по предположению Л. Соловьева, в результате действия тектонических сил устье реки Гумисты переместилось на 6 км к северо-западу. «Теперь речные наносы, – констатировал ученый, – в своем движении с северо-запада на юго-восток (что объясняется господствующим направлением ветра и зависящим от него течением) откладывались на северо-западной стороне Гумистинского мыса и, достигая его конца, сгружались в открытое море, не попадая в бухту… К этому прибавилось отмеченное в I веке до н. э. повышение уровня Черного моря. Море прорвало линию древних береговых валов и двинулось на сушу, забирая постепенно постройки и виноградники города».

Как видим, в объяснении Л. Соловьева фигурируют почти все процессы, которые могли привести к гибели древнего города. Здесь и тектонические силы, и твердый сток рек, и подъем уровня моря, и морские течения. Вряд ли такое роковое стечение тяжелейших обстоятельств могло одновременно иметь место на одном относительно небольшом участке берега Черного моря.

И еще одно соображение. Если согласиться с мнением Л. Соловьева и признать, что нынешняя Сухумская бухта

образовалась в результате перемещения устья реки Гумисты к северо-западу, то должны быть геологические свидетельства – наличие погребенного старого русла, направленного вдоль морского берега. Однако таких сведений нет. И вообще на Черноморском побережье Кавказа нет рек, текущих на протяжении нескольких километров вдоль берега параллельно морской границе.

Горные водотоки, у которых быстрое течение и мощные паводковые разливы, всегда ищут наикратчайший путь к морю, и отклоняться в сторону им ни к чему. Следует также учитывать, что, спускаясь с гор, причерноморские реки выносят большое количество гравия и песка, именно им обязаны своим существованием пляжи, образующиеся в результате отложения рыхлых горных материалов. А две реки, Басла и Гумиста, с общим устьем выполняли бы двойную работу, и берег должен был повышаться, а не опускаться. Поэтому выполненная Л. Соловьевым реконструкция природной обстановки, существовавшей во II веке до н. э., не очень правдоподобна. Тем более что процесс затопления древних строений, как выяснено, был не одноразовый, а длительный, повторявшийся на протяжении многих веков несколько раз.

Следовательно, в районе древних Диоскурии и Себастополиса развивались какие-то иные, не кратковременные, а постоянно действующие факторы.

Сухумский археолог Ю.Воронов считал, что причина отступления суши в районе древней Диоскуриады – размыв берега. По его мнению, ширина полосы, отнятой у суши морскими волнами за две тысячи лет со времени основания античного города, составила около 100 м. Вместе с этим участком берега погибла и древняя крепость, она не просто погрузилась в море, а была разрушена прибоем, истерта, превращена в песок и занесена слоем илистых отложений.

Изучая в 1974 году зарисовки, схемы и чертежи древних крепостных сооружений, рассматривая фотографии и другие материалы археологических исследований, автор этих строк неожиданно обнаружил свидетельства борьбы жителей Себастополиса с оползнями и подмывом берега. Оказалось, что жители Себастополиса укрепляли глинистое основание зданий сваями и боролись с подземными и дождевыми водами, прокладывая дренажные канавы. Таким образом, они вполне грамотно даже по меркам сегодняшнего дня вели защитные инженерные работы.

Но наиболее важное открытие было сделано нами в северной

части древней крепости. На рисунках оборонительной стены, вскрытой в 1956 году во время земляных работ на набережной проспекта Руставели в центре Сухуми, явно были изображены фрагменты берегоукрепительных противооползневых сооружений. Сомнений не было – древние строители защищали крепость от разрушения.

Вскоре подтверждение этому нашли мы и в литературных источниках. Так, в капитальном труде М. Трапша «Древний Сухуми» сказано: «Фрагменты оборонительных стен… уходили в сторону моря. Ближе к морю они были покрыты мощным слоем наносов берега… К третьей стене с наружной стороны примыкают без связи с ней 5 массивных контрфорсов, сложенных из булыжного камня на известковом растворе на фундаменте в виде суживающейся вниз усеченной пирамиды. Основание контрфорсов лежит на 1 м выше основания крепостной стены, что указывает на определенный хронологический разрыв между построением стены и контрфорсов. Массивные контрфорсы были возведены для того, чтобы предотвратить падение наклонившейся к северо-западу третьей стены, деформировавшейся в связи с начавшимся наступлением моря на крепость Себастополис. Однако контрфорсы не только не смогли приостановить падение стен, но и сами также стали наклоняться.

Находка берегоукрепительных устройств – прямое доказательство борьбы древних строителей с размывом берега, его оползневым опусканием и сдвигом к морю. Оползни и разрушение берега морскими волнами и привели к гибели древние города.

Подобные процессы происходили и в соседних районах Черноморского побережья. Исследования конца прошлого века показали, что мыс Пицунда в античные времена имел внутренний залив, использовавшийся как естественная гавань древнеримского Питиуса (Питиунта). Там располагались причальные сооружения и сторожевая башня. Примерно в IV–V веках н. э., так же как и в районе нынешнего Сухуми, берег здесь отступил почти на целый километр и древний город оказался на дне моря.

Теперь можно полностью восстановить картину происшедшего на Кавказском побережье Черного моря. Поселявшиеся здесь древнегреческие колонисты не очень-то задумывались о прочности земли, на которой строили дома, склады, крепостные стены и башни своих колоний. Они не учитывали многие тайно действующие злые природные силы. Однако море было неумолимо. Оно медленно, но неуклонно размывало берег и подбиралось к постройкам.

В свою очередь, и города наступали на море, помогая ему разрушать сушу. Их заградительные валы задерживали не только врагов-кочевников, но и дождевые и талые воды. А эти воды, просачиваясь в землю, делали ее тяжелой, увлажняли подстилающий слой глины, чем превращали его в настоящий каток. И вот наступал момент, когда вес набухших от воды массивов грунта становился больше силы трения, до поры до времени удерживавшей их в равновесии. Глинистые слои становились ползучими и скользкими. Начинался оползень: городские кварталы сползали к морю, целые улицы и мостовые проваливались под землю. Море врывалось в жилища, падали в воду крутые берега, трещали деревянные стены жилых домов и амбаров, рушились каменные фронтоны дворцов и храмов. Города погружались в морскую пучину…

Такой разрушительный процесс происходил и три, и две, и тысячу лет назад и продолжается в наше время. История предостерегает сегодняшних инженеров-геологов, строителей и архитекторов, сталкивающихся с этими неприятностями почти на всех крутых берегах морей, рек, озер, водохранилищ. Ярко выражены оползневые процессы в Одессе, Ульяновске, Саратове. Сползает в Тихий океан во время землетрясений лос-анджелесский Малибу. Земля трещит, море наступает на берег.

Двадцать пять веков назад великий древнегреческий трагик Еврипид, этот, по словам Луначарского, Достоевский древности, вложил в уста колхидской царевны Медеи слова: «От злой волны уже спасенья нет».

Но это не так. Спасение, конечно, есть. Научные и технические возможности нашего времени позволяют удержать оползни, не дать размываться берегу и предотвращать катастрофическое разрушение прибрежных городов.

КРУТАЯ СУДЬБА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Вряд ли на нашей планете есть еще место, где история Земли так сильно отставала бы от истории человечества. Разве не удивительно: в то время когда в ближневосточной Месопатамии расцветала великая шумерская цивилизация, и в Древнем Египте возвысилась империя первых фараонов, на северо-западе Европы еще не было Британских островов, и не текла вода через проливы Па-де-Кале и Ла-Манш.

Здесь, буквально «на глазах» человечества, морские берега претерпели такие серьезные изменения, которые кардинально повлияли на будущее всех стран этого района – от Англии до Финляндии.

Коренные повороты в их судьбе произошли всего за какие-нибудь 4–5 тысяч лет – миг в геологической жизни Земли. А современный вид морская граница в ряде мест вообще приобрела за несколько столетий, да и ныне она «плывет по воле волн» и… ветра.

САМАЯ МОЛОДАЯ ЗЕМЛЯ

«В течение всего лета Солнце скрывалось за тучами, как будто больше не хотело смотреть на Землю. На Земле царила вечная тишина, и влажный туман словно мокрый парус нависал над жилищами и полями… Тогда-то и началось землетрясение, как будто предвещавшее конец света… Реки изменили свое русло, а в их устье образовались новые острова из песка и наносов. Это продолжалось 3 года, а затем воцарилось спокойствие, и вновь появились леса. Многие страны исчезли под водой, в ряде мест появились новые материки». Так рассказывается в книге фризов «Ура Линда – Бук» об одной из страшных катастроф, происшедших на берегах Северо-Западной Европы во времена раннего Средневековья.

Память о древнем племени фризов (кстати, 400 тысяч их потомков живут и сегодня) отразилась в названиях нидерландской провинции Фрисландия и цепочки восточных и западных Фризских островов, ровной линией тянущихся почти параллельно берегу Северного моря. Эти острова – тоже память, память о том, что граница суши еще в 1-м тысячелетии н. э. проходила намного севернее.

Здесь море всегда вело себя очень агрессивно – затопляло низкие берега, отрывало большие участки земли. Начиная с 3-го тысячелетия до н. э., когда окончательно отделились от материка

Британские острова, Северное море постоянно затопляло низменные районы Северо-Западной Европы.

Но суша не сдавалась и вносила свою лепту в процесс формирования берегов. Наносы многочисленных рек и морские отложения создали Нидерланды, почти вся территория которых к I веку н. э. (то есть ко времени, например, расцвета в Крыму Боспорского царства) представляла собой огромную болотистую низину с большой морской лагуной в северо-западной части.

В Амстердаме каналы текут рядом с улицами и отделяются от них невысокими бордюрами

Конечно, с морской стихией в одиночку реки справиться не могли. Им помогло счастливое сочетание господствующих направлений ветров и чередующихся в течение суток двух приливов и двух отливов. Они-то и «построили» удивительное сооружение североевропейской природы – дюны. Нанесенные ветром песчаные холмы высотой 10–30 м (иногда даже до 60 м) и шириной до нескольких километров образовали защитную дамбу,

отгораживающую Нидерланды от моря и предохраняющую страну от затопления.

Различаются два типа дюн. Одни из них, так называемые старые дюны, образовались в доисторическое время на западе Нидерландов из песчаных валов и расположена параллельно нынешней линии побережья. Новые дюны (более высокие) были созданы природой намного позже, в IX–XI веках. Одни из них возвышаются на старых дюнах, другие расположены западнее.

За старыми дюнами в пределах бывшей лагуны в свое время образовались специфические типы грунта. Во-первых, это морские глины, нанесенные морской водой, проникавшей через открытое пространство между дюнами. Во-вторых, это торфяные пласты, сформировавшиеся по мере обмеления лагуны.

Таким вот путем в конце 1-го тысячелетия н. э., когда уже многие древние античные города Средиземноморья были поглощены морем, на южном берегу Северного моря возникла новая территория суши, которая стала быстро заселяться и осваиваться.

В VII–X веках море снова начало брать реванш. В начале 2-го тысячелетия его наступление приняло гигантские размеры и катастрофический характер, о чем сообщают предания тогдашних жителей Нидерландов.

В День всех святых 1170 года морской прилив оторвал от суши нынешние Фризские острова. К 1290 году вода достигла лежащего далеко на континенте озера Флево и, затопив земли, где проживало около 50 тысяч человек (согласно преданию, столько и погибло), образовало новый залив Северного моря Зейдер-зе.

Наступление моря продолжалось и в XIII–XIV веках. В результате наводнений 1218, 1287 и 1377 годов на северном побережье возник еще один новый залив – Долларт и почти одновременно залив Лауверс-зе. Средневековая хроника XV века продолжает сообщать о новых набегах моря. В День святой Елизаветы 1421 года оно поглотило 65 деревень. Голландским рыбакам долго чудилось, что они слышат из-под воды звон колоколов затонувших церквей.

К концу Средних веков юго-западная часть страны снова превратилась в морскую лагуну, среди которой возвышались отдельные острова. Так они и были названы – Зеландия, что значит «морская земля».

В непрерывной борьбе моря и суши сложились нынешние Нидерланды («низменные земли»), 27 % территории которых находится, фигурально выражаясь, под водой, то есть ниже уровня моря. Кстати, в этой части страны проживает около 60 %

всего ее населения. Самая низкая точка (минус 6,7 м) находится на севере Роттердама. Остальная территория Нидерландов тоже не очень высока: более половины ее расположено не выше 1 м над уровнем моря, так что ее может затопить даже самый небольшой нагон морской волны.

Море не только постоянно держит Нидерланды под угрозой наводнений, оно и само своими заливами глубоко врезается в сушу. Поэтому общая протяженность береговой границы страны достигает 1075 км. Это более чем в три раза превышает длину всей нидерландской территории по прямой линии – от самой юго-западной точки до самой северо-восточной, и в восемь раз – ее ширину.

Правда, кроме низменных существуют и возвышенные Нидерланды. Это юго-восточная и восточная часть страны, где есть свои «горы». Самая высокая из них (321 м над уровнем моря) находится на крайнем юго-востоке. В средней части Нидерландов, в провинциях Утрехт, Оверэйссел и Хордерланд с севера на юг проходят небольшие холмы, называемые Стевваллен. Голландцы настолько их ценят, что не заселяют и не застраивают, а используют как зону отдыха. Все территории с высотами более 50 м составляют в Нидерландах всего 2 % общей площади страны.

«МЫ НЕ МОЖЕМ ЖДАТЬ МИЛОСТЕЙ ОТ ПРИРОДЫ…»

«…Взять их у нее – наша задача» – этот мичуринский лозунг в середине прошлого века, оказывается, выражал не только «волю советских людей» к победе над природой. Были и другие места на Земле, где люди давно уже самоотверженно вели «преобразование природы». Наиболее яркий пример тому – конечно, Нидерланды.

«Deus mare, Batavus litora fesit» («Бог создал море, а голландцы – берега») – так гласит старая нидерландская поговорка. Еще в глубокой древности жители побережья поняли: для того чтобы выжить, надо бороться с морем. Ведь природа в Голландии так и не закончила свое начинание. Дюны не всюду тянулись вдоль берега, они лишь частично защищали сушу от затопления. Повсеместно в них зияли прораны, через них море постоянно врывалось в низменные Нидерланды.

Если бы не было польдеров, не существовали и Нидерланды

Первое, что начали делать еще древние фризы, это строить дамбы в промежутках между дюнами. «Вокруг Фрисландии, – написано в законодательном акте XIII века, – повсюду, где волнуется соленое море, плотины, одна в точности подобная другой… Мы, фризы, защитим эту землю тройным оружием: лопатой, заступом и тачкой». А в «Саксоновом зерцале», составленном в 1230 году, говорилось прямо: кто не хочет строить плотину, тому нет места за плотиной. На средневековом гербе Зеландии даже появилось изображение льва, борющегося с волнами.

Дамбы строились просто. Тачками привозился глинистый грунт, укладывался между дюнами и тщательно утрамбовывался. Наружный откос плотины укреплялся каменной наброской или каменной кладкой. Для берегоукрепления применялись и просто мешки с песком. Часто берег защищался с помощью травяного покрова, кустарников и деревьев, многие из них сохранились до наших времен. Ширина дамб в ряде мест доходила до 100 м, а высота до 15 м (средняя высота дамб 7 м). Наиболее интенсивное плотиностроение захватило северо-западные и северные берега – их приходилось защищать почти сплошным поясом земляных дамб, смыкавшихся с дюнами.

Голландские гидротехники уже в XIII веке не только оборонялись от моря, но и наступали на него, осушая отвоеванные земли. Так впервые в истории появилось понятие польдера – участка земли, отгороженного дамбами и осушенного с помощью откачки воды и ее сброса в море.

Осушаемые земли польдеров обычно изрезаны параллельными друг другу горизонтальными каналами-дренами, которые в наше время все чаще заменяются проложенными под землей дренами-трубами. Дренаж отбирает из почвы лишнюю

воду и отводит ее в коллектор, прокладываемый вдоль дамбы. В определенном месте сооружается водосборный колодец, откуда ведется откачка воды. В старину для работы насосов использовались ветряные мельницы. Вот откуда эти технические устройства стали символом Нидердандов. Со временем на смену ветрякам пришли паровые машины, потом дизельные двигатели, за ними электронасосы.

Ветряная мельница и ныне почти бесплатно откачивает лишнюю воду с полей

Сначала размеры польдеров были весьма незначительны. Во-первых, потому что отсутствовали землеройные и строительные механизмы (все делалось руками, а их в сельских общинах было мало, да и сделать ими много трудно), во-вторых, ветряные мельницы имели небольшую мощность, а значит, и насосы для откачки воды обладали малой производительностью.

Еще совсем недавно Голландия от моря отгораживалась сплошными земляными дамбами

Особенно большой размах для своего времени осушительные работы приняли в «золотом» для Нидерландов XVII веке. После

окончания общеевропейской тринадцатилетней войны, согласно Вестфальскому миру (1648 г.), страна наконец получила независимость, де-факто была создана республика Соединенных провинций. Началось бурное развитие промышленного, в частности мануфактурного, производства. Кроме того, Нидерланды обзавелись многочисленными колониями в Юго-Восточной Азии, в Южной Америке и Африке. «Образцовая капиталистическая страна XVII столетия» – так назвал Нидерланды того времени автор «Капитала» К. Маркс.

Бурное развитие торговли и промышленности, в свою очередь, привело к увеличению населения. Выросли такие крупные города и порты, как Амстердам (его население уже в 1650 году составляло 150 тысяч человек), Роттердам и др. Соответственно стало развиваться и сельское хозяйство, требовавшее все новых и новых земель. В Голландии, Фрисландии и других провинциях на месте бывших озер появились десятки новых польдеров. В XVI веке было осушено 710 км2 низинных земель, в XVII – эта цифра достигла 1120 км2, а в XX она составила уже 2500 км2. Ныне половина всей земельной площади Нидерландов (весь запад и часть севера) – это искусственно осушенные земли.

Первый крупный польдер (Гаарлемский) был построен вблизи Амстердама по проекту, предложенному инженером Легваттером в 1641 году. Тогда Гаарлемское озеро, образовавшееся еще в XVI веке путем слияния нескольких мелких озер, начало угрожать затоплением самому Амстердаму.

Гаарлемский польдер строился в течение 13 лет. Были возведены десятки километров земляных дамб и отрыты сотни километров дренажных канав. Так в середине XVII века у стен богатого голландского города Гаарлема вместо внутреннего моря возник новый сельскохозяйственный район.

В наше время ландшафт Нидерландов немыслим без польдеров. Их сотни, больших и малых, торфяных и глиноземных, низких и высоких. Рекорд заглубления ниже уровня моря побил польдер, созданный на дне бывшего озера Эйссел, отметка его поверхности – минус 35 м. Другие польдеры, образованные в результате осушения озер, расположены тоже не на малой глубине – 6–7 м ниже морского уровня. Много польдеров создано на месте бывших торфоразработок, они расположены повыше – примерно на 1 м ниже уровня моря.

Однако есть польдеры, находящиеся и на несколько метров выше уровня моря – это осушаемые территории в поймах рек. Здесь для отвода воды даже не нужны насосы, она самотеком стекает в специальные отводные каналы через шлюзы-

водовыпуски, открывающиеся во время морского отлива. Таких польдеров много во Фрисландии и Грошингене.

Поддержание определенного уровня подземных вод в польдерах осуществляется автоматически. Если он начинает подниматься выше допустимого, срабатывают датчики, установленные в дренах или непосредственно в осушаемом грунте, сигнал передается на насосную станцию, и та включается в работу. Как только уровень воды снова достигает нужной отметки, насосы сами отключаются.

Осушение земель – это лишь половина дела. Освоение польдеров занимает обычно много лет. Поначалу вообще что-либо строить, сажать или просто ходить по дну бывшего моря или озера совершенно невозможно. Оно долго еще остается болотом. Илистый грунт не выдерживает самой небольшой нагрузки, расплывается и затягивает в себя все, что на него попадает. Даже после его затвердевания и уплотнения (осадка поверхности земли достигает 0,5–1 м), на что уходит обычно несколько лет, строить здания приходится на сваях длиной не менее 6 м. В течение всего времени освоения польдеров работы на них ведутся государством, и только после этого осушенные земли сдаются в аренду фермерам.

Говоря о польдерном осушении, нельзя умолчать и об одном побочном неприятном результате многолетней откачки дренажных вод, который ранее никем не был предвиден. Это вторжение на польдеры соленой воды из моря. Объяснить подтопление земли снизу не сложно – из-за того что уровень поверхности польдеров ниже уровня моря, морская вода и течет в их сторону.

Подтопление морской водой приводит к засолению почв в польдерах и гибели сельскохозяйственных растений. Голландцам приходится постоянно бороться с такой подземной агрессией моря.

В Нидерландах действует и общественная служба эксплуатации польдеров, возникшая еще в Средневековье, когда каждая сельскохозяйственная или городская община выбирала своего «смотрителя плотин». Существует более 1,5 тысячи управлений надзора за польдерами. Их директоров выбирают ингеландены – владельцы участков земли, расположенных на том или ином польдере.

Наиболее впечатляющая победа голландцев над морем – это осуществление проекта осушения целого морского залива Зейдерзе. Он образовался, как мы уже знаем, прямо на глазах потрясенного населения тогдашней Фрисландии в XIII веке. И все

прошедшее с тех пор время это мелкое, но обширное внутреннее море ждало своих покорителей. Первый проект его осушения был составлен еще в 1667 году инженером Х.Стевином, которого воодушевила одержанная перед этим победа над Гаарлемским озером. Однако в то время этот проект казался слишком смелым.

Принципиальное решение по осушению Зейдер-зе, в последующем принятое к осуществлению, с некоторыми изменениями предложил в конце XIX века инженер-гидротехник К. Лели. В течение 11 лет он вел изыскания под свой проект и стал даже секретарем специальной ассоциации. К. Лели предложил построить широкую защитную дамбу, соединяющую берега Фрисландии и северной Голландии. Эта дамба должна была оставить морю лишь небольшой залив Ваддензее, вся же основная часть Зейдер-зе превращалась во внутреннее озеро Эйсселмер. Постепенно оно должно было опреснится и служить городам и промышленности как источник водоснабжения. Пополнять водные запасы Эйсселмера предназначалось впадавшей в озеро одноименной реке.

Следующий этап плана осушения Зейдер-зе – строительство у берегов озера Эйсселмер пяти крупных польдеров общей площадью 2,2 тысячи км2, что давало увеличение территории Нидерландов более чем на 6 %. При этом наиболее плодородные земли предназначались для сельскохозяйственного освоения (овощеводство, цветоводство). Вначале и этот проект осушения Зейдер-зе был встречен с недоверием, слишком трудоемкими и дорогими казались работы по его осуществлению. В то время нигде еще никто не строил плотин длиной в несколько десятков километров и не пытался отсечь от моря целый залив. Почти четверть века нидерландский парламент, прислушиваясь к мнению налогоплательщиков, отклонял вопрос о финансировании проекта.

Природа сама оказала нажим на общественное мнение – в 1916 году на Нидерланды обрушилось катастрофическое наводнение с многометровым нагоном морской воды. Это была последняя «капля», добавившаяся ко всем предыдущим натискам моря, к серьезной нехватке сельскохозяйственных земель и продовольствия, особенно сильно проявившейся в суровые и голодные годы Первой мировой войны.

Проект осушения Зейдер-зе начал осуществляться. При этом последовательность работ была несколько изменена. Строительные работы развернулись не только в районе защитной дамбы, но и на участках польдеров. В 1927 году у северо-западного побережья озера Эйселлмер был построен небольшой, 40-гектарный, польдер Андейк, послуживший опытной моделью

для другого, уже более крупного, участка польдерного осушения – Виринегермера площадью 20 тысяч га, пущенного в эксплуатацию в 1930 году.

Возведение защитной дамбы, отгораживающей залив от моря и имевшей длину 30 км и ширину 90 м, было начато сразу в шести местах. Нижнюю часть дамбы сначала строили в периоды отливов, затем стали вести отсыпку грунта прямо в воду. 28 мая 1932 года, после шестилетнего интенсивного строительства, в торжественной обстановке был перекрыт последний проран и морской залив Зейдер-зе перестал существовать. А на географической карте Европы появилось новое озеро – Эйсселлмер.

Несколько позже, в 1937–1942 годы, был построен северо-восточный польдер площадью 48 тысяч га с центром в Эммелорде. Его территория расположена на 4,5 м ниже уровня моря. Откачка воды осуществлялась тремя насосными станциями, на каждой из которых было установлено по восемь центробежных насосов, снабженных электродвигателями.

Седьмого апреля 1945 года, за несколько недель до конца войны, отступающие немецкие войска взорвали защитную дамбу польдера Виринегермер и бессмысленно затопили его. После войны в 1950–1957 годы был построен самый большой польдер – восточный Флеволанд площадью 54 тысячи га, территория которого заглублена на 5 м ниже уровня моря. Здесь также установлены три насосные станции для откачки воды. Непосредственно к этому участку примыкает законченный строительством в 1968 году четвертый польдер – южный Флеволанд (43 тысячи га) с одной мощной осушительной насосной станцией, расположенной возле северо-западной дамбы.

Уже первые годы эксплуатации северо-восточного польдера показали актуальность охраны окружающей прибрежной территории. Дело в том, что интенсивная откачка дренажных вод довольно быстро привела к переосушению почв на прилегающих землях. Понижение уровня подземных вод распространилось на несколько десятков километров прибрежной территории Фрисландии, высохли мелкие озера и реки, начала гибнуть растительность. Было принято решение, несмотря на значительное удорожание работ, строить польдеры в окружении обводных кольцевых каналов. Поэтому построенные вслед за северо-восточным польдеры южный и восточный Флеволанд к берегу уже не примыкали и были отделены от него каналом, разделенным системой шлюзов. Это позволило не только оперативно регулировать уровень подземных вод на прилегающих берегах, но и обеспечить водный транспорт новыми путями.

Другим отрицательным последствием осушения Зейдер-зе оказалось ухудшение рыбного промысла. После постройки защитной дамбы, ликвидировавшей залив, до этого в буквальном смысле кишевший рыбой, многие рыболовецкие поселки опустели – ловить стало нечего. Особенно серьезная угроза нависла над знаменитым угрем, дававшим немалый доход рыболовам.

Эти и другие вопросы охраны окружающей среды поставили под сомнение целесообразность осушения пятого польдера – Маркерварда, который начали уже строить.

Кроме экологических, в новых условиях появились и другие соображения. Раньше экстенсивный характер земледелия требовал все больших и больших площадей. В последние десятилетия XX века в сельском хозяйстве произошла революция – оно пошло по пути интенсификации. Широкое применение удобрений, успехи селекции растений, создание мощной земледельческой техники дали возможность получить высокие урожаи даже с небольшой площади сельскохозяйственных угодий. Поэтому осушенные земли в Нидерландах все больше начали использовать не для сельского хозяйства, а для промышленной и жилой застройки, организации зон отдыха, транспортного, энергетического строительства и т. д.

Примером может служить почти уже полностью осуществленный проект строительства в восточном Флеволанде большого нового города Лелистада (в память К. Лели) с численностью населения 50 тысяч жителей.

ПРОЕКТ ВЕКА

Воодушевленные успехами в борьбе с внешним противником – морем, нидерландские гидротехники повернулись лицом и к внутреннему врагу – речному половодью. Ведь в Нидерландах находятся устья трех крупнейших рек Европы – Рейна, Мааса, Шельды, и ведут они себя далеко не спокойно. Кроме основных русел каждая из них имеет еще множество ответвлений, протоков, рукавов. Из-за этого общая длина всех водотоков Нидерландов составляет огромную величину, в семь раз превышающую длину всех морских берегов страны.

Первого февраля 1953 года юго-восточные Нидерланды постигло страшное стихийное бедствие: катастрофическое наводнение обрушилось на весь район дельты Рейна, Мааса, Шельды. На участке более чем 100 м вода прорвала дамбы, только за одну ночь погибло 1800 человек, десятки тысяч жилых домов и хозяйственных зданий были разрушены, территория площадью около 160 тысяч га оказалась затопленной, убытки

составили более 200 млн долларов.

Сразу же после катастрофы 1953 года на Голландском Эйсселе восточнее Роттердама была построена защитная сборно-разборная плотина, которая в случае наводнения могла быть быстро установлена. Она и ныне предотвращает затопление речными паводками большую часть польдеров западных Нидерландов. После этого были построены плотины в глубине дельтовых рукавов, а затем и на их границе с морем. Результатом отгораживания дельты от моря кроме защиты от наводнений, так же как в случае с Зейдер-зе, стало образование водохранилищ с пресной водой. К этому добавилось значительное сокращение береговой линии – расстояние между крайними точками на северо-востоке и юго-западе уменьшилось в 10 раз, а путь от Роттердама до Флиссингена сократился на 40 км.

Большие работы проводились и в целях улучшения условий судоходства по Рейну. В нижнем его течении были построены три водоподпорные плотины со шлюзами. Самая восточная из них позволила часть водного стока реки перебрасывать по каналу в бассейн Эйссела. Для сосредоточения всего речного стока в одном русле воды Мааса и Ваала были отрезаны от Харингвлита – северного рукава дельты, и направлены в море мимо Роттердама, что делает нижний Рейн более полноводным.

Однако все эти мероприятия явились только подступом к одной из самых грандиозных гидротехнических программ последней четверти XX века – проекту «Дельта». Его значение выходило далеко за пределы решения только водохозяйственных задач. Преобразования коснулись всей экономики Нидерландов, и не только их. Так, новые пути от Роттердама до Антверпена и к югу от Восточной Шельды дали импульс интенсивному росту здесь промышленности.

Построенная по проекту «Дельта» плотина-дверьне пропускает

штормовые волны в залив Восточная Шельда

Выиграла и окружающая дельту территория, особенно район Роттердама – Европорта. Прибрежные сельскохозяйственные земли получили свою выгоду – благодаря появлению больших объемов пресной воды уменьшилась опасность засоления почв, долгое время являвшаяся постоянной головной болью голландских цветоводов и овощеводов. Помимо этого образовавшиеся пресноводные водохранилища стали новым источником орошения.

К 1972 году по проекту «Дельта», обеспечивавшему соединение пяти морских рукавов нижнего течения Рейна, Мааса и Шельды, была выполнена большая часть работ. Самый северный рукав превращен в полноводный судоходный канал, одновременно улучшен подход к гавани Роттердама. На берегах южного рукава Западной Шельды, по всей длине подходного канала Ньюве Ватервег построены новые или реконструированы старые защитные дамбы, предотвращающие в случае наводнений затопление прибрежных районов Антверпена.

По проекту «Дельта» три средних пролива должны были быть полностью перекрыты 11 глухими земляными плотинами, отгораживающими их акватории от моря. Как и во всех остальных случаях, вследствие прекращения пропуска в них морской соленой воды и поступления речной, они постепенно тоже превращались во внутренние пресные водохранилища. И снова снижалась угроза засоления прибрежных земель.

До 1972 года на средних рукавах дельты было построено семь из 11 запроектированных земляных плотин. Но в первой половине 70-х годов в Нидерландах началась шумная кампания в защиту окружающей среды, и многие видные специалисты и общественные деятели выступили против осуществления проекта «Дельта» в полном объеме.

Дело было еще и в том, что как раз в это время начал резко сокращаться традиционный промысел жителей дельты – разведение и сбор устриц, креветок, мидий. Их развитие в этих местах связано с особыми гидрологическими условиями – в результате постоянного вторжения свежих соленых вод в пресные здесь образуются специфические водные воронки, способствующие росту наиболее ценных видов моллюсков и рыбной молоди. Прекращение морских приливов и отливов изменяло условия обитания для многих видов водных форм растительного и животного мира этого района.

Длительные и бурные дискуссии привели к тому, что в 1976 году голландский парламент вынес постановление пересмотреть

проект «Дельта». Дальнейшие работы по нему были приостановлены.

В результате переработки проектных решений сплошные земляные водоподпорные плотины средних рукавов дельты решено было прорезать широкими водопропускными отверстиями. В соответствии с новым проектом через дамбу Харингвлит (рукав Мааса) было проложено 17 шлюзов-водовыпусков со стальными затворами, закрывающимися только во время наводнений. На соседней плотине Брауэрс было построено три донных водовыпуска в виде тоннелей длиной по 200 м. Теперь между эстуариями Мааса, Шельды и морем во время приливов стал осуществляться свободный водообмен. Западную Шельду было решено не перекрывать вообще и ограничиться упомянутыми выше береговыми защитными дамбами.

Особенно много возражений вызвала та часть проекта, которая предусматривала строительство глухой плотины через рукав Восточная Шельда (Остершельде) – самый широкий рукав дельты. По нему проходит путь в один из крупнейших морских портов Европы – бельгийский Антверпен. По этой причине, кроме всех других, особенно экологических, полностью его перекрывать было нельзя.

В результате длительных споров и обсуждений гидротехники все же одержали победу. Однако в проект было внесено существенное изменение. Вместо глухой плотины специалисты разработали хотя и дорогую, но более приемлемую со всех точек зрения систему открытых водопропускных и заградительных сооружений. Она скорее напоминала разводной мост, а не плотину. Благодаря такому техническому решению поток морской воды перекрывался только в экстремальных случаях.

И это было весьма разумно – ведь необходимость полного перекрытия водопропускных отверстий плотины могла возникать только 1–2 раза в году (в момент совпадения морского прилива с экстремальным ветровым нагоном волны). А в остальное время поступление морской воды в залив не должно было прерываться.

Уникальные гидротехнические сооружения возводились более 10 лет. Для строительства удачно использовались естественные песчаные отмели, превращенные путем отсыпки песчаного грунта в целые острова. В результате этого пролив шириной 9 км оказался разделенным на три протоки.

Наиболее крупный из этих бывших отмелей – остров Неелтье-Янс был использован в качестве основной строительной площадки при устройстве 15 мостовых опор сборной

конструкции. Каждая из них представляла собой полый железобетонный столб-трубу высотой 40 м. Всего было сделано 65 железобетонных блоков-звеньев, из которых собирались опоры плотины.

Изготовлялись эти блоки в трех специальных строительных траншеях на глубине 15 м от уровня моря под защитой земляных дамб. По готовности опор защитные дамбы прорывались и траншеи затоплялись. Затем в прорыв в дамбе на стройплощадку вплывал понтонный У-образный корабль «Остреа» («Устрица»). С помощью двух домкратов-подъемников опоры поднимались со дна и отправлялись с «Остреа» в путь к месту своей установки.

Там они опускались на глубину 25–30 м под уровень воды. При этом чудо-корабль «Остреа» позволял вести работы даже в условиях неспокойного моря с высотой волны до 1 м. Монтаж опор осуществлялся при помощи шести якорных лебедок с компьютерным управлением и ориентированием по береговым вехам. Точность установки опор на дно моря составляла 5 см, допуски при подгонке отдельных железобетонных конструкций не превышали 1 см. Контроль за точностью монтажа велся с применением лазерного прибора.

После установки на дно внутренняя полость железобетонных конструкций опор заполнялась в нижней части глиной с камнями, в верхней части песком. Эта засыпка играла роль балласта и предотвращала всплывание опор под действием архимедовой силы.

Поверху опоры соединялись тоже железобетонными балками. По дну моря между опорами прокладывались металлические швеллеры – на них было установлено 62 стальных щита-затвора шириной по 42 м. Их высота определялась глубиной воды в тот или иной период штормового нагона волны со стороны моря. Подъем и спуск затворов, отведение их в сторону обеспечивают специальные гидравлические приводы. При этом операция по перекрытию всех трех проливов занимает не более 60 минут.

Нельзя не рассказать еще об одной уникальной работе – укреплению основания сооружений. В естественном состоянии покрытое илом мелкопесчаное дно моря не могло бы выдержать большие нагрузки от тяжелых опор. Его надо было укрепить. Уплотнение придонного слоя песка толщиной до 15 м осуществлялось четырьмя игольчатыми вибраторами, опускавшимися с плавучей, тоже понтонной, установки «Митилус» («Мидия»). Упрочнению была подвергнута полоса морского дна длиной 3 км и шириной 80 м.

Планировка морского дна производилась землесосным снарядом, установленным на еще одном строительном судне

«Кардиум» («Моллюск-сердцевинка»). Передвигаясь по створу плотины с отклонением от курса не более 0,5 м, оно выравнивало дно тоже с большой точностью – до 10 см. После этого на дно был уложен разматывавшийся с барабана специальный настил – мат. Он представлял собой этакий матрац в виде сетки из искусственных волокон, заполненной щебнем. Сверху укладывалось еще одно, более тонкое защитное покрытие. Такое укрепление дна должно не только создавать прочную опорную поверхность для сооружений плотины, но и надежно защищать их основание от размыва донными течениями.

Еще совсем недавно подводные строительные работы проводились водолазами, часто одетыми в тяжелые неудобные костюмы. Осуществление проекта «Дельта», несмотря на большой объем подводных монтажных и земляных работ, никакими водолазами не сопровождалось. Все делалось автоматически. Для контроля за качеством работ, а также последующего мелкого ремонта подводных механизмов в процессе эксплуатации плотины использовался автомат – робот «Портунус» («Краб»), оснащенный телевизионной камерой и механическими манипуляторами.

После завершения строительства был набран обслуживающий персонал, численность которого на удивление мала. Оказывается, огромной, не имеющей пока в мире прецедента гидротехнической системой могут управлять всего 50 работников. Для них на острове Неелтье-Янс было построено специальное здание, где размещен также музей, рассказывающий о проекте «Дельта» и истории его осуществления.

Четвертого октября 1986 года в присутствии королевы Голландии и представителей многих иностранных правительств состоялось торжественное открытие защитных сооружений Остершельде. Была разрезана памятная лента, и защитный щит Восточной Шельды вступил в работу.

Однако противостояние нидерландцев водной стихии на этом не закончилось. В 1993–1995 годах страну снова настигли сильные наводнения. Гидротехникам опять пришлось взяться за дело. На этот раз перекрытию подвергся самый северный рукав дельты Нуеве Ватервег, ближе других подходящий к Роттердаму. Здесь строители следовали тому же принципу – «не навредить». С этой целью в 1997 году проран шириной 360 м был перекрыт не глухой плотиной, а стальными шарнирными воротами-затворами, укладывающимися на дно. Только в экстремальных случаях они должны подниматься и защищать берега от затопления.

История взаимоотношений жителей Нидерландов с

Северным морем – характерный путь взаимодействия человеческой цивилизации с окружающей средой. Начав со слепого поклонения стихийным силам природы, страха перед их разрушительными набегами, человек постепенно перешел сначала к пассивной обороне и защите своих позиций, а затем к решительному наступлению.

Он победил природу, отвоевал новые плацдармы, но вдруг остановился и задумался… Не уподобился ли он эпирскому царю Пирру, который в кровопролитных боях победил, но остался почти без войска? С этого времени и начался период сомнений и раздумий. И сегодня уже никто в цивилизованных странах не позволит строить «широкие планы преобразования природы», и на первое место выходит ее охрана и защита.

САМОЕ ПРЕСНОЕ МОРЕ ЗЕМЛИ

Из-за горизонта, затянутого слоистыми облаками, медленно поднималось оваловидное оранжевое солнце. Его косые лучи врезались в покатые горбы невысоких пологих холмов, между которыми лежали рваные хлопья тяжелого белесого тумана. Над поверхностью земли не поднималось ни одно дерево, ни один куст. Лишь кое-где поблескивали на солнце гладкие зеркала небольших озер.

Но это и не была земля. На десятки и сотни метров вглубь уходили темные плотные слои холодного мертвого льда. Только кое-где одинокими глыбами вмерзли в него отдельные груды камней и массивы песка и глины. Прошло еще много тысяч лет, когда здесь заплескались синие волны моря. А тогда это была ледяная пустыня – отросток гигантского ледника, сковавшего север Евроазиатского континента.

ЛЕДНИК И МОРЕ

Таково было совсем недавнее в геологическом масштабе времени прошлое Балтийского моря, которое, в отличие от почти всех других морей – заливов Мирового океана, вовсе не ему обязано своим появлением. Именно здесь решающую роль сыграли подземные силы Земли, они виновны в том, что Балтийское море только за последние какие-нибудь 15 тысяч лет претерпевало ряд самых крупных изменений, вплоть до того, что вообще переставало быть морем.

А появилось оно впервые в конце IV ледникового периода, когда в результате бурного таяния льда Балтийская впадина заполнилась талой водой. Там образовалось широко разлившееся озеро-море, уровень воды в котором был выше Мирового океана. В районе нынешних Датских проливов шумел гигантский водопад – это ледниковое Балтийское море переливалось на запад в Атлантику. Свидетель тех далеких времен оставил свое потомство, живущее здесь и поныне, – небольшую пресноводную рыбку, четырехрогого бычка.

Результатом таяния ледника, покрывавшего север Западной Европы, был и подъем в этом регионе земной поверхности – ведь исчезла огромная тяжесть материкового льда. Особенно ярко этот процесс проявился на территории Скандинавии. В период 8—10 тысяч лет назад, например, район норвежской столицы Осло поднимался со скоростью 50 мм в год, то есть только за одно

тысячелетие берега Норвегии «выросли» на 50 м. Позже, 6–8 тысяч лет назад, эта скорость уменьшилась более чем в два раза и в настоящее время не превышает 1–2 мм в год.

После того как отток пресной воды из Балтики прекратился и уровень воды резко понизился, через Датские проливы установилась связь с Северным морем. Тогда образовался водопад обратного направления, и в Балтийскую впадину, смешиваясь с пресными ледниковыми, хлынули соленые морские воды. Появилась и морская фауна, в частности арктический моллюск польдиа. По его имени и море тех времен называется Польдиевым.

На месте нынешнего Балтийского моря еще во времена египетских фараонов плескалось ледниковое Анциловое озеро

Потом в результате мощных тектонических движений западный участок моря поднялся, и связь с Мировым океаном опять прервалась. Снова образовалось озеро, получившее название Анциловое по широко заселившему его моллюску анцилусу.

В то время сегодняшнее Северное море (точнее, его большая южная часть) не существовало даже как озеро, а было сплошной сушей. Об этом говорят и залежи торфа на дне этой части моря, и продолжение русел ее нынешних европейских рек.

Всего 7–8 тысяч лет назад, когда в Балтийской впадине плескались волны Анцилового озера, Британские острова,

Скандинавия и север Западной Европы соединялись сухопутным «мостом». По нему, кстати, прошел и древний человек, заселив территорию сегодняшней Великобритании. Об этом, кроме прочего, свидетельствуют находки в Англии мезолитических стоянок, таких же, как в Дании, Бельгии, Франции.

В торфяниках и на дне моря находят остатки костей и бивни мамонтов. Этим особенно славится известный рыболовный край Северного моря Доггер-Банка. Здесь на глубине 10–20 м ученые находят не только следы ископаемых сухопутных животных, но и орудия труда и охоты первобытного человека.

Соединению с Мировым океаном Балтика обязана опусканием земной поверхности в районе нынешнего Северного моря. Начавшееся 7 тысяч лет назад оседание этой территории идет буквально на глазах. Оно отмечалось в античные времена и в Средневековье. Старинные предания кельтов говорят о затоплении легендарных островов Ис, Лионесс, Авалон. Хроники 1-го тысячелетия свидетельствуют, что многие современные отмели были когда-то островами, мысами и перешейками. Понижение северных берегов Западной Европы продолжается и теперь. Например, сегодня территория островов Гельголанда составляет всего 0,6 км2, а в XI веке его площадь равнялась почти 90 км2. У берегов этого острова археологи находят в море остатки затонувших сооружений.

Трагична судьба обширной земли, бывшей в античные времена большим мысом, а в Средневековье двумя островами Зюдштранд и Нордштранд, соединявшимися с островом Пальворм. Сначала морем был поглощен южный остров Зюдштранд, а в XIV веке под воду ушла большая часть Нордштранда вместе с портом Рунгольт. В XVII столетии в результате нового наступления моря оказалась затопленной другая часть берега Нордштранда. В тот момент от катастрофических штормовых нагонов морских волн погибло 2/3 всего населения острова. Только к XVIII веку окончательно сложилась нынешняя морская гидрография Балтики. Она, в частности, была отражена и на картах, составленных голландскими картографами того времени. На них уже обозначался и российский Санкт-Петербург, основанный в 1703 году Петром I.

Но это все события значительно более поздних времен. А 7 тысяч лет назад в районе Датского полуострова тектонические силы резко понизили земную поверхность. И существовавшее тогда ледниковое пресное Балтийское озеро соединилось с северной частью нынешнего Северного моря. Вместо Анцилового озера образовалось так называемое Литориновое море с более соленой, чем ныне, водой и более высоким ее уровнем. Только

около 3 тысяч лет назад водообмен Балтийского моря с Северным уменьшился, оно опреснилось и достигло современного состояния.

ЧТО ЖДЕТ БАЛТИКУ ЗАВТРА?

Балтийское море сегодня – полузамкнутый водоем, глубоко охваченный материком. Оно получает обильное питание за счет стока большинства крупных рек Европы, вследствие чего является одним из самых пресноводных морей мира. Лишь в юго-западной части оно по-настоящему соленое, а в Ботническом и Финском заливах почти совсем пресное.

Современные колебания земной коры в районе Балтики вовсе не уступают по величине прошлым, хотя за короткий срок человеческой жизни, они, конечно, мало заметны. В разных частях моря подземные силы действуют по-разному. Северный берег поднимается, южный и юго-западный опускаются. Так, каждое десятилетие территория Финляндии увеличивается на десятки квадратных километров, а площадь побережья Дании, ГДР, Польши, наоборот, уменьшается. Суша в районе Копенгагена опускается со скоростью 1 мм в год, а на севере Ботнического залива берег поднимается чуть ли не на 10 мм в год.

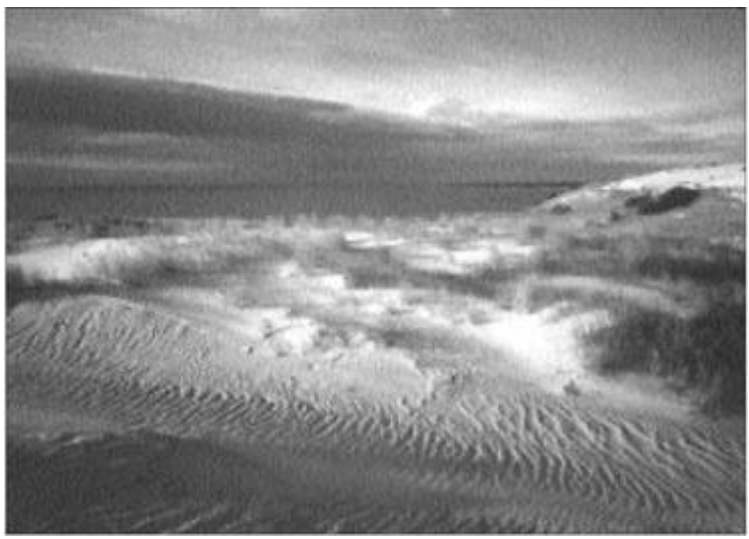
Что ждет Балтийское море и страны, расположенные на его берегах, завтра? Не превратится ли оно снова в море-озеро и не уподобятся ли его некоторые прибрежные территории сжимающейся и исчезающей «шагреневой коже» – плоду фантазии А. Бальзака?

Ученый из Вильнюса В. Гуделис, например, подсчитал, что при существующей скорости движения дна Балтийского моря через несколько тысячелетий Рижский залив станет озером, а острова Аландского архипелага перешейком свяжут западный берег Финляндии с восточным побережьем Швеции.

Некоторое время назад гидрологи, занимающиеся изучением состава воды Балтийского моря, забили тревогу: в глубинных слоях моря в пределах нескольких десятков метров исчез кислород. Не является ли это предвестником новой тектонической катастрофы в западной части Балтийского моря? Не перекрываются ли снова Датские проливы, через которые в Балтику поступает свежая, насыщенная кислородом вода Северного моря? Появилось даже предложение углубить эти проливы, чтобы увеличить поступление водных масс соленой морской воды в Балтийское море. Возникало и другое, противоположное мнение – надо, наоборот, закрыть Датские проливы, чтобы поступающий с поверхности кислород насытил

глубинные слои воды. Правда, тогда в течение 40–50 лет Балтийское море вернулось бы к своему прошлому состоянию, стало бы пресноводным замкнутым водоемом-озером. Ни то ни другое предложения одобрения не получили.

Некоторая часть ученых связывает исчезновение кислорода из глубин Балтийского моря с его загрязнением в результате увеличивающегося с каждым годом поступления сточных вод из европейских рек. Если это так, то перекрытие Датских проливов привело бы к еще большему загрязнению Балтийского моря и его превращению в мусорную яму.



Удивительное создание северного ветра, дождя и моря – песчаные дюны

Крупномасштабные проекты коренных вторжений в естественное положение, такие как перекрытие или углубление Датских проливов, отвергнуты – ведь они могут вызвать непредсказуемые нарушения сложившегося природного равновесия. Возможно, что в исчезновении кислорода в глубинных слоях Балтийского моря ничего страшного нет. Известно же, что в Черном море, близком к Балтике по площади, кислород отсутствует в огромной толще воды. Причем такое состояние глубинных слоев существует уже многие тысячи лет, является естественным и никакого ущерба ничему не причиняет. Может быть, и в Балтийском море это явление не представляет угрозу его флоре и фауне? Для решения этого вопроса в эстонской Академии наук разработана была когда-то специальная физико-химико-биологическая модель, с ее помощью ученые пытаются прогнозировать будущее Балтийского моря.

Мы говорим о вековых колебаниях уровня моря или отметок поверхности берега, измеряемых какими-то миллиметрами или сантиметрами в год. Но куда более ощутимо, когда прямо на наших глазах меняются очертания суши под влиянием морских течений, ветров, волн. Эти силы с особым натиском воздействуют на западный берег калининградского Самбийского полуострова. Здесь прибрежная полоса в некоторых местах «съедается» штормовой волной по нескольку метров в год.

Если бы не росли деревья на песках, то не было бы ни дюн, ни той Прибалтики, какую мы знаем

Разрушительное действие моря пагубно сказывается на состоянии берега и российско-литовской Куршской косы – узкой полоски земли, ширина которой в отдельных местах не достигает и 400 м. Волны уносят здесь ежегодно в среднем около полуметра суши. Правда, на оконечности косы идет обратный процесс интенсивного наращивания суши за счет оседания здесь грунта, размытого в других местах.

Главный враг юго-восточных берегов Балтики – это господствующие здесь ураганные ветры, которые рождают сильные штормовые волны, размывающие берег. Здесь периодически возникают особенно грозные штормы, как, например, во время катастрофы в 1967 году, когда волны унесли в море у Куршской косы полосу размером около 15 м песчаного пляжа.

Возникая у западного берега Самбийского полуострова, зарожденные ветрами морские течения следуют почти всегда строго в одном направлении – с юга на север. Они проходят вдоль

Куршской косы и откладывают только на пляже возле литовской Лиепаи до 600 тысяч км3 песка.

С давних времен жители Балтийского побережья борются за спасение своих прекрасных золотисто-серебряных пляжей с высокими песчаными дюнами, величественных прибрежных лесов с пушистыми раскидистыми соснами.

Но только в XX веке эта борьба приобрела поистине природообразующий размах. Начали осуществляться защитные мероприятия по ослаблению действия морских течений на берега Самбийского полуострова.

В литовском курортном городе Паланге созданы две гряды искусственных авандюн, которые не должны пропускать сыпучие пески в глубь леса. В прибрежной морской зоне был построен комплекс защитных гидротехнических сооружений. Он в какой-то мере предохранил морские порты и фарватеры от обмеления при отложении на дно песчаных наносов.

Эти работы проводятся постоянно и не прекращаются ни на один год.

МОСТ МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И РОССИЕЙ

Рушатся под ударами тяжелых морских волн высокие береговые обрывы далеких островов Северного Ледовитого океана. Осыпается ледовый слой пробитой трещинами мерзлой безжизненной земли. Так исчезают последние остатки загадочного древнего материка – Арктиды, соединявшего когда-то Североамериканский континент с российской Сибирью.

Не Колумб и не викинги открыли Америку, а доисторические люди каменного века. Это они, первые эмигранты из Азии и Европы, прибыли сюда пешком, пересекая вслед за мамонтами и бизонами Берингов перешеек, протягивавшийся от Чукотки до Аляски и долгие тысячелетия служивший сухопутным мостом, по которому шло заселение Нового Света.

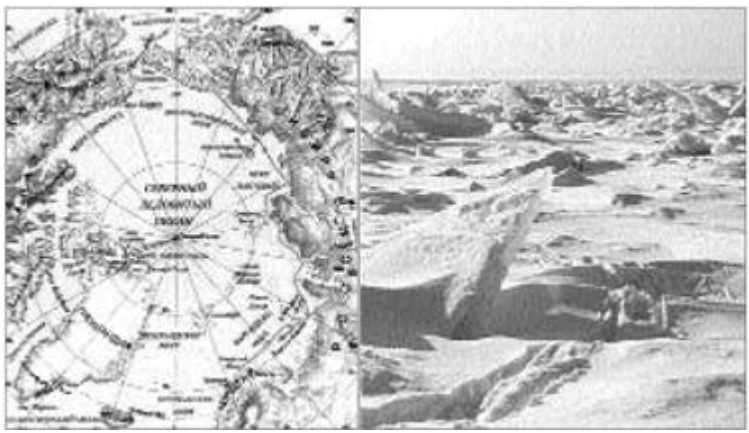
ПОЧЕМУ ПОГИБЛИ МАМОНТЫ

Кто они, краснокожие жители Америки? Почему их обычаи, танцы, песни, сказания так похожи на те, которые распространены у ряда народов Центральной и Юго-Восточной Азии? Почему североамериканских эскимосов трудно отличить от коренных жителей Крайнего Севера российской Сибири, например чукчей? А как объяснить удивительную схожесть растительности на противоположных берегах Северного Ледовитого океана? Ведь на североамериканских островах зеленеют те же кусты и расцветают те же цветы, что на Чукотке и Таймыре.

Но самое удивительное, это поведение птиц. Со школьной скамьи мы знаем, что в предзимнюю пору они собираются в стаи и улетают на юг, в теплые края. А вот такие обитательницы арктических островов, как черная казарка и розовая чайка, каждую осень упрямо летят не на юг, а на север. Гонимые выработанным веками инстинктом, эти птицы летят к своим летним гнездовьям через всю Центральную Арктику. Не говорят ли эти трансарктические перелеты о том, что на пути птиц издавна была твердая (и теплая) земля? Иначе как они могли преодолевать тысячекилометровые трассы? Не стали бы они зимовать на лежащих на их пути покрытых ледниками заснеженных мертвых островах.

И вообще, очень странный этот Северный водный бассейн нашей планеты. Хотя он и разделяет целые материки, но

считаться истинным океаном может лишь весьма условно. Его площадь в 13 раз меньше Тихого и в семь раз меньше Атлантического. А главная особенность Арктического океана – он совсем мелкий. Область больших глубин занимает здесь очень небольшую часть всей его территории. Например, участок с глубинами более 1 км по площади меньше, чем, например, какое-нибудь Филиппинское море. Зато в Арктике сильно развита шельфовая зона. Так, со стороны Канады ее протяженность достигает 1400 км, а в районе Сибири – 700 км. Наибольший интерес вызывают протянувшиеся через весь Северный Ледовитый океан подводные горные хребты, которые имеют явно континентальное происхождение. Геологи находят на склонах этих гор русла ручьев и рек, следы выветривания скал – убедительные доказательства их наземного происхождения.



Северный Ледовитый океан, возможно, хранит в своих глубинах остатки таинственной страны Арктиды

Итак, горная страна, возвышавшаяся над поверхностью Северного Ледовитого океана, существовала. Есть свидетельства и пребывания там человека. На Шпицбергене найдена стоянка древних рыболовов и охотников, оставивших после себя наскальные рисунки. На противоположном североамериканском берегу, на Канадских арктических островах, обнаружены аналогичные поселения и кострища людей каменного века. И самое интересное то, что все эти археологические находки относятся к одному и тому же времени, 2-му тысячелетию до н. э., что совпадает по времени и с другими северосибирскими и североканадскими стоянками древнего человека. Значит, была какая-то единая арктическая страна, исчезнувшая при таинственных обстоятельствах.

Конечно, следы ее должны были остаться в памяти человечества. Действительно, в легендах многих народов присутствуют рассказы о далекой северной стране, где росли высокие благоухающие деревья, текли чистые реки, счастливо жили боги и герои. Об этой загадочной стране с неподвижной Полярной звездой, с «блистающими водяницами, рожденными радугой» – северными сияниями, с высокими горами, заросшими лесами, и с плодородными полями рассказывает иранский письменный памятник зороастризма «Авеста» и индийские эпосы «Махабхарата» и «Джарай». Не служат ли они еще одним подтверждением того, что предки индийских ариев, происхождение которых до сих пор является загадкой, пришли на Индостан с далекого севера? Ведь как раз в это время (2-е тысячелетие до н. э.) и начиналось последнее резкое похолодание в приполярных областях Северного полушария, заставившее людей и животных мигрировать на юг.

И в мифах древних греков, поэмах Гомера, Аристея и других говорится о какой-то счастливой стране гипербореев, подвластной богу северного ветра Борея, где солнце заходит лишь один раз в год. В этом божественном крае побывал древнегреческий герой Персей и до своего воцарения в Дельфах долго жил бог Аполлон.

А вот еще одно чудо, которое заставляет серьезно задуматься. Это знаменитая карта Герарда Меркатора, составленная на основе каких-то древних сведений, происхождение которых, по-видимому, уходит в далекие века и тысячелетия. На этой карте вокруг «Помоса Архтического» четко изображена земля – большой материк, разделенный четырьмя реками-проливами. От Евразии и Америки материк отделяется «Морем Ледовым». У самого Северного полюса стоит высокая одиночная гора – «Черная скала». Что это – плод фантазии Меркатора или ошибочно принятые за землю огромные ледяные поля, описанные мореплавателями? Но почему тогда так детально на карте нарисован горный хребет, похожий на тот, который описан в индийских легендах? И почему реки не только изображены с разветвленными дельтами и изгибами русел, но дана даже характеристика их течения?

Таким образом, перед нами длинный ряд уходящих в века сообщений о легендарной стране Арктиде. Однако вера в существование этого загадочного материка не исчезла и в более поздние времена, вплоть до сегодняшних. Многие мореплаватели, ходившие вдоль северных берегов Сибири и Скандинавии, видели далеко на севере таинственные острова, получавшие даже свое место на географических картах Арктики. Так, русский купец

Яков Санников в начале прошлого века обнаружил к северу от Новосибирского архипелага большой остров, который позже был описан исследователем Севера Э. Толлем, рассказавшим о четырех плоских горах с низким предгорьем, хорошо видных в ясную погоду. А известный советский академик В. Обручев даже написал на эту тему научно-фантастический роман «Земля Санникова».

Почему североамериканских эскимосов трудно отличить от чукотских чукчей?

Ряд полярных летчиков, в частности штурман В. Аккуратов, описали несколько виденных ими в Северном Ледовитом океане островов, которые, к сожалению, позже не были найдены. Подойти к ним морским путем мешали ледяные торосы и постоянные туманы. И другие северные острова, которые были в свое время подробно описаны и картографированы серьезными исследователями, как ни странно, в наши дни на поверку оказались островами-«призраками» и до сих пор не найдены. К ним относится и та самая Земля Санникова, и Земля Андреева, увиденная когда-то в устье Колымы, и Земля Джиласа у берегов Шпицбергена, и целый ряд других островов, в том числе и тех, которые были даже сфотографированы несколько десятилетий назад. Так, исчез (в пучине моря?) остров Васильевский, береговой обрыв которого виден на старой фотографии русского исследователя Севера Л. Старокадомского. А некоторые острова Северного Ледовитого океана исчезают прямо на глазах. Взять хотя бы Новосибирский архипелаг, его сегодняшние берега постоянно уменьшаются по длине и ширине. Здесь скорость

наступления моря на сушу, например в пределах острова Большой Ляховский, достигает 20–30 м в год. Так что через 10–20 лет этого острова вообще не станет, так же как ранее, по-видимому, не стало того самого острова Васильевского.

Общность судьбы многих островов Северного Ледовитого океана говорит о том, что они – остатки существовавшего когда-то большого материка Арктиды, повторившей судьбу легендарной Атлантиды. Как это произошло, почему – загадка, разгадать которую до сих пор не удалось никому.

Одно из наиболее интересных предположений – Арктиду вовсе и не надо искать на дне океана, она не исчезла в его глубинах, она просто-напросто… растаяла, то есть сама превратилась в воду. Согласно этой гипотезе, Арктида была когда-то огромной страной – ледником, соединявшим Якутию и Чукотку с Канадой и Гренландией. Ее фундаментом служили многометровые толщи ископаемого льда, погребенного под слоем мерзлой земли. Как образовался этот странный ледовый материк?

В начале последнего ледникового периода уровень Северного Ледовитого океана сильно снизился. И если в Северной Европе образовался гигантский ледник, вобравший в себя огромное количество влаги, то на северо-востоке Евроазиатского континента появились условия для сухого морозного климата. Собственно говоря, здесь влаге появиться было неоткуда, так как открытой поверхности моря тогда не существовало (всюду был круглогодичный лед) и испаряться было нечему. В условиях жесткой нехватки водяного пара и установилась область почти постоянного высокого давления, то есть антициклон (как в наше время в Антарктиде). Арктический бассейн превратился в своеобразный кондиционер-холодильник, который гнал массы сухого морозного воздуха на юг. Сильные ветры выдували обнажившийся морской шельф и несли с собой пыль и песок, образовавшие толстый слой почвы, покрывшей огромную ледовую территорию.

На этой плодородной почве зародилась жизнь, и довольно бурная. В течение 3–4 летних месяцев, когда на безоблачном небе круглые сутки светило яркое горячее солнце, бурно и торопливо всходили и расцветали всеми красками травы – полынь, лебеда, эфедра. В отличие от деревьев и кустов условия для них были идеальные: внизу влага, сверху тепло (воздух прогревался до плюс 30 градусов по Цельсию).

Отсюда и появление травоядных животных: могучих мамонтов, диких лошадей, сайгаков, двурогих шерстистых носорогов, северных оленей, бизонов. Облаченные в толстый слой

густой теплой шерсти, они довольно легко переносили суровую зиму. Почти полное отсутствие снежного покрова и мощные копыта помогали им добывать пищу в мерзлой земле и зимой.

В мамонтовые степи приходили и люди. По-видимому, поначалу их жизнь здесь была сезонной, кочевой. Они приходили сюда вслед за мамонтами летом и уходили зимой. Так или иначе, но в песчаных и гравийных отложениях крупнейших рек Восточной Сибири и Северной Канады обнаружены большие скопления охотничьих орудий людей каменного века. Археологи находят сотни и тысячи ножей, наконечников пик, стрел, обточенных руками древнего человека. Не исключено, что были в южной части Арктиды и постоянные поселения людей. Недаром академик В. Обручев в своей «Земле Санникова» поселил таинственный народ – «онкилонов». Ведь еще в его времена на морском льду неоднократно встречались следы неизвестных странников, уходивших в сторону океана. Не туда ли, куда в конце прошлого века стремился попасть Э. Толль, поверивший рассказу Якова Санникова?

Так или иначе, но таинственное исчезновение Арктиды безусловно связано со стремительно наступившей природной катастрофой. О ее причине приходится тоже лишь догадываться. Некоторые ученые предполагают, что много тысяч лет назад нынешнее мощное теплое океаническое течение Гольфстрим текло не к берегам Европы, как сейчас, а к Северному полюсу, обогревая тогдашнюю Арктиду и давая ей жизнь. Это, кстати, делает правдоподобными древние мифы и эпосы, рассказывавшие о прекрасном климате в легендарной стране Арктиде. Но неожиданно на нынешней границе Атлантического и Северного Ледовитого океанов произошла катастрофическая подвижка земной поверхности, вулканические силы подняли на дне океана Фареро-Исландский подводный хребет. Он и отклонил теплое течение в сторону Европы.

По другой гипотезе – дело не в глубинных процессах нашей планеты, а в космических катаклизмах. Согласно ей, мимо Земли пролетел какой-то незваный гость из Космоса – астероид или комета, он сдвинул земную ось, сместил магнитный полюс и вызвал резкое изменение климата. Сразу же наступил конец ледникового периода, быстро повысилась температура, что сказалось на бурном таянии ледниковых панцирей Европы и Америки. Стремительно стал повышаться (в итоге чуть ли не на 100 м) уровень Мирового океана. Низинные участки территории Арктиды начали погружаться в воду. Вместо огромной приполярной страны остались одни архипелаги, от которых к нашему времени сохранились лишь отдельные острова, на три

четверти состоящие из ископаемого льда и тающие на глазах одного-двух поколений людей.

Эта гипотеза, кстати, дает разгадку тайны неожиданной гибели мамонтов, доисторических жителей Сибири и Северной Америки. Она достоверно объясняет, почему земля нынешних ледяных островов буквально набита костями древних животных. Ведь только за один сезон тот самый Яков Санников вывез с Ляховских островов 250 пудов отборных бивней мамонтов. А другой русский купец, попавший на Большой Ляховский, писал, что ему кажется, будто весь этот остров состоит из мамонтовых костей, вмороженных в лед. И вообще подсчитано, что только в течение последних трех столетий с Новосибирских островов вывезены многие тонны промышленной кости. Все это говорит о том, что при гибели просторной степи, на которую стремительно наступало море, мамонты бежали на возвышенности, превращавшиеся в острова, где прокормиться уже не могли и быстро вымирали. Вот почему здесь оказались такие огромные кладбища древних животных.

БЕРИНГИЙСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

Если в существовании Арктиды как огромного единого материка еще и есть кое-какие сомнения, то былая реальность ее юго-восточной части Берингии – доказанный факт. По результатам промеров морских глубин и данным о послеледниковом подъеме уровня воды могут быть почти точно восстановлены ее границы. Берингийский «мост», соединявший Азию с Северной Америкой, по самым скромным оценкам, был довольно просторным – его ширина составляла не менее 1500 м.

Одно из убедительных доказательств былого соединения берегов – удивительная общность молодой ископаемой фауны: в числе 22 видов животных, живших на Колыме, 21 встречается и на Аляске. Еще одно свидетельство затопления земли – продолжение русел рек Юкона и Кускоквама на морском дне. И так же, как по отношению к Арктиде, этнографы отмечают явное сходство характера и способа изготовления каменных орудий, найденных на древних палеолитических стоянках на противоположных берегах Берингова пролива.

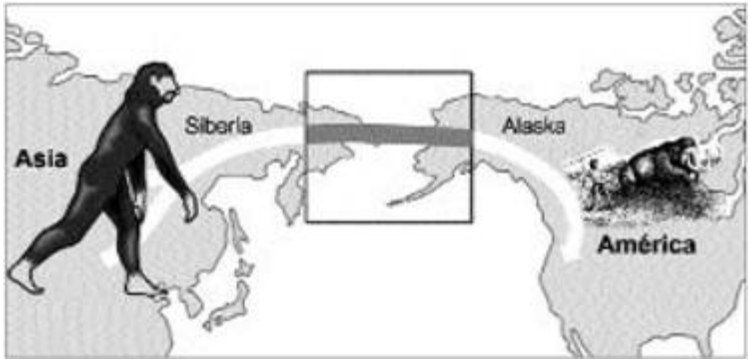
И нынешние потомки людей каменного века, азиатские и американские индейские племена, чукчи и коряки, эскимосы и алеуты живут очень похожей жизнью, имеют сходные обряды, одежды, песни и легенды. Некоторые из них относятся к незапамятным временам. Например, у древнейшего чукотского племени кереков существует редко встречающийся у других

народов загадочный обряд погребения покойников в море. Опуская умершего на морское дно пролива, его родные говорят: «Отправляйся к прадедам». Не отражена ли в этом передающаяся из поколения в поколение память о затонувшей когда-то земле предков?

По-видимому, возникший 8—10 тысяч лет назад Берингов пролив сначала не был таким широким и глубоким, как сейчас. Более того, он временами сужался и мелел настолько, что его можно было перейти вброд. Поэтому переселенцы из начавшей заболачиваться сибирской тундростепи вполне могли перебираться на территорию Аляски с помощью простых лодок.

О существовании в прошлом естественного сухопутного «моста» через море рассказывает и старинная легенда. Согласно ей, спасаясь от страшного черта Плунтаканэлана, люди прибегли к помощи Морской старухи, по длинным ногам которой перебрались на другой берег. А черт, преследуя женщин с детьми, добежал до моря и стал его пить, чтобы осушить. Но уровень воды ничуть не опустился, а Плунтаканэлан лопнул.

Большой интерес вызывает то, что найденные археологами на Аляске следы материальной культуры древних народов очень похожи на такие же находки в центральноазиатской пустыне Гоби, в Прибайкалье, на Дальнем Востоке, в Японии. На многие тысячи километров протягиваются торговые, охотничьи и миграционные пути древних людей. Из этого следует и подтверждение гипотезы о происхождении человечества из одного североафриканского очага, откуда оно рассеялось по всему земному шару. Беренгия была одним из основных миграционных «мостов», по которому далекие предки нынешних коренных жителей Америки перешли с Североазиатского континента, куда они, в свою очередь, мигрировали когда-то из Северной Африки. «Северо-Восточная Азия сама по себе есть переходная область, продолжением которой служит самая северная часть Америки», – писал этнограф Ф. Ратцель, объясняя сходство краснокожих индейцев с народами Сибири и Монголии.



Америку открыл не Колумб, а первобытные люди-они пришли туда вслед за мамонтами по Беренгийскому перешейку

Надо отметить, что движение через Берингов перешеек людей, впрочем, так же как животных и растений, преимущественно шло в одном направлении – с запада на восток. В Новом Свете было пустыннее, поэтому легче завоевывать экологическую нишу. Одно из исключений составляют древние предки верблюдов, которые, появившись сначала на Великой Американской равнине, проникли затем в засушливые районы Центральной Азии. Позже они откочевали не только на север, но и на юг, в Южную Америку, где превратились в лам.

Переселяться в одном направлении животных и людей заставлял еще и мягкий и влажный климат Северной Америки, способствовавший лучшему произрастанию растений. Здесь расстилались тучные пастбища и стояли густые леса, где жили бобры, барсуки, ленивцы, дикобразы.

В самом начале XXI века появилась публикация результатов сенсационных археологических исследований американки А. Рузвельт в бразильских джунглях. На берегах Амазонки проведены раскопки пещерных поселений, где были найдены наскальные рисунки, кострища и наконечники стрел. Все это принадлежало охотничьим племенам древних жителей Южной Америки доиндейского времени.

И вот что интересно: трофеи бразильских раскопов имеют удивительное сходство с такими же находками совсем другого района археологических исследований – северо-западного штата США Вашингтона. А те, в свою очередь, почти точно совпадают с аналогичными открытиями стоянок человека каменного века в Азии и Африке.

Это еще раз подтверждает старую догадку ученых – склонное к миграции человечество произошло из одного североафриканского очага. Завоевывая планету, люди двигались

оттуда на север, восток и запад, заселяли все новые и новые земли. При этом они, естественно, использовали природные сухопутные «мосты» для перехода с одного континента на другой.

Выделяются по крайней мере два наиболее крупных периода миграции людей по северному проходу Россия – Америка. Это, во-первых, 20 тысяч лет назад, когда во время так называемого Сартакского оледенения Берингия имела самую большую ширину. И во-вторых, это 14—13-е тысячелетия до н. э. К этому более позднему периоду, более обоснованному, чем остальные, относятся уже упомянутые многочисленные палеолитические стоянки и поселения Сибири и Канады. Именно в это время и появились не только в Северной, но и в Южной Америке протоиндейцы, положившие позже начало великим цивилизациям майя и ацтеков.

Итак, перед нами очередное подтверждение неизменности вечного статуса Америки – страны эмигрантов. Поэтому все так называемые коренные ее жители такие же пришельцы из Европы и Азии, как и люди каменного века. Пройдет еще 10–20 тысяч лет, и будущие археологи, копаясь в остатках нашей пластмассово-компьютерной эры, с недоумением отметят странное для них деление людей на постоянных и временных жителей Америки. Как относительны эти понятия!

КАЛИФОРНИЙСКИЙ РАЗЛОМ

На одной из далеких планет Альфы Центавра ученый астроном, вглядываясь в окуляр телескопа, разглядывает одну из небольших планет некой Солнечной системы. Другой, менее ученый альфянин подходит к нему и спрашивает: «Есть жизнь на этой Земле?» А тот отвечает: «Ну какая может быть жизнь там, где вечно бушуют штормы, торнадо, цунами, грохочут вулканы и свирепствуют землетрясения?!» И на самом деле, не проходит месяца, а то и недели, чтобы газеты не сообщили, что в том или ином уголке земного шара от природных катастроф разрушились дома, мосты, дороги и погибли люди. Особенно землянам достается от разбушевавшейся подземной стихии, уносящей тысячи жизней и приносящей миллиардные убытки. Подсчитано, что не менее 30 тысяч больших и малых землетрясений ежегодно сотрясают нашу планету.

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Семнадцатого октября 1989 года в 5 часов вечера тысячи жителей Сан-Франциско сели в кресла, чтобы посмотреть 3-и Игры мировой серии по бейсболу. Но вдруг экраны их телевизоров почернели, всюду погас свет, и грохот посыпавшейся на кухне посуды сотряс воздух. Вслед за этим полетели на пол картины, вазы, с потолков сорвались люстры, повалились буфеты и книжные шкафы. А еще через мгновение рухнули стены, перегородки, перекрытия, грохнулись об землю высокие трубы каминов, и крыши строений сомкнулись с фундаментами. Не менее 60 рядов двух-трехэтажных домов в районе Marina District было разрушено.

В тот день сильно досталось и дорогам. Был поврежден фривей Nimitz, восьмимильный участок его толстого бетонного покрытия превратился в груду камней, стоявшие на нем автомобили (слава богу, без людей) искорежило, как консервные банки. А главное, пострадал самый длинный мост через залив – главная путевая артерия, соединяющая Сан-Франциско с крупным промышленным и торговым центром Окландом и его аэропортом.

То было последнее в этой точке планеты крупное землетрясение XX века. Но и его начало ознаменовалось в Сан-Франциско еще большей катастрофой – в 1906 году сильные подземные толчки привели к страшным пожарам, уничтожившим чуть ли не половину этого прекрасного города. Причем, в отличие

от происшедшего на наших глазах последнего землетрясения, в результате которого люди почти не пострадали, в первом погибло около 1,5 тысячи человек.

А всего за прошедшее столетие не менее 800 тысяч больших и малых подземных катастроф потрясали Калифорнию, пытаясь свалить ее в Тихий океан.

Увы, человечество пережило немало трагедий, связанных с гибелью отдельных прибрежных городов и даже целых стран, погрузившихся в морскую пучину под действием подземной стихии. Вот хотя бы один пример, относящийся к местам, не столь уж отдаленным от Калифорнии.

Знаменитый когда-то Порт-Роял современники называли пиратским Вавилоном. Основанный на острове Ямайка испанцами в 1523 году и захваченный англичанами в 1670-м, этот крупный морской порт долгое время был центром работорговли и непризнанной столицей пиратов-буканьеров. Сюда стекались сокровища со всего света. В 70-х годах XVII века Порт-Роял достиг такого расцвета, что оборот капитала в расчете на каждого жителя там был выше, чем в Лондоне. Бывший предводитель пиратов Генри Морган даже получил от английской королевы дворянский титул и стал губернатором Ямайки.

И вдруг утром 7 июня 1692 года сильный подземный толчок сотряс землю. Сначала развалились пакгаузы и амбары, стоявшие неподалеку от причалов. Потом затрещали и стали падать жилые дома и другие постройки. Второй и третий толчки последовали сразу один за другим, а затем случилось нечто ужасное: земля под ногами метавшихся в панике людей разверзлась, и гигантская волна, сметая все на своем пути, поглотила около 2 тысяч жилых домов, торговых лавок, ресторанов, складов и магазинов. Город почти целиком погрузился на дно Карибского моря.

В октябре 1906 года страшное землетрясение уничтожило почтиполовину Сан-Франциско

Только через три столетия экспедиция археологов-аквалангистов нашла на дне моря этот легендарный город. На исторической карте Порт-Рояла появились таверны, мясной и рыбный рынки, мастерские сапожника и цинковщика, жилые дома. Все они были полностью или частично разрушены землетрясением. В районе бывшего форта Джеймса, вблизи магазина корабельного снаряжения и здания кухни, аквалангисты нашли отдельные предметы из золота, меди, цинка и стекла.

Подобно Порт-Роялу, в прибрежной зоне почти всех материков нашей планеты на дне морском лежат тысячи городов и поселений, бывших крупных портов и транспортных столиц мира. Они стали жертвами губительных подземных землетрясений. Летописи и сказания оставили нам свидетельства этих катастроф.

Землетрясение в Сан-Франциско унесло в 1906 годуболее 1,5 тысячи жизней

Так, в итальянском историческом очерке «Annales Ragusini anonimi» рассказывается о страшном землетрясении, происшедшем сразу же после смерти римского императора Юлия Апостаты, то есть предположительно в 363 году н. э. Тогда погиб один из крупнейших торговых и военно-морских портов Древнего Средиземноморья Эпидавр, основанный на берегу Адриатического моря еще в эпоху эллинизма. «В этот год, – пишет неизвестный автор (по-видимому, священник), – случилось во всем мире землетрясение. Море покинуло свои берега, словно Господь наш Бог снова наслал на нас потоп, и все повернулось вспять, в хаос, который и был началом всех начал. И море выбросило на берег корабли и разметало их по скалам. Когда жители Эпидавра увидели это, то устрашились они силы волн и убоялись, что горы воды хлынут на берег и что город будет ими весь разрушен».

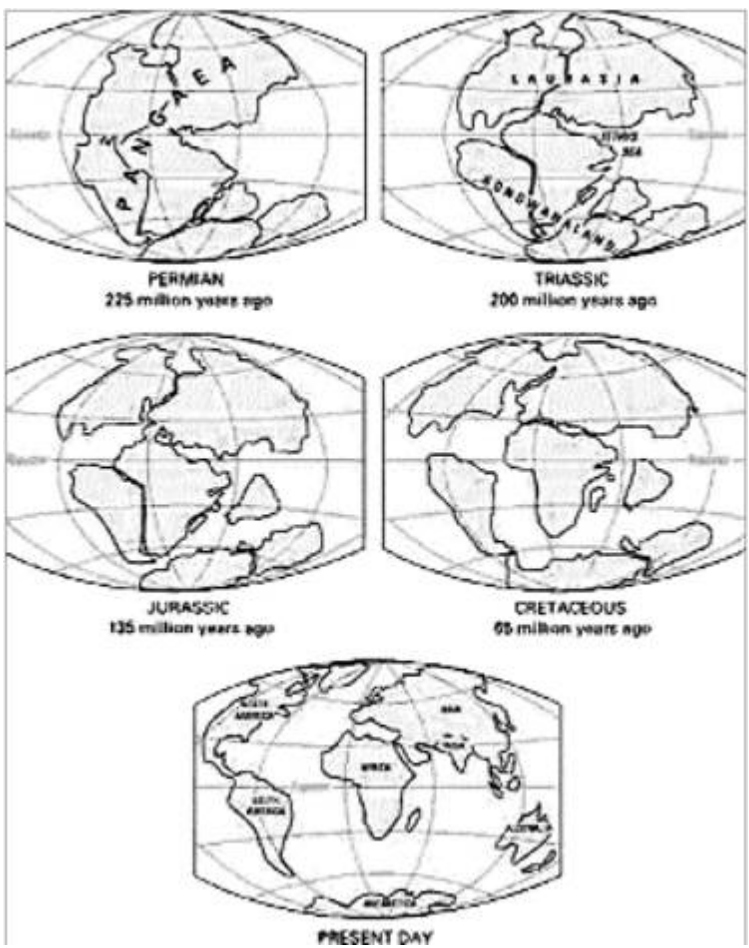
Именно это и произошло. На дне моря, на глубине 15 м, оказалась большая прибрежная территория города с торговым центром, мастерскими ремесленников и жилыми домами.

Если уйти дальше в глубь веков, то нельзя не вспомнить гомеровскую эпоху и морской поход аргонавтов в Причерноморье за золотым руном. Там, в древней Колхиде, тоже слышалось эхо подземных взрывов, которые были, по-видимому, вторичными отголосками мощного тектонического сброса, обрушившегося когда-то на эту часть Причерноморья и приведшего к резкому понижению рельефа Колхиды и последующему ее превращению в болотистую низменность.

ЗЕМЛЯ – ЯЙЦО ИЛИ ЧЕРЕПАХА?

Для того чтобы хотя бы приближенно представить себе тектоническое будущее такого места на нашей планете, как Калифорния, давайте мысленно уменьшим земной шар до размеров куриного яйца. Тогда окажется, что мы живем на тонкой, хрупкой скорлупе. Ее толщина составляет всего 0,0026 диаметра земного шара.

Но, в отличие от яйца, под этой оболочкой, то есть земной корой, кипит, бурлит раскаленная масса расплавленного металла и камня – магма, образующая целый подземный океан, мантию Земли. Поэтому сравнение с яйцом не точно, скорее, Земля – кастрюля с кипящим в ней бульоном: из-под ее крышки то там, то тут вырываются пары – это вулканы, извержение которых показывает, как близка грозная подземная стихия и как страшна огненная лава.



225 миллионов лет назад на Земле была только одна суша суперконтинент Пангея

А еще правильнее сравнить земную кору с панцирем черепахи, состоящим из многих соединенных между собой долек. Только у Земли эти дольки – литосферные плиты – все разные и не припаяны друг к другу накрепко, как у тортиллы. Литосферные плиты все время передвигаются относительно друг друга и, как льдины в океане, дрейфуют, плывя по морю раскаленной магмы, по мантии. Одни плиты надвигаются на другие, другие опускаются, третьи раздвигаются – и между ними поднимается из земных недр магма, которая образует новые, молодые горы.

Когда-то, а точнее 225 миллионов лет назад, на Земле вообще был только один гигантский суперконтинент – Пангея. Потом он раскололся, и благодаря дрейфу литосферных плит постепенно стало образовываться два новых суперконтинента: на севере – Лавразия, на юге – Гондвана. И только около миллиона лет назад сформировались нынешние материки.

Посмотрим внимательно на географическую карту мира: разве не похоже, что Южная Америка оторвана от Африки – ее северо-западный выступ по своим очертаниям почти точно совпадает с западной вогнутостью Африки. Как будто кто-то ножницами отрезал эти континенты друг от друга и, раздвинув, снова приклеил, но уже в разных местах. Оставив между ними Атлантический океан.

И вот уже сотни тысяч лет подряд они двигаются в разные стороны, все дальше и дальше отходя друг от друга. Но не только они, все материки плывут по океану жидкой мантии Земли. Вот и Австралия дрейфует к северу, отодвигаясь от Антарктиды.

Заметили бы мы все эти движения без сверхточных приборов, установленных на спутниках? Конечно нет – ведь скорость движения литосферных плит с континентами составляет всего 1—10 см в год. Однако если эти маленькие сантиметры умножить на сотни тысяч и миллионы лет, то они превратятся в тысячи и десятки тысяч метров и километров.

Объясняющая перемещение континентов теория дрейфа материков родилась под влиянием идей австрийского геофизика А. Вегенера. Это он еще в 10-е годы XX века, изучая конфигурацию материков Африки и Южной Америки, заметил почти полное совпадение их контуров.

Позже английские ученые из Кембриджского университета Э. Буллард и А. Смит подсчитали, что точность примыкания

африканских и южноамериканских береговых линий составляет менее одного градуса. Особенно близким совпадение континентальных контуров становится, если их принять не по береговой линии, а по границе шельфовой зоны. Дальнейшие исследования показали, что сходство очертаний южноамериканских и африканских атлантических берегов сопровождается совпадением и их геологического строения.

К счастью, почти все основные разломы земной коры, определяющие границы литосферных плит, находятся в океанах довольно далеко от наиболее густонаселенных центров нынешней цивилизации. Кроме, пожалуй, того разлома, который проходит в непосредственной близости от Японских островов и который время от времени дает о себе знать грозными землетрясениями, извержениями вулканов и связанными с этим губительными набегами огромных волн – цунами. В Японии когда-то был даже создан футурологический кинофильм с жуткими картинами возможной тектонической катастрофы и погружения Токио и других городов Японии в морскую пучину.

Увы, этот фильм оказался прямо-таки пророческим, хотя Японию трагедия, к счастью, миновала. 26 декабря 2004 года сильное землетрясение в Индийском океане вызвало гигантскую волну цунами, обрушившуюся на побережье стран Юго-Восточной Азии. В Индонезии, Шри-Ланке, Таиланде и Индии погибло чуть ли не 300 тысяч человек и миллионы людей остались без крова.

ЦУНАМИ, ЦУНАМИ, ЦУНАМИ!!!

Кто эти злодеи – виновники трагедий, так часто разворачивающихся на берегах морей и океанов Земли? Во-первых, подводные землетрясения и, во-вторых, извержения подводных вулканов.

При «грозах» в земной толще океанское дно прогибается иногда на несколько десятков метров. Это вызывает эффект водяного поршня, толкающего воду и образующего волну, несущуюся от эпицентра подземных катастроф со скоростью реактивного самолета (до 800—1500 км/ч). По воде кругами разбегаются сначала очень пологие и длинные волны высотой всего 50—100 см. Вдали от берегов на протяжении 200–300 км они с морских судов могут быть даже не замечены. Однако волны цунами несут огромную энергию.

На подходе к берегу они с огромной силой накатываются на отмели. Опасность их особенно велика в узких заливах или бухтах. На мелководье, встречая сопротивление близкого дна, волны тормозятся и резко увеличивают свою высоту. Быстро

превращаясь в страшный пенистый вал, они стремительно накатываются на берег гигантской стеной воды высотой 20–60 м, а то и больше.

Волна цунами, обрушившаяся 26 декабря 2004 года на страныЮго-Восточной Азии, достигала высоты многоэтажного дома

За последние 2500 лет зафиксировано более 350 крупных катастрофических набегов цунами, отмеченных историками разных стран. Из них не менее 310 случилось в Тихом океане (на него приходится до 80 % землетрясений всего земного шара), более 25 – в Атлантическом и свыше 20 – в Средиземном море. В наше время ежегодно регистрируются 2–3 больших цунами. Более других испытывают на себе их действие Камчатка, Курильские, Гавайские острова и Япония (не случайно название цунами японского происхождения и означает «большая волна в гавани»).

Вот некоторые выдержки из старых письменных хроник цунами.

1 ноября 1755 года землетрясение в Лиссабоне генерировало волны высотой 5—12 м. На город Кадис, недалеко от Гибралтара, обрушилось 18 гигантских волн.

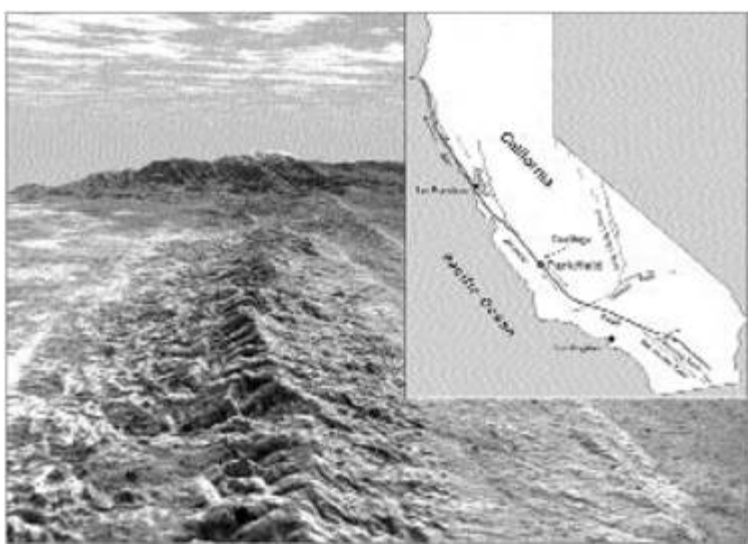
13 августа 1868 года. В южном Перу (теперь эта территория является северным районом Чили) военный корабль США «Уотери» был заброшен на милю в глубь материка волной 20-метровой высоты. Отступив, волна обнажила дно залива Икике до глубины 7 м, а вернувшись, затопила город Икике.

27 августа 1883 года. В этот день произошло страшное извержение вулкана Кракатау. В 13 часов жители острова Ява в 160 км от вулкана услышали громоподобные раскаты; в 14 часов

над Кракатау поднялась черная туча высотой 27 км; в 17 часов на берег обрушилась первая волна. На побережье Явы и Суматры 30-метровые волны цунами смыли целые поселения, при этом погибло более 36 тысяч человек. Волны от Кракатау распространились в Индийский океан, обогнули мыс Доброй Надежды, прошли Атлантический океан. Причиной образования цунами в этом случае мог быть не только взрыв самого вулкана, но и падение в воду большого количества (около 20 км3) выброшенного вулканом материала – магмы и горной породы.

15 июня 1896 года. Северо-Восточную Японию настигло обширное наводнение от волн цунами. На побережье протяженностью более 300 км обрушилась 25-метровая стена воды, которая в вершинах заливов достигала 30 м. Снесено было 10 тысяч домов, погибли 27 тысяч человек.

1 апреля 1946 года. Происшедшее в Тихом океане землетрясение обрушило волны цунами на город Хило (Гавайские острова). Капитан корабля, стоявшего в море вдали от порта, с изумлением увидел, как город гибнет под ударами волн, которые прошли мимо его корабля, не причинив ему никакого вреда. На Маркизских островах, отстоящих вдвое дальше от эпицентра землетрясения, на расстоянии 4 тысяч миль, волны цунами уничтожили все поселения, расположенные на берегах узких заливов.



Разлом Сан-Андреас между двумя тектоническими плитами земной корыпроходит через всю Калифорнию

22 мая 1960 года. В Чили произошло 8,5-балльное землетрясение, разрушившее в радиусе 250 миль более миллиона

домов и приведшее к гибели 4 тысяч человек, вызвало и катастрофическое цунами. Его волны опустошили десятки городов на побережье Чили, а затем произвели разрушения на берегах Австралии, Новой Зеландии, Филиппин. В США пострадали города Лос-Анджелес и Сан-Диего. В Японии, за 9 тысяч миль от Чили, жертвами цунами стали 180 человек. Вновь сильный удар волн обрушился на город Хило.

Увы, пока человечество не знает эффективных средств защиты от цунами. Единственное, что помогает в районах, где возможны их атаки, – это своевременное бегство. Так, в опасных зонах Японии, Индонезии и других стран перенесены на более высокие места целые селения, поселки, городки. И на Курильских островах несколько населенных пунктов переехало в новые районы.

Другое важное средство избежать губительных последствий цунами – предупреждение о надвигающейся волне. К сожалению, такой прогноз может быть лишь краткосрочным и полностью не дает возможности спасения. Предупреждения о близости цунами основаны на расчете движения волны и на непрерывном наблюдении за возмущениями в океане. Основу наблюдательной системы составляют сейсмические станции, регистрирующие землетрясения. Кроме того, проводятся непрерывные замеры колебаний уровня океана, а также акустические наблюдения.

Для слежения за цунами на удаленных от центра Японии островах в 70-х годах XX века была оборудована специальная группа из девяти сейсмических станций. Не позже чем через 5 минут от начала землетрясения станция передает данные центру, который определяет местонахождение эпицентра и интенсивность землетрясения. Центр принимает решение о тревоге и передает все необходимые сведения в обслуживаемый район не позднее чем через 20 минут от начала землетрясения.

В США для предупреждения о цунами используется гидроакустическая система «Софар». Ее основное назначение – оповещение об авариях в океане. Корабли и самолеты, курсирующие между США и Гавайскими островами, оснащены бомбочками массой около 1 кг. При аварии бомбочки автоматически освобождаются и взрываются; сигнал улавливают гидрофоны, устанавливающие место и время аварии. Эта система принимала и отзвуки подводного извержения вулкана в 300 км от Токио, за 8000 км от гидрофонов.

На тихоокеанском побережье России также имеется несколько станций предупреждения о цунами. О работе одной из них, Южно-Сахалинской, в 1987 году писала газета «Известия». В присланной с места событий корреспонденции рассказывалось,

что пилот самолета, приближавшегося к острову Парамушир, увидел сверху страшную картину случившейся на его глазах катастрофы. «Северо-Курильск погружается в океан!» – передал он в эфир и был, к сожалению, прав. Гигантская волна цунами почти целиком поглотила парамуширский городок.

Продолжает нести бессменную научную вахту и сейсмостанция «Южно-Сахалинск». С 1990 года эта полностью автоматизированная служба фиксирует все землетрясения силой выше 7 баллов по шкале Рихтера. Сигналы о прохождении волны цунами через спутники поступают на компьютеры станции с дальних плавучих буев в море. Кроме того, срабатывают также донные датчики, связанные кабелем с берегом. После сообщения о подходе разрушительного водяного вала объявляется тревога.

Если угроза с моря реальна, незамедлительно начинают действовать местные власти, службы оповещения, МЧС и другие подразделения, обеспечивающие меры безопасности в зонах возможных «заплесков». Прерываются передачи местного радио и телевидения, чтобы передать в эфир сигнал тревоги: «Цунами, цунами!»

Цунами 2004 года привело к гибели почти 300 тысяч человеки миллионы оставило без крова

Затем следует быстрая эвакуация населения. Специально выделенный автотранспорт вывозит людей в заранее подготовленные убежища на высоких холмах и сопках, в отрогах недалеких гор. Там уже созданы запасы всего необходимого: продукты, одежда, медикаменты – все, что нужно, чтобы переждать подступающую беду.

Неужели и Калифорнию ждет трагическая судьба многих других прибрежных стран-Атлантид? Может ли она тоже попасть в катастрофу, подобную описанным выше? Не погрузится ли в одну ужасную ночь в океанские глубины, унося с собой десятки миллионов человеческих жизней, сотни тысяч зданий и сооружений, дорог, мостов, набережных, тысячи больших и малых городов и поселков?

Эти тревожные мысли невольно приходят в голову калифорнийцам, когда, проснувшись однажды ночью, они с

ужасом видят, как ходит ходуном стол, открываются дверцы буфета и падает на пол посуда. Та же мысль их посещает, когда они вспоминают нортриджское землетрясение, прогремевшее в лос-анджелесских местах в 1994 году. Об этом жители Калифорнии вспоминают и тогда, когда едут по 99-му фривею в Сакраменто и видят справа указатель поворота на Сан-Андреас.

Вот оно, это название – «San Andreas fault», обозначающее глубокий разлом земной коры, проходящий под всей Калифорнией. Начинаясь еще в Мексике, он пересекает штат с юга на север, проходя мимо Лос-Анджелеса через Сан-Бернардино и уходя в океан прямо под Сан-Франциско. Вот почему так часто «трясет» этот замечательный город.

Что собой представляет грозная Святоандреевская трещина в земной тверди? Насколько она опасна, не может ли расшириться и поглотить все, что находится на поверхности земли? Не провалятся ли в нее калифорнийские города, поля, заводы, фермы, леса и сады? Не исчезнет ли в страшной земной пучине этот американский «Золотой штат»?

Уже десятки лет ученые изучают калифорнийский разлом Сан-Андреас, выясняя его будущую роль в возможных подвижках побережья, его опасность для жизни в этом районе Земли. San Andreas fault является северным участком одного из наиболее крупных разломов земной коры, проходящего в восточной части Тихого океана. Эта трещина является границей двух гигантских литосферных плит: одна из них держит на себе Американский континент, а другая – Евразию, Австралию и Океанию.

К счастью, геологами с достаточной степенью достоверности установлено, что плиты, контактирующие по разлому Сан-Андреас (в отличие от того, что грозит Японии), не имеют вертикальных подвижек. Они тоже движутся, дрейфуют, но только в горизонтальном направлении. Североамериканская плита перемещается на северо-запад, а Тихоокеанская – на юго-восток. Плиты трутся друг о друга, поэтому и возможны землетрясения, однако никаких катастрофических провалов и погружений земли под воду быть не должно. Это заключение полностью отметает всяческие опасения по поводу того, что Калифорнию ждет трагическая судьба Атлантиды.

Кстати, геологи подчеркивают, не надо бояться небольших землетрясений: как ни странно, чем чаще они происходят, тем лучше – происходит разгрузка напряжений в разломе, а следовательно, менее вероятна крупная катастрофическая подвижка литосферных плит.

Так что вряд ли есть резон калифорнийцам распродавать недвижимость, собирать чемоданы и переезжать в другие

штаты. Скорее всего, Калифорния со всеми своими горами, каньонами, реками, лесами и полями никуда не исчезнет и будет существовать столько, сколько отведено времени самой Земле.

ПРАВДА О ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛКАХ

«Рожденный ползать летать не может» – как спорны эти громкие слова М. Горького, ставшие, вопреки их же смыслу, крылатыми. Вот и человек, казалось бы, навечно пригвожденный земным притяжением к своей планете, сделал себе крылья, мотор, ракету и полетел. Все выше и выше.

А его мысль, его мечта понеслась еще дальше, к Марсу, к Венере, к иным мирам, в глубины Вселенной. И вернулась обратно с межзвездными кораблями, с инопланетянами и летающими тарелками.

ЗАГАДКА НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

Это случилось почти полвека тому назад.

Как-то утром в час пик, когда люди спешили на работу, возле поворота Ярославского шоссе к подмосковной Балашихе возникло странное дорожное происшествие. Оно на долгие годы оставило после себя недоумение, страх, незатихавшие разговоры, споры, обсуждения.

В это утро одновременно у нескольких автомашин, приблизившихся к развилке дорог, совершенно неожиданно заглохли моторы. Водители стали подолгу крутить стартеры, многие попытались завести машины вручную, потом подняли крышки двигателей – искали повреждения. Но ничего обнаружить им не удавалось, никакие ухищрения не помогали – автомобили не трогались с места.

Вдруг кто-то поднял голову кверху и громко закричал:

– Смотрите! Смотрите! Что это?

Водители, оторвавшись от возни со своими машинами, задрали головы к небу. Прямо над перекрестком дорог на высоте около полукилометра от земли в воздухе висел большой сине-зеленый шар с тремя длинными, заостренными на концах стержнями-пиками. Что это, проходившее испытание новое оружие страны Советов? Ведь совсем неподалеку, возле станции Ярославской железной дороги Подлипки, располагался огромный закрытый район, где ковался оборонный щит Родины. Или, может быть, это американские империалисты (западногерманские реваншисты?) забросили в наше советское небо какой-то вредоносный диверсионный зонд? Ведь в то время они только и норовили превратить холодную войну в горячую.

Летающая тарелка – фотофакт или фотофокус?

Несколько активистов кинулись к телефону-автомату. Позвонили в милицию, безрезультатно – там очень удивились, не поверили и сказали, что это не по их части, а скорее по психиатрической. Потом кто-то, оказавшийся сотрудником одного из тех самых оборонных институтов в Подлипках, набрал некий секретный телефонный номер. Ему ответили: нет, никаких испытаний в этот момент не проводилось, а если бы это были американцы, наши соответствующие органы наверняка бы знали.

Пытались еще где-то что-то выяснять. Но срочность такого выяснения неожиданно пропала – таинственный шар вдруг стронулся с места, поднялся выше, постоял немного, затем медленно поплыл к большому желтовато-серому облаку, подсвеченному изнутри лучами заходящего солнца. Прошло несколько минут, и поглощенный облаком шар исчез из поля зрения изумленных автомобилистов, а их машины сразу же завелись и двинулись с места.

Другое событие такого же рода произошло примерно в этот же период времени, но совсем в другом месте.

Вечером одного из обычных будничных дней пограничники, охранявшие советско-финляндскую границу, заметили на

темнеющем небе быстро приближавшийся со стороны Хельсинки круглый светящийся предмет. При этом радары на него не реагировали, и ни на какие предупредительные сигналы он не отвечал. Тогда навстречу были посланы истребители-перехватчики. Но когда они поднялись в воздух, странный шар вдруг исчез. Обнаружили его только к утру, когда он появился возле Петрозаводска. Целые сутки встревоженные горожане разглядывали таинственного пришельца, но никто природу этого феномена так и не раскрыл.

…Перед нами только два случая из обрушившейся на мир во второй половине XX века целой лавины сообщений о появлении над городами и селами неких неопознанных летающих объектов (НЛО) или по-английски Unknowned Flighting Objects (UFO).

Почти каждый год то там, то тут в разных уголках нашей планеты люди наблюдают на небе странные предметы, которые нередко не просто привлекают внимание и вызывают любопытство, но наводят страх и даже ужас.

С легкой руки газетчиков появилось и образное их прозвище – летающие тарелки. Многочисленные энтузиасты, собиратели и комментаторы этих сообщений начали их тщательно изучать, раскладывать по полочкам, обсуждать. Возникла даже целая новая наука, которая по начальным буквам получила название уфология.

В разных странах стали действовать общественные комитеты по сбору и пропаганде сведений об НЛО, издаваться журналы и газеты. В тот же период времени и в бывшем СССР начал работать такой комитет. Один из наиболее активных пропагандистов НЛО, кандидат наук Ажежа стал читать на эту тему лекции, каждая из которых длилась без перерыва три часа. При этом он всегда подчеркивал, что мог бы привести во много раз больше сведений о НЛО, если бы не КГБ и армейская разведслужба, тщательно скрывающие от общественности каждый факт их обнаружения. Возможно, он был прав – ведь и на самом деле, многие из НЛО, по-видимому, имели прямое или хотя бы косвенное отношение к военному ведомству.

Взять хотя бы случай с появившимся как-то в советских газетах сообщении о странном луче света, узким прожекторным пучком высвечивавшим по ночам круглый участок земли диаметром около 20 м. Обычным прожекторам того времени высота, с которой исходил луч, была совершенно недоступна. Таинственный свет излучался из какого-то плохо различимого даже в бинокль предмета, медленно двигавшегося по ночному небу восточной Украины. К утру таинственный луч исчезал.

Сенсация продержала в напряжении общественность двое или

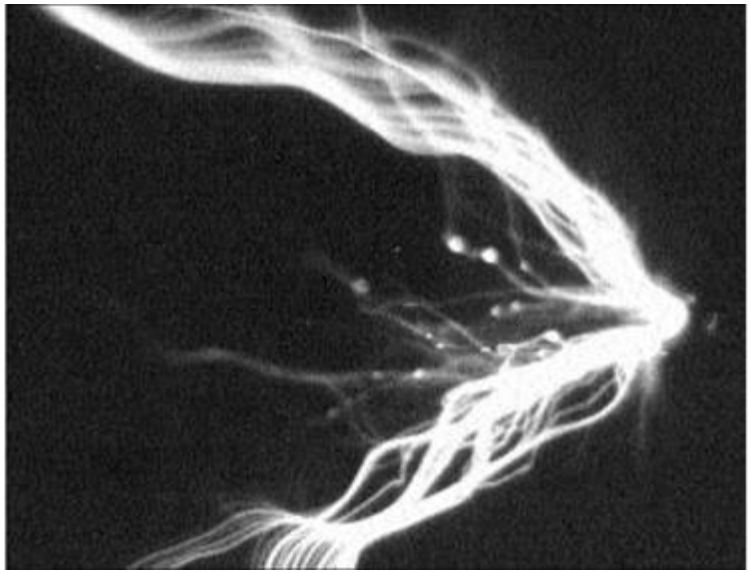
трое суток, пока ее причина не прекратила свое существование. И снова возник тот же вопрос: что это было? Новое лучевое оружие, предсказанный А. Толстым «гиперболоид инженера Гарина»? Военные сначала напрочь отвергали какую-либо свою причастность к этому событию. Однако через пару недель в одной харьковской газете промелькнула небольшая корреспонденция с места проведения неких армейских учений, где, кроме всего прочего, именно в те дни отрабатывались методы поражения противника с воздуха.

АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ?

Вид, форма, размер, цвет и характер наблюдаемых НЛО самые разные. То они – шары или круглые, овальные диски-тарелки, то лучи. А вот, например, жители Мадрида в течение нескольких часов наблюдали на небе крупный темно-синий крест. В другой раз в южноафриканском Кейптауне прохожие следили за перемещениями между кучевых облаков большого лилового ежа, который время от времени медленно покачивал своими длинными иглами. Были сообщения о появлении летающих тарелок в виде рыб, собак, тигров, носорогов и даже домов и автомобилей. При этом некоторые из них меняли свою форму и цвет прямо на глазах изумленных наблюдателей.

Это загадочное многообразие НЛО и сбивает с толку самых пытливых и догадливых исследователей, строящих те или иные гипотезы, которые так или иначе пытаются объяснить природу таинственных небесных явлений.

Вот и произнесено это слово – явление. Может быть, и впрямь мы имеем дело просто с природными атмосферными явлениями? Может быть, действительно, летающие тарелки не что иное, как особым образом подсвеченные солнцем или луной обрывки облаков? Или что-то вроде северных сияний, сполохи, украшающие небо на далеком Севере? Или куски радуги, то есть обыкновенная игра света, его преломление в капельках воздушной влаги?



Шаровые молнии – не они ли привлекают внимание уфологов?

А есть еще одно привлекающее своей наглядностью предположение. С древних времен люди сталкиваются с очень необычным и пугающим природным явлением – шаровой молнией. Этот подвижный сгусток электрической (или, может быть, какой-то другой) энергии часто ведет себя очень странно. Иногда, пролетев низко над землей, он врезается в одиноко стоящее на поляне дерево и буквально взрывает его. В других случаях он попадает на крыши домов и служит причиной пожаров.

Однако есть и другие наблюдения. Один сельский житель рассказал, что как-то во время грозы в комнату правления его колхоза влетел через окно небольшой огненный комок – шаровая молния. Он описал круг над столом, у которого в неописуемом страхе замерли казначей и бухгалтер, обсуждавшие до этого свои финансовые вопросы, затем подлетел к электрической розетке, покачался возле нее и вдруг в ней исчез.

В другой раз туристы из подмосковного поселка Икша расположились на ночлег возле лесной опушки. Залегли в своих палатках, а ночью разразилась гроза. Проснувшись от грома, они вдруг замерли в ужасе – в палатку, где они лежали, прямо через ее брезентовый полог влетел ярко светящийся шар. Он подлетел к лицу одной туристки, коснулся ее лба, не вызвав у нее никаких неприятных ощущений, потом погладил волосы ее подруги, лежавшей рядом, и вот так, не причинив никому никакого вреда, вылетел из палатки.

Тайна шаровых молний до сих пор окончательно не

разгадана. Что они собой представляют, какова их природа, каков состав, почему они так по-разному себя ведут? Как просто было бы объявить НЛО атмосферными явлениями. Пускай необычными, странными, загадочными. Но зато своими, родными, земными.

ИНОПЛАНЕТНЫЕ КОРАБЛИ

Однако есть много фактов, которые наводят на совсем другие мысли и заставляют делать совершенно иные, более заманчивые, более волнующие предположения. Суть их сводится к тому, что НЛО имеют внеземное происхождение, что они – пришельцы из Космоса, посланцы других цивилизаций. Собраны десятки свидетельств приземления в том или ином месте нашей планеты больших летающих тарелок, которые представлялись видевшим их людям управляемыми космическими кораблями, звездолетами. Многие из них имели экипажи, состоявшие из человекоподобных существ, названных гуманоидами.

Зоркие «глаза» и чуткие «уши» радиотелескопов Земли вглядываются и вслушиваются в дальний Космос

Интересно отметить, что в рассказах очевидцев, живущих в разных странах и видевших летающие тарелки в разное время, эти гуманоиды выглядят почти одинаково, они даже получили одинаковое имя – «зеленые человечки».

Вот один из таких рассказов, очень типичный.

Клонился к вечеру знойный душный день оклахомского жаркого лета, солнце шло на посадку к дальнему западному горизонту. Хозяйка ранчо Энни Вильсон поднялась на второй этаж своего дома и вышла на открытую веранду, чтобы полить

цветы. Неожиданно высоко в небе она заметила небольшой предмет, быстро приближавшийся к земле.

Не прошло и нескольких минут, как он оказался на расстоянии, с которого можно было ясно видеть, что он имеет форму большой круглой тарелки с блестящей металлической поверхностью. Тарелка сначала зависла над ранчо, потом отодвинулась ярдов на сто в сторону и быстро пошла на снижение. Не успела Энни спуститься на первый этаж и выйти из дома, как странный летательный аппарат сел на землю.

Почти сразу же в нижней части тарелки открылся люк, и из него вышли четыре большеголовых человекоподобных существа, одетые в необычную зеленую одежду без пуговиц и застежек. На спинах у них были высокие рюкзаки. Зеленые человечки постояли несколько минут около открытого люка, потом отошли от него в сторону и, достав из рюкзаков длинные пики, вонзили их в землю. Потом они вытащили их, сложили и отправились обратно на свой корабль. Люк закрылся, тарелка так же бесшумно, как во время приземления, поднялась в воздух, снова повисела на одном месте, затем быстро пошла вверх и исчезла в темнеющем небе. Конечно, проще всего предположить, что у тети от жары «крыша поехала» и галлюцинация в глазах засветилась. Или, может быть, она заснула и увидела сон. Действительно, это могло быть именно так, если бы не одно очень странное обстоятельство.

Дело в том, что не более чем в двух милях от ранчо Вильсон на развилке дорог находилась автозаправочная станция. Ее хозяин, возившийся с забарахлившей бензиновой помпой, точно в то же время, что и Энни, поднял вверх голову и вдруг увидел, как над дорогой пролетел необычный круглый самолет, который в лучах заходящего солнца отсвечивал ярким металлическим блеском.

Не мог же, на самом деле, этот человек видеть тот же сон, что и хозяйка ранчо?

Насколько достоверны рассказы, подобные этому, стоит ли им придавать хоть какое-то значение? Неужели на самом деле в наше время возможна встреча с внеземной цивилизацией? И являются ли НЛО теми летающими тарелками – звездолетами, на которых прилетают к нам жители других миров?

О как хочется верить, что мы не одни в необъятной безграничной Вселенной, что где-то есть пусть не очень уж такие развитые, пусть не очень уж такие умные, но все же похожие на нас живые существа, наши братья по разуму.

С древнейших времен, когда астрономия еще была в зачаточном состоянии, люди верили во множественность

обитаемых миров, населяли подобными себе существами Луну, Марс, Венеру. Но по мере накопления знаний местоположение этих миров отодвигалось все дальше и дальше. Уже в середине XX века стало окончательно ясно, что никакой разумной жизни в ближайшем окружении нашей планеты не существует. Советский лунник облетел ночное светило, сфотографировал никем ранее не виденную его обратную сторону, космические зонды прощупали соседние планеты, мощнейшие телескопы просмотрели самые дальние звездные системы. Увы, никаких признаков хоть какого-нибудь вида жизни нигде не было обнаружено.

А самое главное, это чудовищная величина космических расстояний, от которых буквально захватывает дух. Ведь только до нашего родного Солнца 10 миллиардов километров, а до самой ближайшей звездной системы целых 10 с девятью нулями. Это даже трудно себе представить!

Преодолеть такое расстояние на простой ракете совершенно невозможно. А если даже каким-то образом оседлать световой луч, быстрее которого ничто в мире двигаться не может, то лететь на нем от Земли к какой-нибудь звезде придется столько же времени, сколько существует сама наша планета. Вот почему, по словам И. Шкловского, «ближайшая к нам технологически развитая цивилизация, если она и существует, то находится настолько далеко, что не в состоянии установить с нами какой-либо контакт».

Именно поэтому и летающие тарелки вряд ли могут рассматриваться как звездолеты, посланцы иных цивилизаций. Чем больше появляется знаний о Космосе и Вселенной, тем все больше теряется доверие к рассказам о встречах здесь, на Земле, с инопланетянами и их космическими кораблями. Вера в эти встречи особенно ослабела после одной курьезной истории, связанной с публикацией в газете «Комсомольская правда» текста неких секретных переговоров советского космонавта Гречко с Центральным пультом управления полетом, который кем-то был перехвачен и передан журналистам.

«После сегодняшнего выхода корабля из тени, – взволнованным голосом говорил космонавт, – мы неожиданно увидели в верхнем иллюминаторе 3–4 плоские круглые пластины размером 60–80 сантиметров. Вот, вот они, мы их и сейчас видим. Природу этих предметов определить пока не представляется возможным. Продолжаем наблюдения». Во время следующего сеанса связи Гречко говорил еще более испуганно: «Странные предметы продолжают неотступно следовать за кораблем на расстоянии 10–15 метров, не отставая и не подходя ближе. Что

это? Может быть, те самые летающие тарелки? Ждем указаний».

Последние слова дали пищу для самых смелых предположений. Таинственные спутники «Союза» представлялись либо посланцами других миров, своего рода почтовыми каретами, несшими письма наших братьев по разуму, либо остатками разбившегося космического корабля, не долетевшего до Земли. Статья в «Комсомолке» произвела фурор, ее перепечатывали другие газеты, переводили на иностранные языки, о ней говорили на радио и телевидении.

Но сенсация, как бабочка-однодневка, прожила совсем недолго. Сразу же после приземления «Союза» в казахстанской степи Гречко сказал корреспондентам, что его предположение о внеземном происхождении увиденных им летающих тарелок было ошибкой. Непонятные поначалу предметы, преследовавшие «Союз» на какой-то части орбиты, при более внимательном рассмотрении оказались просто кусочками обшивки корабля, которые, оторвавшись от него, летели рядом и необычным образом подсвечивались косыми лучами восходящего солнца. Это и создавало иллюзию чего-то необычного, таинственного, внеземного.

Кто знает, может быть, и другие загадки НЛО тоже при более тщательном их рассмотрении могут быть так же легко разгаданы? Тогда и обнаружится, что большинство сообщений о летающих тарелках и об инопланетянах, посещающих Землю, не более чем фантастика, естественная потребность людей в красивой занимательной сказке.

А пока таких строгих научных исследований НЛО не существует, могут строиться самые смелые догадки, создаваться самые необычные гипотезы. Например, почему бы не предположить, что летающие тарелки – это посланные на Землю голографические пространственные изображения звездолетов с космических трасс? И вообще, никому ведь не возбраняется вообще, не задумываясь об истине, просто верить в возможность контакта с внеземной цивилизацией, в скорую встречу с инопланетянами, в существование их космических кораблей.

Тем более что надежда на это все-таки есть. Успехи астрофизики в последние десятилетия привели к выводу, что наша Солнечная система вовсе не исключение, а правило в мире звезд. Только в нашей звездной системе, Галактике, их насчитывается более 150 миллиардов. Трудно поверить, что хотя бы в одной из них, со сходными с нашими природными условиями, не могла возникнуть жизнь, подобная земной.

Сотнями зорких «глаз» и чутких «ушей», не прерываясь ни на минуту, смотрят и слушают Космос оптические и радио-

телескопы многих астрономических обсерваторий разных стран нашей планеты. Сотни тысяч космических лучей из самых удаленных уголков Вселенной улавливают они. Пока все эти пришельцы из Космоса носят явно естественный, а не искусственный характер. Но, может быть, пройдет не так уж много времени, и один из них окажется все же творением разума, посланцем обитателей другой планеты, сигналом далекой внеземной цивилизации.

Как хочется, чтобы это было так!

ВЕНЕЦИЯ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Это название давно стало нарицательным. Польдерные города Нидерландов – Лейден, Амстердам и другие, российский Санкт-Петербург, Вышний Волочек, причерноморский Вилково – все они «Венеции». Даже знойный калифорнийский Лос-Анджелес имеет свой Венис. И нет в мире, пожалуй, другого такого города, который привлекал бы к своей судьбе столь пристальное внимание всего цивилизованного человечества.

Драгоценная жемчужина в ожерелье каналов, прекрасная сказка, застывшая в камне, – сколько восторженных эпитетов заслужил этот мировой центр туризма, фестивалей, карнавалов, выставок. Но вместе с тем сколько тревоги вызывают непрерывные атаки морской стихии, пытающейся его поглотить, разрушить. Не ждет ли этот легендарный город трагическая участь Атлантиды? Не спросят ли наши потомки в будущем: Венеция – миф или реальность?

В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ

Днем рождения Венеции считают 25 марта 451 года, когда гунны, ведомые Аттилой, вторглись на Апеннинский полуостров, разрушили город и крепость Аквилею, заставив оставшихся в живых искать убежища на островах лагуны.

Но и это не было началом. Задолго до гуннов на островах и побережье лагуны были поселения венетов – древнего славянского иллирийского племени, которое в 42 году до н. э. было подчинено Римской империи. Недавно аквалангисты обнаружили на дне венецианской лагуны у островка Торчелло остатки дамб, относящихся к I веку до н. э. и ограждавших здесь, по-видимому, древнеримское поселение и порт.

После варварских нашествий часть беглецов из Аквилеи, Падуи, Конкордии, Одерцо возвращалась в родные места, другие оседали на островах. Там вырастали дома и хижины на сваях, со стенами из камня, который новоселы привозили на плоскодонных судах вместе со своими пожитками, а также традициями.

Образовалось 12 поселков, в каждом из которых был избран трибун. Потом власть над лагуной перешла к Византии, которая в 697 году назначила первого дожа (правителя) – Паолуччо Анафеста. Центрами были поселения на разных островах: Градо – религиозный центр, Гераклея и затем Маламокко – политический (оба были позднее поглощены морем), Торчелло – торговый. В IX

веке политический центр был перенесен в Риальто (сокращение от Ривус Альтус, что означает – глубокий поток), и город в течение нескольких веков носил это имя.

Венеция – город каналов и карнавалов

В 829 году два купца в монашеских одеяниях, Буоно ди Маламокко и Рустико ди Торчелло, тайно перевезли мощи святого Марка из Александрии в Риальто. Святой Марк заменил греческого святого Теодора, бывшего до него покровителем города. Потом Риальто стал независимой Республикой Сан-Марко. Благодаря мощному морскому флоту республика распространила свое влияние почти на все побережье Адриатики. Дож Пьетро Орсеоло II (991—1009) принял титул дожа Риальто и Далмации. Его победы отмечены установившимся с того времени символическим обрядом обручения дожа с морем. Становясь главой государства, дож бросал кольцо в море со словами: «Мы венчаемся с тобой, о море, в знак вечного над тобой господства».

Высшей степени своего могущества и расцвета республика достигла в Средние века, во время и после крестовых походов. Дож Энрико Дандоло согласился перевезти франкские армии IV крестового похода в Святую землю во славу господа, плюс 85000 марок и половина добычи. Когда стало ясно, что у франков не было достаточно марок, им пришлось расплатиться с Риальто самим Константинополем, куда они до этого направили свои войска.

К XIII веку щупальца Риальто распространились дальше, чем любого другого города. Он стал, по словам хроники того времени, «господином и хозяином четверти и еще полчетверти Римской империи». В город стекались богатства со всего мира, строились

великолепные дворцы, соборы, здания. Были проложены новые каналы, засыпаны старые, построены мосты и набережные.

Наиболее значительные сооружения этого периода расцвета города – базилика Сан-Марко, Дворец дожей и др. Заложенные еще в IX веке, они оделись теперь в мрамор и покрылись золотом, украсились скульптурами и живописью. На фасаде базилики Сан-Марко появляется четверка бронзовых позолоченных коней, вывезенных в 204 году с ипподрома Константинополя.

Кстати, это было не первое и не последнее путешествие скульптуры. Созданная в Греции либо, по некоторым данным, в Древнем Риме эта квадрига находилась в Риме, на триумфальной арке Траяна. Константин Великий перенес ее на императорский ипподром в Константинополе, откуда дож Дандоло забрал ее в качестве военного трофея в Риальто. Наполеон отправил коней в Париж, так же как и крылатого льва с колонны Сан-Марко – символ Венецианской республики. В 1815 году они были возвращены в Венецию, но лев – уже без двух больших карбункулов, сиявших прежде в его глазах.

В XV–XVI веках политическое и экономическое влияние и значение Венеции, как теперь стал именоваться город, начинает снижаться. Турки взяли Константинополь и подошли к Адриатике, лишив Венецию заморских портов. Открытие путей к Индии и Новому Свету, новые рынки Испании, Португалии, Англии, Голландии лишили венецианцев торговых преимуществ.

Однако накопившая большие богатства Венеция осталась крупным культурным центром Европы и, пожалуй, всего мира. Ее стали именовать Серениссима – Светлейшая. Это было время расцвета изобразительных искусств. Была основана прославленная венецианская школа живописи. Беллини, Карпаччо, Тициан, Джорджоне, Тинторетто, Веронезе – творцы большого числа работ, и по сей день радующих глаз посетителей венецианских дворцов и храмов.

К этому же периоду относится и рождение знаменитых венецианских карнавалов, длившихся по нескольку месяцев без перерыва. На них, по свидетельству очевидцев, «стекалась вся Европа». Исследователь венецианской истории Джеймс Моррис замечает, что карнавалы венецианского декаданса привлекали к себе тем больше народа, чем более декадансскими они становились.

В то же время нравы города становились весьма развращенными. Так, венецианские проститутки оказывались не меньшей приманкой для приезжих, чем городская архитектура и живопись. В исследовании XVIII века отмечалось, что целью венецианской внутренней политики было «поощрять безделье и

роскошь аристократии, невежество и распущенность духовенства, поддерживать непрерывные распри в простом народе, потворствовать дебошам и разврату в монастырях».

Немало было и трагедий. Например, чума приходила в город 70 раз!

В 1797 году венецианский дож сдал знаки своей власти генералу Наполеону Бонапарту. Его победа была очень легкой и совершенно бескровной. Наполеоновские войска вошли в город без всякого сопротивления, поэтому он и остался почти нетронутым. Венецианское правительство просто-напросто проголосовало против своего собственного существования 512 голосами против 30 при 5 воздержавшихся.

С тех времен, перестав быть самостоятельным государством, Венеция стала разменной монетой в европейской политике, переходя из рук в руки: от Франции к Австрии, затем к Италии, потом вновь к Франции и Австрии. На короткое время (около года, во время революции 1848 года) Венеция вновь стала самостоятельной Республикой Сан-Марко. Но в 1866 году в результате плебисцита Венеция окончательно вошла в состав Италии.

Сегодня это один из самых посещаемых туристами городов мира. Более 10 тысяч сооружений и произведений искусства в Венеции представляют исключительную историческую и художественную ценность. В городе около 400 площадей, где красуются величественные дворцы и храмы. И самая главная из них – площадь Пьяцца Сан-Марко длиной 175 м и шириной 82 м, выложенная мраморными плитами.

И все это роскошество подвержено ныне страшной опасности погружения в морскую стихию.

ГОРОД И ЛАГУНА

Взаимоотношения Венеции с окружающей ее водой не ограничивались обручением дожа с морем. На протяжении всей истории города борьба с водной стихией была жизненно важной его заботой.

Когда венеты начали селиться на островах лагуны, она была почти пресноводной. В нее впадали реки Брента, Силе, Пьяве и другие, их берега были сильно заболочены. Место было нездоровое, но хорошо защищенное от нападения врагов, так как со всех сторон его окружала вода. Однако это преимущество островных поселений со временем стало не очень-то существенным – наносы рек замеляли лагуну, делая ее мелководной, доступной для перехода вброд. А позже заиление

даже начало угрожать появлением целых земляных «мостов», ведущих прямо к островам.

Начиная с XII века венецианцы последовательно проводили работы по строительству каналов, дамб и отводу рек в Адриатику в обход лагуны. К XVI веку территория города почти полностью была избавлена от болот – источников сырости, рассадников малярии. Лагуна все больше стала наполняться морской водой.

С морем тоже приходилось вести борьбу. Натиск морских волн время от времени разрушал песчаную косу, отделяющую лагуну от моря. Венецианцам приходилось укреплять ее берега. Первые защитные стены были построены в XIV веке и периодически укреплялись. В XVIII веке вместо старых стен начали возводить сохранившиеся до наших дней «мурацци» – укрепления длиной более 5 км, сооруженные из земляных насыпей и больших каменных блоков. Они строились 39 лет и были завершены за 15 лет до захвата города Наполеоном.

История борьбы венецианцев с водой может создать впечатление четких продуманных действий, единой стратегии. Нет, конечно, никаких планов, проектов и чертежей не было. Эта сторона жизни Венеции, так же как и вся ее история, изобиловала разными, большими и малыми, событиями, победами и поражениями. Венецианцы долгими столетиями осознавали значение своей лагуны, ее роль в окружающей природе, постоянно экспериментировали, изучали, наблюдали.

«Лагуна имеет трех врагов: море, землю и человека» – такой афоризм был рожден в Венеции еще пять столетий назад. Жизнь показывала, что лагуна не терпит вольного с ней обращения, вторжение в ее естество может приводить к совершенно неожиданным последствиям. Например, даже распространенное в старину перегораживание лагуны рыбачьими сетями приводило к ее заилению и заболачиванию. «Жердь рождает болото», – говорили венецианцы. Земля, сбрасываемая в лагуну при прокладке каналов в городе, также меняла направление течений и создавала в акватории лагуны «мешки» – застойные зоны, не очищавшиеся течениями.

В XVI веке (а может быть, и раньше) появилась идея засыпать лагуну землей и выращивать на ней хлеб. Но венецианцы были мореплавателями, интересы флота были для них дороже хлеба. Поэтому лагуну, наоборот, старались расчищать и углублять, давали морским приливам свободнее в ней властвовать. Именно эта тенденция и позволила Венеции сохраниться такой, какой мы ее сегодня знаем – городом среди лагуны.

Венеция и ее лагуна – неразделимы

Причем статус морского города строго поддерживался и венецианскими властями. Например, строгим эдиктом государственного Совета Десяти, законодателя республики, в 1501 году были установлены крутые меры, защищавшие лагуну. «Тот, кто посмеет, – говорилось в этом документе, – повредить плотины, проложить трубу, чтобы отвести воды, углубить или расширить каналы, будет лишен правой руки, левого глаза и всего имущества». В достаточно частом применении этих наказаний можно не сомневаться: трое из десяти членов Совета являлись инквизиторами, а так называемый «мост вздохов» вел из зала Совета прямо в пыточную камеру и тюрьму.

Другой старейший высший государственный орган Венецианской республики – Магистратура водных дел также вела активную борьбу с теми самыми тремя врагами лагуны. Она была наделена для этого реальной и весомой властью. Ее деятельность прекратилась только с приходом к власти в городе наполеоновской администрации и с тех пор в прежней природоохранной роли не возобновлялась.

К нашему времени венецианская лагуна окончательно сформировалась как обширная акватория длиной 56,5 км и шириной 9,6 км, отделенная от Адриатического моря песчаной косой с тремя проливами: Лидо, Маламокко и Кьоджа. Во время приливов морские воды входят через них в лагуну, повышая ее уровень, и при отливах вновь уходят в море. Эти ежедневные течения очищают венецианские каналы, позволяя городу обходиться без канализационной системы очистки.

Треть лагуны – постоянный водоем с системой естественных и искусственных каналов глубиной от 1 до 15 м. Ближе к берегу дно лагуны повышается, здесь приливы создали илистые и песчаные отмели – барены, занимающие более 40 % площади

лагуны. Илистые отмели затопляются водой при каждом приливе, песчаные – в новолуние и полнолуние, а также в случае нагонов высокой волны. Часть отмелей в наше время засыпаны, и они продолжают засыпаться для расширения промышленной зоны городского района Маргера.

Около 20 % территории лагуны окружено дамбами и превращено в рыболовные водоемы. Острова занимают около 5 % площади лагуны.

Все сооружения и здания Венеции построены на деревянных сваях, забитых в слабый грунт островов на глубину от 3 до 10 м. Сваи расположены густым частоколом, поверх них уложены платформы из соединенных между собой дубовых и лиственничных бревен, и уже на них – каменные фундаменты. Например, в основание церкви Санта Мария делла Салюте забито более миллиона дубовых, ольховых, лиственничных свай (эта работа заняла свыше 2 лет), каменный мост Риальто стоит на 12 тысячах свай. Целые леса в Далмации были сведены и превращены в фундаменты Венеции.

Четвертое ноября 1966 года оказался самым длинным и самым страшным днем в истории Венеции. В этот день стихия обрушилась на всю Северную Италию. Здесь встретились два циклона – из центрального Средиземноморья и, навстречу ему, с северо-востока. Море билось в девятибалльном шторме. Скорость ветра достигала 150 км/ч. В горах таял выпавший накануне обильный снег, вода рвалась к морю, но ветер гнал ее обратно на сушу. Уровень воды в лагуне стремительно поднялся на 2 м выше обычного среднего. Реки вышли из берегов. Вот что рассказал очевидец этой катастрофы корреспондент газеты «Паэзе сера» Джулио Обичи:

«Прилив вторгся в Венецию в 10 часов вечера. Вода поднималась с небывалой быстротой. Лагуна оказалась неспособной вытолкнуть ее…

Умолкли телефоны, погасло электричество, во многих домах отключился газ и почти по всему городу можно было передвигаться только в высоких сапогах. Гонимые холодным сирокко, под дождем, по затопленным площадям и набережным странствовали баржи. Венеция встречала вечер, погружаясь в темноту, ожидая часа, с которым должен был наступить второй и последний отлив этого дня, ждала, как ждут решающего испытания… Испытание провалилось. Наоборот, нарушая всякие правила и отвергая традиции, именно в тот момент, когда вода должна была спадать, она начала вновь подниматься. Вот тогда несокрушимость Венеции, казалось, пошатнулась. Все

почувствовали, что многовековое равновесие рухнуло, что город и лагуна потеряли свою защитную цепь, но кто знает, какое именно из ее звеньев. Никто не знал еще, что там, на побережье, море выполнило такую разрушительную работу, на которую была не способна даже война, что береговая защита прорвана».

Прорвана и снесена до основания. Разделительной демаркационной линии, отделявшей сушу от моря, уже более не существовало. Волны моря, подгоняемые жесточайшим ветром сирокко, перехлестнули через цепочку прибрежных островов даже в тех местах, где их ширина была довольно большой.

Полуостров садов, виноградников и пашен Каваллино, как таковой, уже больше не существовал. Его покрыл высокий слой соленой воды. Остров Пурано, лежащий в лагуне за спиной Каваллино, волны пересекали так, как если бы он находился в открытом море. Остров Сант-Эразмо, часовой лагуны у пролива Лидо, исчез под волнами высотой до 4 м. На набережных Лидо морская вода расшвыряла постройки, снесла песок с пляжей. В защитной песчаной дамбе «мурацци» бреши открылись с первого же удара. Вода прорвалась в десятках мест, общей протяженностью 80 м, на протяжении 600 м дамба была повреждена, снесена, сдвинута с места. Жителям тех мест казалось, что наступил конец света…

Если бы ветер не утих и прилив продолжал свою разрушительную работу еще несколько часов, море надолго бы утвердилось в Венеции. Фундаменты древних дворцов, старых домов, для которых опасен даже ласковый плеск волн, поднимаемых пловцами, вряд ли сохранили свою устойчивость. Начались бы обрушения стен, падение крыш и полное разрушение.

Дворцы, соборы, дома и мосты Венеции стоят на миллионах дубовых, лиственничных и ольховых свай

К счастью, ветер неожиданно стих, и вода начала спадать. Море рванулось из города в обратную сторону с яростью, не уступавшей той, с которой она ворвалось в него. Стремительный поток продолжал опустошать магазины, грабить обитателей первых этажей жилых домов, ломать мебель, уничтожать документы в учреждениях. Он затапливал ремесленные мастерские, выплескивал нефть из сотен хранилищ, промочил, испортил и разбросал несчетное количество книг в библиотеках.

За 24 часа своего абсолютного господства море продемонстрировало венецианцам свою грозную мощь и теперь могло убраться, оставив жителям совсем другой город.

Бедствие имело чудовищные размеры. Что уж говорить об ущербе в 40 миллиардов лир, когда под вопросом оказалась не только безопасность Венеции, но и сама возможность ее существования.

В тот страшный день город, 15 столетий живущий в море и прекрасно знающий, что такое «высокая вода», оказался застигнутым врасплох наводнением. Таков парадокс Венеции. День 4 ноября 1966 года оказался переломным в судьбе города. Он ясно показал, что его жители не имели серьезной защиты от морской стихии. Все предпринимавшиеся до этого доморощенные меры (возведение дамбочек, кирпичных загородок у порогов домов, подъем полок с книгами в библиотеках и с товарами в магазинах до уровня, считавшегося безопасным) оказались просто смешными.

Причем за так называемый «безопасный» максимально возможный подъем уровня моря принималась «высокая вода» 1951 года (1,5 м). Но даже 45 см сверх этой величины оказались достаточными, чтобы смести всю кустарную защиту горожан, сделать ее совершенно бесполезной. Стало очень страшно, подумать только – какие-то сантиметры могли решать судьбу Венеции!

Наводнение 1966 года вызвало большой резонанс в Италии и за ее пределами, большую активность проявила ЮНЕСКО. Предложения о помощи специалистами по реставрации незамедлительно поступили из многих стран: Англии, СССР, США, Югославии, Польши, Канады.

4 ноября 1966 года – самый длинный и страшный деньв истории Венеции

Проблема Венеции, обсуждавшаяся учеными и ранее, вышла из рамок узкого круга специалистов и стала достоянием широких общественных кругов в Италии и за ее пределами. Наводнение 4 ноября 1966 года, поставившее город на грань катастрофы, не только обострило эту проблему, но и придало ей новый смысл.

ТОЛЬКО ЛИ ТОНЕТ?

Одним из важнейших аспектов проблемы Венеции со второй половины XX века стало ее интенсивное индустриальное развитие. Оно явилось причиной серьезных изменений в природной среде, угрожавшей существованию города.

Еще в 1925 году было начато промышленное освоение Маргеры – континентального предместья Венеции. Алюминиевые и нефтеперерабатывающие заводы, химические предприятия, теплоэлектроцентрали, судоверфи вырастали в этом районе как грибы. Кроме того, здесь, в Маргере, появился второй в Италии по грузообороту (после Генуи) морской порт.

Очень скоро территории на материке стало нехватать, началось освоение лагуны. Две промышленные зоны на бывших баренах были уже освоены, третья засыпана и подготовлена к освоению. Проливы – сначала Лидо, затем Маламокко – углублены и расширены, по лагуне проложены искусственные глубоководные каналы.

Эти вмешательства грубо нарушили водный режим лагуны и города, чрезвычайно чувствительных к внешним воздействиям. Даже такая, казалось бы, мелочь, как волны от катеров и моторных лодок, приводили к разрушению зданий на берегах каналов, размывая их основания и фундаменты. Углубление проливов и прокладка глубоководных каналов привели к еще более серьезным последствиям – высокие приливы в лагуне стали происходить все чаще.

Загрязнение промышленностью атмосферы всего в нескольких километрах от Венеции в сочетании с влажным морским воздухом явилось причиной интенсивного разрушения материалов сооружений и произведений искусства. Коррозия поражала металл, она заставила, например, снять четверку бронзовых коней с фасада базилики Сан-Марко и заменить их копией. Мраморные колонны поражал своеобразный «рак камня» – мрамор миллиметр за миллиметром терял прочность и обращался в пыль при малейшем прикосновении.

Здания в Венеции, хотя и производят впечатление каменных, в действительности на 90 % кирпичные, оштукатуренные под камень. Кирпич – пористый материал, способный впитывать воду и перемещать ее по капиллярам. Строители Венеции хорошо знали это, поэтому на основание из дубовых свай они устанавливали кирпичный фундамент, а на уровне тротуара прокладывали один или два ряда камня, привезенного с Истрийского полуострова, расположенного напротив Венеции на другой стороне Адриатики. Плотное сложение этого камня препятствовало капиллярному подъему влаги. Однако во время наводнений этот барьер затопляется, соленая вода входит в

кирпичную кладку и поднимается по капиллярам на значительную высоту – чуть ли не до 4 м.

«Высокая вода» и оседание зданий могут навеки скрыть Венецию на дне моря

Соленая вода агрессивна сама по себе, но в лагуне она еще загрязнена производственными стоками промышленного района Маргеры, содержит железо, фенолы, цианиды, хлор, детергенты. Пропитанная солью и химикалиями, кирпичная кладка, высыхая, адсорбирует воду из влажной атмосферы, превращается в мякоть и разрушается, обнажая концы железных балок и деревянного настила полов. Путешествие по любому из малых венецианских каналов обнаруживает картину загнивания городских зданий: большие участки стен с обвалившейся штукатуркой, растрескавшимся кирпичом, забитые окна первых этажей, выщербленные каменные блоки. Это разрушение – наиболее очевидный признак угрозы существованию Венеции.

И все-таки самую главную угрозу, конечно, представляет «высокая вода». Ежедневно с астрономической точностью и регулярностью (поскольку обусловлен астрономическими причинами) между морем и лагуной происходит водообмен. В течение шести часов прилив вгоняет воду в лагуну через три пролива, и в течение следующих шести часов вода с отливом уходит из лагуны в море.

Виновницей этих регулярных приливов является Луна. Взаимодействуя с вращением Земли, она вызывает подъем воды, достигающий на поверхности океана чуть ли не 20 м (например, на западном побережье Франции и в заливе Фонди). Обусловленный лунным притяжением подъем уровня в венецианской лагуне при обычном приливе составляет в среднем 61 см, при этом в лагуну входит и затем выходит около 320

миллионов м3 воды.

Лагуна состоит как бы из трех самостоятельных бассейнов, границы между которыми не обозначены, но соблюдаются приливными течениями. Вода, входящая в лагуну через каждый из проливов, занимает свою зону влияния и возвращается тем же путем. Приливные течения очищают воды лагуны и каналы Венеции, но они же могут и подтачивать фундаменты зданий. И та и другая роль течений в каналах города – функция их скорости, зависящей исключительно от водного режима самой лагуны.

На действие ежедневных лунных приливов накладывается еще ряд факторов, поднимающих воду до уровня, который венецианцы называют «aqua alta» – «высокой водой». Это, во-первых, штормовые нагоны волны, случающиеся 20–30 дней в году, с октября по март.

Другие наиболее существенные причины «высокой воды»: понижение атмосферного давления, дожди, ветры и так называемые сейшевые колебания Адриатического моря.

Местные понижения атмосферного давления способны вызвать подъем уровня воды в лагуне на 10–20 см, а в исключительных случаях – до 30 см. С перепадом атмосферного давления связаны и сейши – стоячие волны в Адриатическом море. Они возникают, когда атмосферное давление над одним районом моря больше, чем над другим. Грубое подобие – колебания воды в длинном корыте, если раскачать его вдоль: у одного конца вода поднимается, у другого опускается. Сейшевые колебания могут поднять уровень лагуны до 65–90 см.

Атмосферные осадки, выпадающие зимой в районе Венеции, приводят к сезонным подъемам уровня воды на 10–20 см.

Но особенную опасность представляет собой мощный юго-восточный ветер сирокко, пригоняющий штормовую волну к лагуне. При скорости ветра 60 км/ч уровень воды в ней может подниматься более чем на 90 см, не считая высоты волн.

«Высокая вода» – результат совместного действия этих факторов, и чем больше совпадают они по фазе максимумов, тем выше подъем уровня воды в лагуне. Как часто они могут накладываться друг на друга? По теории вероятности, самая страшная «высокая вода» величиной 3 м, правда, слава богу, еще не случавшаяся, может прийти один раз в 10тысяч лет. А вот бедствие, равное ноябрьскому 1966 года, – один раз в 250 лет.

Эти события – катастрофические. Но для Венеции «высокой водой», даже исключительно высокой, является ее подъем даже на 1 м. Уже при таком уровне воды затопляется до 70 % территории города.

Тревогу вызывает не только сама по себе «высокая вода», но и особенно ее все возрастающая повторяемость. Только за последние 100 лет было зарегистрировано почти 100 случаев «высокой воды». При этом в предыдущие 70 лет они происходили в среднем один раз в 5 лет, в последующие 25 лет – почти ежегодно, а за последние 10 лет – чуть ли не по три раза в год. Есть основания считать, что одна из главных причин этой увеличивающейся частоты наводнений – искусственные изменения в лагуне и особенно в ее проливах. В прежнем своем состоянии проливы существенно гасили энергию приливных течений – вода переваливала через них, как через пороги. После углубления проливов их гасящая роль уменьшилась. Сокращение площади лагуны также привело к повышению уровня приливов. Таким образом, одинаковые внешние условия привели ко все большему подъему уровня воды в лагуне.

Другая серьезная проблема Венеции, приводящая к увеличению «высокой воды», – это оседание территории города и лагуны. Уже давно было замечено, что поверхность венецианских островов, дна и берегов лагуны опускается по отношению к уровню моря.

Еще в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона было написано: «Поверхность Венеции понизилась: под почвою, на которой стоит теперь город лагун, бурением артезианских колодцев обнаружено существование четырех слоев торфяников, лежащих друг на друге, из которых один, толщиной 130 м, дает понятие о громадном опускании, которое здесь произошло в течение многих столетий. Подземная церковь св. Марка сделалась подводной; мостовые, улицы, дороги, различные сооружения понемногу опускаются ниже поверхности лагун».

А вот один интересный пример. В старой летописи рассказывалось, как в 1177 году император Фридрих Барбаросса тяжело поднимался на ступени собора Сан-Марко, чтобы пасть к ногам папы Александра III, победителя в давнем их споре. Ныне нет уже тех ступеней, пол собора находится вровень с площадью и вместе с ней заливается «высокой водой».

Да и археологическими исследованиями установлено, что осадка венецианских зданий со времен Древнего Рима достигла более 3 м. Сегодня признаки постоянного погружения заметны повсеместно. У сотен колонн не видны их ушедшие под землю основания. В двери и портики многих дворцов можно пройти, лишь наклонив голову. Окна первых этажей некоторых старых жилых домов открываются прямо на мостовую. Конечно, во всех этих случаях играло роль и повышение высоты культурного слоя

– действительно, город веками убегал от воды, повышая уровень своих улочек, набережных, площадей.

С начала XX века в Венеции ведутся непрерывные наблюдения за осадками зданий и сооружений. Вот, например, результаты измерений оседания поверхности земли у городской ратуши на площади Лоредано. В 1908–1925 годах оно составляло 18 мм (примерно 1мм в год, а в 1953–1961 годах – уже 50 мм (5 мм в год). Колокольня собора св. Марка (кампанила) за это же время опустилась более чем на 180 мм.

Казалось бы, ну что это за скорость – 1 (даже 5) мм в год. Пустяки. Вон в Мехико, чемпионе по этому виду «спорта», скорость оседания земли достигала 50 см в год – в 100 раз больше! Но Венеция находится совсем в другом положении, чем континентальная столица Мексики, она стоит на низком морском берегу. У нее такой маленький надводный борт, что любое даже незначительное погружение ставит город на грань гибели. Если бы оседание продолжалось в прежнем темпе, то через 70—100 лет, а то и раньше, Венеция стала бы затопляться не только изредка «высокой водой», а даже обычными приливами.

Причины оседания поверхности земли в Венеции – предмет долгих исследований и дискуссий. Одни ученые главным в этом процессе видят естественное уплотнение грунтов под собственным весом, идущее постоянно на протяжении тысячелетий. Другие отдают первенство природным тектоническим колебаниям поверхности Земли.

Однако в резком увеличении оседания почвы почти все исследователи обвиняют не природу, а индустриализацию. Наиболее существенной и более доказательной причиной осадок обычно называют откачку подземных вод. При многолетней работе водоснабженческих скважин, пробуренных на берегах и островах лагуны, произошло понижение общего напора подземных вод почти на 20 м. Это привело к сжатию и уплотнению толщи грунтов и оседанию поверхности Земли.

Насколько это опасно для будущего Венеции? Все зависит от случая. Если сочетание неблагоприятных факторов (катастрофический прилив моря и быстрая осадка почвы) совпадет по времени, если они будут действовать одновременно, то Венеция может исчезнуть на следующей неделе. Поэтому, когда идет речь о спасении Венеции, то в первую очередь рассматривается защита лагуны от «высокой воды» и, во-вторых, от просадки земли, на которой она стоит.

ПУТИ СПАСЕНИЯ ВЕНЕЦИИ

Ответ на этот вопрос уже более полувека ищут тысячи специалистов – ученые, инженеры, экономисты, политики. Десятки различных комитетов, комиссий, ассоциаций, фондов по всему миру работают над программами и проектами помощи Венеции. Бесчисленные конференции, совещания, симпозиумы, встречи проведены в рамках разных организаций и ведомств, в том числе и ЮНЕСКО.

Что же они решили? Ничего.

Только планы, предложения, концепции. Для защиты от приливов были предложены десятки различных технических решений, предполагавших возведение гидротехнических сооружений различного типа. Вот они:

• круговая дамба вокруг Венеции, внутри лагуны;

• дамбы поперек лагуны, разделяющие бассейны Лидо и Маламокко;

• волноломы между лагуной и морем;

• плотины с затворами в проливах.

Кроме того, обязательным дополнением к гидротехническим сооружениям, ограничивающим приливные течения, считалась искусственная система очистки венецианских каналов.

Другого типа решение – не отгораживать Венецию от воды, а поднять ее над водой. Сущность этого метода заключается в бурении на территории города большого количества скважин и инъекции через них в грунт растворов, содержащих твердые материалы (цемент, глину, песок). Нагнетаемый в скважину под давлением раствор на определенной глубине разрывает грунт, растекается по образовавшейся искусственной трещине. В результате этого лежащая выше толща грунта поднимается вверх вместе со стоящими на его поверхности зданиями. Таким образом, в толще грунта можно было бы создать один или несколько искусственных слоев требуемой толщины, на эту же высоту могла бы быть поднята и поверхность почвы.

Надо сразу заметить, что это предложение о подъеме поверхности земли было встречено с недоверием. Например, на совещании экспертов в 1981 году отмечалось, что применительно к Венеции такой вариант ее спасения выглядит как настоящая фантастика. Общественность также высказывала сомнения в целесообразности проведения таких работ. Например, газета «Унита» писала тогда: «Чтобы город не замочил ноги, предлагается риск увидеть, как он разваливается, словно карточный домик».

Какие бы ни были выполнены мероприятия по борьбе с естественными причинами погружения Венеции в морскую пучину, их может оказаться мало. Дело в том, что на протяжении

веков равновесие в уникальном комплексе «остров – лагуна – материк» поддерживалось только в интересах материка. А в XX веке, как уже отмечалось, этот крен в пользу Венеции стал особенно большим и угрожающим. Почему? Во-первых, из-за прямого наступления человека на лагуну с ее засыпкой и нарушением водного режима. Во-вторых, из-за загрязнения природной среды, интенсивной откачки подземных вод и многих других последствий экономического развития района. Поэтому остро встал вопрос о принятии экстренных мер защиты Венеции не только от ее затопления морем, но и от самого человека.

Самым простым и дешевым мероприятием по предотвращению вторжения моря во время наводнений, конечно, могли бы служить обычные глухие земляные дамбы. При этом пролив Лидо шириной 900 м потребовалось бы сузить до 140 м, пролив Кьоджа шириной 460 м – до 70 м. Суженные проливы действовали бы подобно воронкам с узким горлом, сокращая поток воды в лагуну.

Но у этого варианта есть много недостатков. Один из самых главных—это то, что замедление входа морской воды не поможет при продолжительных высоких приливах, длящихся свыше 3 часов. Ведь более долгое время позволит в конце концов войти всей воде и сравнять уровни воды в лагуне и в море.

Кроме того, увеличенная скорость воды, текущей через суженные проливы, вызовет размыв дна и непредсказуемые водовороты, опасные для кораблей. Меньшее количество воды, входящей и выходящей при каждом нормальном приливном цикле, сократит действие морских течений. А ведь сегодня они выполняют роль естественного дворника, вычищающего лагуну. Если их не будет, начнется ее загрязнение, что может привести к тяжелым и непредсказуемым последствиям.

Гондолы – вынужденное изобретение венецианцев, в отличие от моторок они не вызывают волн, подтачивающих берег

Сокращение высоты приливов в северной части лагуны связано еще и с такими серьезными последствиями, как уменьшение солености воды (если пресная вода впадающей в лагуну реки Силе начнет здесь преобладать). Это может создать условия для возврата комаров и малярии, изгнанных из Венеции еще в позапрошлом веке. В связи с повышением испарения на мелководьях и влажных баренах может увеличиться местное образование туманов с неизбежными последствиями для воздушного, морского и внутрилагунного транспорта.

Все эти проблемы могут быть исключены при использовании мобильной системы ворот-затворов с временными, по мере необходимости, перекрытиями проливов. Эта система предотвратит наводнения и вместе с тем не будет нарушать существующее ныне природное равновесие в лагуне. И такое решение вопроса было принято основным.

Вот уж где удалось порезвиться творческому воображению инженеров-гидротехников. После того как в 1970 году был объявлен конкурс на лучший проект защитной мобильной плотины, со всего мира посыпались десятки и сотни самых разных, иногда даже неожиданных предложений.

Одним из первых был проект плотины-ящика с затворами в виде шарнирно закрепленных на дне кессонов. Будучи заполнены водой, они должны неподвижно лежать на дне. В случае поступления сигнала тревоги, обозначавшего приближение морского прилива, в кессоны насосами нагнетался воздух, вытеснявший из них воду. Затворы-кессоны всплывали и становились преградой на пути высокой волны.

Другое предложение предусматривало устройство плотины с затворами в виде поворотных металлических ворот-дисков. В обычных условиях они тоже лежали на дне, находясь в горизонтальном положении. В случае подхода прилива они должны подниматься и перекрывать вход в лагуну.

Не обошлось и без традиционных шлюзовых ворот, закрывающихся в случае необходимости как обычные двери или выезжающих на колесиках из боковых береговых и промежуточных «быков»-устоев.

Одним из фаворитов оказался широко разрекламированный проект гибкой надувной плотины. Он был предложен консорциумом итальянской резинотехнической компании «Пирелли» и венецианской строительной фирмы «Фурланис». Их проект отличала малая начальная стоимость и краткий период

строительства.

Согласно этому проекту, поперек каждого из трех проливов предусматривалась укладка гибких эластичных баллонов. При нормальной ситуации они должны лежать в сложенном плоском виде на дне проливов, не препятствуя приливным течениям и судоходству. В момент повышения уровня воды сверх нормального в баллоны накачивается насосами вода. При этом они раздуваются и сокращают вход в проливы, вплоть до их полного перекрытия. Со спадом уровня те же насосы должны выкачивать из баллонов воду, и они вновь складываются на дне. Для управления работой этой системы предусматривалась установка автоматики, в том числе компьютера, учитывающего и прогнозирующего гидравлическую, метеорологическую, судоходную и прочую обстановку.

Баллоны должны быть изготовлены из нейлоновой ткани, пропитанной синтетической смолой. Этот материал уже использовался для подобных конструкций, он удовлетворяет требованиям эластичности, водонепроницаемости и долговечности. Для удержания баллонов от сноса потоком воды были предусмотрены тросы или цепи, заякоренные за сваи по обеим сторонам плотин.

При максимальном заполнении баллоны могли образовывать защитный барьер, выступающий над водой на 2–2,5 м выше уровня «высокой воды». Это соответствовало высоте волн, образуемых в проливах двумя господствующими направлениями ветров: юго-восточным (сирокко) и северо-восточным (бора).

Другой проект, получивший еще большую известность, предусматривал устройство поднимающихся со дна ворот-поплавков, сделанных из полых стальных цилиндров. В нормальном положении затворы должны лежать на дне на резиновых подкладках в гнездах фундамента, к которому они прикреплялись с помощью шарниров. При наступлении недопустимо высокого прилива насосные станции откачивали бы из цилиндров воду, и в них по трубам поступал воздух. Затворы всплывали бы, поворачиваясь вокруг шарниров и занимая равновесное положение, близкое к вертикальному. И вставали на пути злых волн.

Рассчитывалось, что эти затворы смогут поддерживать уровень в лагуне на 1,5 м ниже, чем в море, а также защищать город от волн высотой до 3 м. При этом была бы возможность поддерживать разность уровней в обоих направлениях, то есть не только ниже, но и выше уровня моря. Для чего это нужно? Для создания усиленного обратного потока воды, выносящего грязь из лагуны.

Десятки лет прошли с тех пор, как всерьез были начаты исследовательские и проектные работы по защите Венеции. В течение этого периода времени практически ежегодные наводнения обрушивались на площади и улицы города. А ведь за те же десятилетия осуществлен проект «Дельта» в Нидерландах, закончено сооружение подобных защитных систем в Англии, возобновлены работы по завершению защитной дамбы Санкт-Петербурга.

Нелегко ответить на вопрос о причинах столь долгого решения проблем Венеции. Здесь сложное переплетение противоречивых экономических интересов и внутриполитических столкновений, бюрократической волокиты и благородного энтузиазма, широкой гласности обсуждения проблем и малой результативности этой гласности.

А может быть, венецианцы уже привыкли к своему полузатопленному состоянию, смирились с ним? Может быть, как падающая Пизанская башня, наводнения в Венеции – ее символ, изюминка, привлекающая туристов? Может быть…

Нет сомнения, Венеция обязана своим существованием благосклонности к ней природных сил. Высокие приливы 1975-го и 1979 годов и более поздние (2001, 2002, 2004 годов) не имели столь катастрофического характера, как в 1966 году. Резкого понижения поверхности земли тоже не произошло. Все это, конечно, в какой-то мере успокаивало. Кроме того, каждый раз появлялись другие беды, требовавшие внимания и привлечения немалых денежных средств.

Взять хотя бы острую проблему загрязнения лагуны. Причем не только промышленными и бытовыми стоками. Например, еще летом 1988 года лагуна вдруг оказалась покрытой целым ковром переплетенных водорослей, мягко говоря, весьма дурно пахнущих. Приливы-отливы довольно долго не могли очистить лагуну от этой гадости, пока северный ветер (бора) не вынес ее в Адриатику, где с ней пришлось сражаться у других берегов.

Нельзя сказать, что все эти годы в Венеции ничего не делалось. Довольно активно велись и ведутся реставрационные работы, в том числе с участием различных итальянских и иностранных общественных фондов.

Одобрен, наконец, рассчитанный на 8 лет очередной проект защиты города от затопления – «Моисей». Согласно ему в случае опасности город и лагуна смогут отгораживаться от моря 1,5-километровой системой мобильных стальных ворот высотой 28 м и толщиной 5 м.

Кроме того, намечен подъем территории вдоль Гранд-Канала на 20 см и близлежащих тротуаров и мостовых на 10 см.

Для малых островов предложено устройство по их периметру парапетов, поднятых выше уровня приливов. Они должны сочетаться с водоотводящей системой, которая будет сбрасывать дождевую воду при низком уровне в лагуну и не пропускать воду из лагуны во время приливов.

В ряду дополнительных мероприятий рассмотрены также работы в лагуне: обеспечение доступа приливных течений на территории рыболовных промыслов, расширение и углубление искусственных и естественных судоходных каналов.

Проведены и продолжаются научные исследования по широкому кругу проблем, и проводятся они на высоком научном уровне, с использованием самых современных средств, вплоть до космической техники. Это, конечно, должно рано или поздно дать результаты в практическом решении проблем защиты и сохранения Венеции и лагуны.

Говорят, красота спасет мир.

Но сначала мир должен спасти красоту.

Хочется верить, что он так и сделает и что будущее Венеции откликнется на слова поэта Б. Шинкуба:

Проплывала плавно гондола,
И звучало без конца
Эхо мраморного голоса
Овдовевшего дворца:
«Слишком поздно мир спохватится.
Все дворцы ждет смертный час.
Солнце вечности закатится.
И поглотит море нас!»
Стой, Венеция, не сетуй!
Свет искусства – вечный свет.
Чтобы утопить бессмертное,
В целом мире – моря нет.

Научно-фантастические рассказы

КОСМИЧЕСКИЙ МАЯК

Это случилось много лет назад. Я работал тогда в геофизическом отряде одной большой геологической экспедиции. В тот день меня послали на предварительное обследование одного небольшого нового объекта. Я довольно быстро справился с делами и пораньше отправился домой. Обратно я поехал другим, незнакомым, но, как мне казалось, более коротким путем.

Нагруженный приборами старенький «уазик», грохоча кузовом, медленно катил по разбитой, давно не асфальтированной дороге. Этого потрепанного временем и ухабами пенсионера неоднократно собирались отправить под пресс, но каждый раз его спасал безотказный, почти безремонтно работавший двигатель-долгожитель.

Вот почему я так удивился, что на сей раз мотор вдруг захрапел, захрипел, чихнул и умолк. «Может, перегрелся?» – подумал я, подергал ключ зажигания, покрутил стартер, потом открыл дверь и спрыгнул на дорогу. И тут же почувствовал что-то неладное. Огляделся. Вокруг широким противнем желтела пожухлая степь, еще не начавшая отдыхать от жестокого дневного пекла. Вниз к горизонту уплывало оранжеватое солнце, а ему навстречу поднимался бледный оттиск полумесяца. Ничего необычного глаз не отмечал, но всем своим существом я ощущал сильный наплыв какого-то странного излучения. Откуда оно шло? Я нагнулся, положил ладони на еще горячую суглинистую землю, и мои пальцы вздрогнули, как будто их ударило электрическим током.

Вообще-то я рано открыл в себе удивлявшую всех способность чувствовать всякого рода аномалии. Будучи еще подростком, я точно указывал, где за стенкой у соседей стоит отопительная батарея. Позже юношей я мерил бабушке давление обручальным кольцом на шерстяной нитке, и круговым движением ладоней снимал головную боль.

А в студенческие годы научился владеть так называемой «волшебной палочкой». На преддипломной практике с помощью остроганного ивового прутика я обнаружил под полом Останкинского дворца в Москве старые водосточные трубы. Этот древний дренаж многие годы не могли отыскать археологи и архитекторы-реставраторы.

Но здесь моих биофизических талантов явно было недостаточно – то, что ощущали мои пальцы, не походило ни на что, с чем я имел дело раньше. Здесь, безусловно, надо было

действовать инструментально. Я распаковал магнитометрическое оборудование, забил в землю щупы-электроды, разложил на траве провода и включил приборы. Счетчики щелкнули, их зашкалило – мощность аномалии была слишком высокой. Но удивительное дело: стоило только отнести хотя бы один прибор в сторону, стрелки сразу же возвращались к нулю. Это могло означать лишь одно – источник излучения был локальным, почти точечным.

В те годы я был фанатом геозифики, считал ее королевой поисковой геологии, увлекался разными дистанционными методами. Однако, конечно же, я сознавал: наша, геофизиков, роль хотя и первая, но не основная – мы только обнаруживаем, находим. А вот доставать, добывать мы не можем. И этот случай не был исключением. Никакие самые модерновые пеленгующие методы не могли заменить простого и безошибочного способа – «пощупать» землю руками. Так уж устроен человек…

Значит, нужен был шурф, нужно было бурение – что тут было еще делать без него? Но труднее для меня задачу и придумать было нельзя. Наша экспедиция имела в том году целый ряд срочных «сдаточных» объектов. А на выполнение того заурядного задания, на которое я в тот день ездил, мне даже помощника не дали. И если бы я пришел к начальству с еще одним делом, меня наверняка послали бы подальше.

Вот так я стоял, размышлял, но вдруг ход моих мыслей прервался. Мне почудилось: что-то случилось. Я подбежал к приборам. Так и есть – стрелки стояли на нуле. Что за черт? Я покрутил регуляторы настройки, переключил тумблеры гравиометрии, но ничего не изменилось. Аномалия исчезла.

Очень странно. Можно было усомниться в собственных ощущениях, но приборы… Я прислонился к капоту машины, достал пачку сигарет, закурил. Что делать? Наверно, пора сматывать удочки. Я докурил, загасил каблуком окурок, потом подошел к щупам, выдернул один и хотел было уже разобрать проводку, но, случайно бросив взгляд на магнитометр, чуть не вскрикнул от удивления – стрелка снова подпрыгнула. Источник таинственного излучения снова ожил.

Не менее часа просидел я у загадочной аномалии, ведя замеры необычного магнитного поля. Его изменение оказалось строго периодичным: каждые 7,38 минуты исчезало и каждые 1,42 минуты появлялось вновь. Насколько мне было известно, ничего подобного никто никогда в природе не наблюдал, никакие известные магнитные аномалии не вели себя таким вот загадочным образом.

Это уже могло заинтересовать мое экспедиционное начальство и заставить его выделить мне помощь. Что было еще

здесь делать? Я собрал приборы, погрузил их в машину и отправился домой.

На следующее утро в управлении экспедиции царила обычная деловая суета. В длинных коридорах стоял столбом табачный дым, и громким птичником разносился гул неразборчивых голосов. Поисковики и разведчики, командированные и полевики, буровые мастера, крановщики и шоферы громко обсуждали свои злободневные проблемы, спорили, выбивали у снабженцев транспорт, горючее, буровые инструменты, трубы.

Начальник встретился мне в приемной своего кабинета. Он, как всегда, куда-то спешил и мое сообщение о необычной находке выслушал здесь же на ходу и без всякого интереса.

– Точечная аномалия, говоришь? – произнес он, думая о чем-то своем. И, поглядев куда-то в сторону, добавил: – Никакого промышленного значения не имеет.

Однако, столкнувшись с моим погрустневшим, но настойчивым взглядом и поняв, видимо, что в данном случае так просто от меня ему не отделаться, улыбнулся краем губ:

– Ладно уж, бери КШК и больше ко мне не приставай. Только смотри, на один день. Лабораторию сделаешь на полигоне. Елене Геннадьевне скажи, я велел. Пока!

Копатель шахтных колодцев (КШК), конечно, не очень подходил для серьезных дел: сил у него маловато и глубины большой он не дает, но настоящего бурового станка все равно не допросишься. Поэтому, давно привыкнув удовлетворяться тем, что дают, я спорить не стал, махнул рукой и пошел оформлять заявку.

На следующий день с буровиками Николаем Сергеевичем и Рудиком мы приехали к тому таинственному месту. Подкатили КШК к точке бурения, развернули и вонзили шнек в землю. Сначала лопасти выбросили на поверхность сухую суглинистую почву, потом пошла плотная серая супесь, а за ним темный илистый песчаный грунт. Это был аллювиальный песок, принесенный сюда миллионы лет тому назад давно ушедшей отсюда далеко на восток прарекой Ухтой. Здесь, в этом песке где-то и лежало загадочное тело с пульсирующим излучением.

Первый шурф не дошел до расчетной глубины. Рабочие нарастили шнек и снова погрузили его в грунт. Однако второй шурф тоже не попал куда было нужно – шнек переуглубился и прошел мимо уровня аномалии.

– То недолет, то перелет, – огорчился я и стал перекладывать сеть своих геофизических проводов и щупов. – Сейчас новую подсечку сделаем.

– Это тебе не окуня ловить, – заворчал Николай Сергеевич. –

Мы так с твоими артиллерийскими пристрелками ничего тут не заработаем. Давай последнюю точку, и кончаем эту волынку.

Я опять переставил приборы, установил измерительный зонд и наметил ось новой разбурки.

Но и третий шурф оказался неудачным, хотя прошел где-то совсем рядом.

– Ладно, бери лопату, полезли вниз, – сказал я Рудику, – старый ручной способ вернее.

Мы спустились в шурф, установили крепеж, чтобы земля не обвалилась, и работа закипела. Лопата за лопатой, метр за метром прощупывали мы стенки шурфа. Николай Сергеевич подстраховывал нас с поверхности и оттаскивал ведра с землей.

– Кладоискатели! – недовольно ворчал он. – Зря время только теряем.

Проработали мы около часа и ничего не нашли. Потом собрались уже из шурфа вылезать, как вдруг Рудик закричал:

– Есть клад!

Я быстро повернулся к Рудику и ткнул свой ломик в стенку шурфа – туда, где торчала его лопата. Ломик звонко стукнулся о что-то твердое. Мы стали осторожно расчищать участок расположения таинственного тела черенком лопаты, чтобы не поцарапать, прощупывали его края и окапывали со всех сторон.

– Сергеич! – крикнул я. – Спусти-ка нам сюда пару досок.

Получив сверху доски, я воткнул их в песок и сказал Рудику:

– Давай, подкапывай снизу. Потихоньку только.

Прошло еще несколько минут, и загадочный предмет в стенке шурфа зашевелился. Потом он потерял равновесие, качнулся, выскользнул на доски и почти бесшумно рухнул на утоптанное дно шурфа.

– Эй, что там? – закричал сверху Николай Сергеевич.

Я не ответил, снял рукавицы и медленно одними пальцами стал очищать упавшее тело от влажного глинистого песка.

Это был обыкновенный камень, ничем особенным не отличавшийся от простого булыжника. Подняли его наверх, рассмотрели внимательнее. Твердая темно-коричневая многогранная поверхность неправильной формы, весом килограммов восемь – десять.

– Чухня какая-то, – ругнулся Рудик. – Целый день потеряли из-за такой ерундовины.

– Не скажи, – возразил я. – Разве не чудо – одиночный камень в сплошном песке. Сколько и кто бы тут ни бурил, всегда шла только глина или песок. А камень первый раз встретился. Откуда ему тут быть? Очень странно…

– Хватит, кончайте треп, поехали, – заторопился Николай

Сергеевич. – Надеюсь, никто не собирается пачкать нашу КШК этой булыгой?

– Не только собираюсь, но сейчас это и сделаю, – ответил я. – И вы довезете меня с ним до полигона, где мы его сдадим на исследование. Еще посмотрим, что это за простая булыга…

До полигона мы добрались поздно вечером. Сбросили камень во дворе лабораторного корпуса и поехали в поселок по домам.

В девять утра я был уже на полигоне. Заведующая лабораторией Елена Геннадьевна сама взялась провести все необходимые опыты.

– Просквозим ваш камень ультразвуком, изотопом, рентгеном, – сказала она, – и загадки никакой не будет, узнаем точно, что это у него там внутри.

Я затащил камень в операторскую, а сам вернулся в кабинет заведующей. Сел за стол у окна и, чтобы отвлечься и укоротить ожидание, стал заниматься обработкой полевых материалов, скопившихся за последнюю неделю. Но делать ничего не мог. Походил по комнате, выкурил сигарету, опять сел. Поймал себя на мысли, что волнуюсь точно так же, как тогда в больнице, возле рентгеновского кабинета, где решалась судьба отца…

Мучительно долго тянулось время.

Наконец дверь операторской открылась, и вышла Елена Геннадьевна.

– Ну что, нашли что-нибудь? – бросился я к ней.

Она посмотрела на меня долгим изучающим взглядом, потом присела на край стола и косо усмехнулась:

– Ну и что, шутничок, долго будем шуточки разыгрывать? Вроде бы серьезный человек, геофизик…

– Что такое? В чем дело? – не понял я.

– А в том, что в вашем камне ничего нет. Ровным счетом ниче-го!

– Как так ничего? – воскликнул я. – Откуда же тогда магнитно-гравитационное излучение, да еще такое сильное?

– Вот этого я не знаю, – Елена Геннадьевна пересела в кресло за свой рабочий стол и сказала с улыбкой: – А не пригрезилось ли вам что-то? Или, может быть, вы с друзьями вчера лишней бутылкой побаловались? Со своей же стороны повторяю: ни рентгенологическое, ни изотопное, ни ультразвуковое обследование ничего не обнаружило. Камень однороден во всем его объеме. Никаких включений там нет, тем более каких-то там приборов-излучателей.

Я насупился, поник головой, огорченно поджал губы. Долго молчал. Поднял голову.

– Вот невезуха! – сказал я, потом опять помолчал и с

надеждой спросил: – Но, может быть, плотность какая-то особая, а? Состав химический или физический необычен?

– Камень, конечно, для своих размеров несколько тяжеловат, – ответила задумчиво Елена Геннадьевна. Потом с насмешкой добавила: – Вы что же, предполагаете, что этот камень – метеорит? И у вас, наверное, есть какая-нибудь захватывающая дух гипотеза?

Я усмехнулся, на мгновение задумался, потом взял из угла комнаты стул, подсел к столу и неожиданно спросил:

– Вы когда-нибудь видели, как на побережье работает морской маяк?

– Ну конечно, горит-горит, затем гаснет на время, потом опять зажигается. Кажется, это чтобы мореплаватели не спутали его с уличным фонарем на набережной. – Она улыбнулась и внимательно пригляделась ко мне. – А-а-а, теперь я понимаю причину вашего волнения. Вы большой научный фантаст, точнее, фантазер. Ну конечно же вы предполагаете, что это космический маяк, не так ли?

– Вот именно! – Я достал из бокового кармана куртки сложенную гармошкой длинную узкую перфоленту, развернул ее и вытянул на столе. – Это сейсмограмма, которую я снял в поле. Смотрите, с какой строгой периодичностью повторяются пики и паузы излучения. Прямо какой-то «пульсар». Но и этого мало: в каждом периоде интенсивность поля изменяется по какому-то необычному закону. Видите, вверх-вниз, сначала плавно растет, потом падает. То ли синусоида, то ли что-то другое. А вот рядом прослеживается еще один сигнал, уже другой частоты и силы. И тоже пульсирующий. Природа такого еще не знала.

– Что же это значит? – спросила посерьезневшая Елена Геннадьевна, внимательно разглядывая зубчатые графики.

– А то, что перед нами не просто маяк или дорожный знак, вероятно, указывающий звездолетам направление движения. Это еще и информационный пункт, сообщающий путникам необходимые сведения! Может быть, именно так космонавты на ходу «заправляются» знаниями об окружающих звездах, планетах и так далее.

– В общем, информационно-заправочная станция обслуживания в космосе, – снова усмехнулась Елена Геннадьевна, – и это в простом кремнистом камне. Ничего более солидного ОНИ придумать не могли. Такая наивность!

– Не верите, – огорчился я. – Но почему внеземные цивилизации должны обязательно быть похожими на нас и строить всякие сложные и громоздкие молибденово-титановые межпланетные сооружения? Почему не наоборот: чем выше

уровень развития цивилизации, тем она проще?

– Ах, оставьте, – отмахнулась Елена Геннадьевна. – Неужели вы всерьез думаете, что все эти ваши сигналы что-то означают?

– Как хотелось бы это узнать, – вздохнул я. – Но, увы, наверно, это невозможно. Кто мы такие? Мы – неандертальцы, которым попала в руки напечатанная в типографии книга. Вот мы смотрим на нее и догадываемся: систематическое расположение знаков что-то означает. Но что? Прочесть ничего мы не можем, не пришло еще нам время быть грамотными.

Елена Геннадьевна встала из-за стола и, глубоко погрузив руки в карманы халата, стала медленно расхаживать по комнате. После долгого молчания она остановилась передо мною и сказала решительно:

– Когда мало знаешь, то много предполагаешь. Нам даже минералогический состав камня неизвестен. Надо хотя бы геохимическое и физическое обследование провести, а потом уж фантазировать. Давайте-ка начнем со статистической нагрузки. Помогите поставить объект на установку.

Прошли в операторскую. Я поднял камень, подтащил его к стоявшей в середине зала станине, уложил под пресс и закрепил струбцинами.

– Давление давайте постепенно, – попросил я Елену Геннадьевну.

– На всякий случай поставим опыт на программное управление, – ответила она, – пусть нагрузка растет автоматически. А сами от греха подальше уйдем.

Мы вышли из лаборатории и направились к лесу. Прошли по хорошо утоптанной дорожке к сложенной из двух бревен скамейке, сели. Елена Геннадьевна с хитрецой взглянула на меня и сказала:

– Я бы в ваших фантазиях пошла дальше. Почему не предположить, что этот камень – послание из Вселенной, инопланетный привет в метеоритной упаковке, письмо в каменном конверте. Разве не эффектно?

– Вы зря смеетесь, – ответил я. – Ведь действительно вполне может быть, что потенциально возможные инопланетяне никогда и не собирались посещать Землю сами. Они могли неким узконаправленным лучом, вроде лазера, «зарядить» камень-метеорит прямо со своей планеты. Или… Еще смелее: этот простой булыжник и есть форма существования самой инопланетной материи. Почему не предположить, что какая-либо высокоразвитая цивилизация (или даже то, что осталось от нее после ее гибели) существует лишь в виде такого вот мощного магнитно-гравитационного поля, посылающего информационные

сигналы во Вселенную? Возможно? Конечно! Мы еще ничего не знаем.

Я замолчал.

В этот момент воздух разорвал оглушительный взрыв. Деревья на опушке леса склонились почти до земли, сверху градом посыпались сухие ветки, листья. Мы с Еленой Геннадьевной бросились к полигону. Сюда же, к зданию лаборатории, где вылетели все стекла в окнах, со всех сторон бежали люди.

– Никого не пускайте, – громко крикнул я, вырвавшись вперед. Всех обогнав, я вошел в здание и закрыл дверь на засов. Взглянул на контрольные приборы у входа в операторскую – слава богу, никакого опасного излучения в помещении не было. Я с волнением распахнул дверь и замер – под прессом установки статических испытаний, куда я десять минут назад своими собственными руками положил камень, было совершенно пусто. Не веря своим глазам, я подошел к станине, потрогал ее руками. Камень исчез.

Опустошенный и разбитый, как после тяжелой болезни, я вышел на улицу. Небольшая толпа работников полигона потянулась ко мне, ожидая объяснения. Я повернулся к Елене Геннадьевне, развел недоуменно руками и пошел в сторону леса.

Что я мог им сказать? Что мы – неандертальцы?

МЫ ПРИДЕМ СЮДА СНОВА

Спасаясь от погони, человек бежал по мелкой морской лагуне. Это была плоская широкая прибрежная низменность, вытянутая вдоль моря и отделенная от него невысокими песчаными дюнами. Через редкие узкие проливы-гирла морская вода во время штормов прорывалась в лагуну, быстро испарялась, оставляя вместо себя плотный густой соляной раствор.

Человек бежал, тяжело передвигая ноги в воде, доходившей ему до колен. Его ступни проваливались в толстый слой вязкого донного ила. Но не только это замедляло его бег, еще большее затруднение представляло то, что человек был хромой. Он сильно припадал на правую ногу и, если бы не большая толстая палка, служившая ему опорой, он давно бы свалился в грязную горько-соленую воду.

Его преследовал гигантский двурогий носорог. На спадающей складками коже зверя грязными лохмотьями висела грубая серая шерсть. Безобразная угловатая морда с короткой толстой шеей завершалась двумя огромными кривыми рогами.

Несмотря на грузное телосложение, внешнюю неуклюжесть и неповоротливость, носорог развивал бешеную скорость. Несколько раз он почти настигал человека, но тот успевал с удивительной ловкостью отпрыгнуть в сторону и увернуться от удара острых рогов. При этом громадная многотонная туша носорога по инерции проносилась мимо. Потеряв цель, он замедлял бег, останавливался в недоумении и, поняв, что потерял добычу, раздраженно бил по дну закованными в копыта трехпалыми ногами.

У носорога были далеко расставленные друг от друга маленькие злобные глаза, которые плохо видели. Однако благодаря отличному слуху и обонянию он быстро находил свою жертву, разворачивался в нужном направлении и стремительно бросался вперед.

Все было ничего до тех пор, пока преследователь и преследуемый бежали по илистому мягкому дну. Носорог увязал в нем, и быстро разворачиваться ему было трудно. Но потом вязкий ил сменился скользкой глиной, и зверь стал намного быстрее делать свои повороты, а движения человека, наоборот, перестали быть такими ловкими, как прежде. Его ноги скользили по глине, разъезжались в разные стороны, палка плохо втыкалась в грунт и уже почти не помогала. Увертываться от свирепого зверя становилось все труднее и труднее.

И вот наступила развязка. В какое-то мгновение человек

поскользнулся, потерял равновесие, не удержался и, взмахнув руками, свалился в зловонную сероводородную жижу. Он хотел подняться, но, по-видимому, подвернул больную ногу и стал совсем беспомощным. Барахтаясь в воде, он тщетно пытался встать. Наконец человек совсем отказался от этих попыток, встал на четвереньки и пополз в сторону от стремительно приближавшегося к нему носорога. Однако скорости их, конечно, были несоизмеримы. Зверь настиг его и со всего размаха вонзил свои рога.

Но тут произошло нечто совершенно непонятное – рога носорога воткнулись не в человека, а в глину, в дно. И вовсе не потому, что он промахнулся, а потому, что человека на этом месте вдруг не оказалось. Нет, он не отпрыгнул в сторону, не отполз и не отбежал. Он просто-напросто исчез. Как?

В этом-то и была неразрешимая загадка финала тех драматических событий, которые произошли полтора миллиона лет назад на топкой морской лагуне.

Погоня ископаемого носорога-эласмотерия за первобытным человеком длилась всего около двух коротких часов. Зайдинский же шел по их следам уже более пяти долгих лет.

Все началось с того жаркого июльского дня, когда старший научный сотрудник Геологического института Зайдинский приехал на электричке в Вилбирск обследовать один крупный изыскательский котлован. Объект находился далеко от города, и Зайдинскому пришлось подъезжать к нему на попутной машине по пыльной проселочной дороге.

Котлована пока еще не было. Взрывники добуривали последние шпуры, закладывали в них камуфлетные заряды, протягивали провода. Зайдинский прошел в прорабскую-укрытие и стал ждать.

Раздался оглушительный взрыв. Земля дрогнула, прорезалась сетью трещин, раскололась на части, и рваные глыбы скалы взлетели высоко в воздух. Белая известковая пыль покрыла все вокруг и заскрипела на зубах. Выброшенная горная порода неровными пирамидами легла на бровку котлована.

Зайдинский пошел за бульдозером, перемещавшим горы камней, лез по откосу, спускался на дно котлована, отбирал образцы для анализа, обмерял мергелевые и гипсовые прослои. Это были ископаемые лагунные отложения плеоценового возраста – бывшие илы, пески и глины, за сотни тысяч лет превратившиеся в твердую скалу.

Бульдозер громко урчал на косогоре. Его гусеницы месили толстый слой пыли, оставляя в ней запутанные пунктиры

широких линий. Неожиданно бульдозерист остановил машину и спрыгнул на землю.

– Сюда! Быстрее! – закричал он.

Зайдинский был к бульдозеру ближе всех и поэтому подбежал первым. На плоских слоистых мергелевых глыбах виднелись какие-то странные, расположенные парными рядами углубления.

– Понимаешь, их тут полным-полно, – возбужденно говорил бульдозерист, – я-то сначала думал, что это от гусеничных траков моего бульдозера, а потом вгляделся – совсем другие они, эти следы…

Зайдинский поднял валявшиеся неподалеку обломки камней, приложил их друг к другу, потом несколько раз поменял местами, добавил еще пару небольших обломков и вдруг замер от удивления. Перед ним были окаменевшие отпечатки человеческих ступней.

Бросив все другие дела, Зайдинский полез на другую сторону котлована, внимательно осматривая каждый кусок скалы. Там он обнаружил и другие отпечатки – глубокие круглые, собранные по три вместе. Это были следы крупного непарнокопытного животного. Строго симметричными парами они почти всюду сопровождали следы человека.

С этого момента и начались долгие кропотливые исследования. Кроме первого котлована были сделаны десятки других шурфов и раскопов. Геологи перерыли всю бывшую лагуну, перевернули горы грунта, изучили почти каждый квадратный метр древней земли. Вся грунтоведческая лаборатория была завалена глыбами мергеля, известняка, доломита. Тысячи крупных и мелких камней, на которых сохранились загадочные следы. Зайдинский собирал их по частям, по крупицам и складывал вместе, как детские кубики, как мозаику. Потом он на компьютерной модели изучал схемы перемещения следов на местности, строил пространственные муляжи.

Постепенно шаг за шагом была полностью восстановлена до мельчайших подробностей картина погони носорога за человеком и найдено то самое место, где преследование закончилось трагическим и таинственным финалом. И вот пришло это важное и, казалось бы, решающее открытие – кости носорога.

Поздно вечером, когда Зайдинский уже ложился спать, ему позвонил домой Кир Зотов, его старый добрый знакомый, в Палеонтологическом институте возглавлявший группу поиска.

– Привет следопытам! – сказал он. – Еще не спишь? И не будешь. Реконструировали мы твоего чуду-юду. Собрали по косточкам. Экземпляр, надо признаться, впечатляющий – рост,

фигура, вес, все. Выставим в Палеонтологическом музее – пусть поражает воображение посетителей.

Зотов помолчал немного, потом продолжил:

– Но выявились странные вещи, объяснить их пока не могу. Понимаешь ли, твой зверюга отдал концы как раз в тот момент, когда воткнул рога в землю. Он не успел и шага сделать в сторону, как упал замертво в воду. Это мы установили точно.

– Что же с ним могло случиться? – удивился Зайдинский. – Разрыв сердца, инфаркт миокарда?

– Не знаю, не знаю, – ответил Кир, – возможно, он был убит…

– Чушь какую-то ты порешь! Не мог же его прикончить своей деревянной палкой этот загнанный усталый человек?

– Кстати, относительно этого… – Зотов понизил голос. – Если говорить точнее, твой Хромой не был человеком.

– Ладно, хватит меня разыгрывать, – возмутился Зайдинский, – у меня у самого столько загадок – голова пухнет от них, а ты еще добавляешь. Давай-ка упрощать, а не усложнять.

– Да ты не кипятись, послушай спокойно. – Кир сделал небольшую паузу и продолжал: – Наш антрополог подробно изучил вопрос, сопоставил формы ступни сотен ископаемых архантропов. Не буду тебя посвящать во все эти хиромантические хитрости. Скажу проще: большой палец нашего Хромого оттопыривается куда больше, чем у всех известных до сих пор питекантропов и синантропов. Хромой был, по-видимому, чем-то средним между приматом и человеком или еще чем-то неизвестным.

– Но, позволь, – возразил Зайдинский, – в этом районе в те времена никаких сплошных лесов не было, а обезьяны тогда все-таки еще лазали по деревьям.

– Ладно, не будем упражняться в антропологии, – сказал Зотов. – Мы с тобой далеко не Дарвины. Но, без шуток, не попахивает ли тут самой настоящей Нобелевкой? Ведь кто знает, может, этот Хромой и есть то самое заветное трижды таинственное промежуточное звено между древней человекообразной обезьяной и современным гомо сапиенсом. Ведь сколько лет уже найти его вожделеет целая армия антропологов.

Вот так все усложнилось и запуталось. Реконструкция носорога не только не помогла раскрыть тайну, а, наоборот, задала новые, еще более трудные загадки. Особенно огорчало исчезновение останков Хромого. Куда же он делся? Не мог же он со своей простой деревянной палкой совершить некий фантастический полукилометровый прыжок? Не мог он ни раствориться, ни испариться, ни взлететь в воздух… Хотя кто его

знает.

И вот снова (в какой уж раз!) поехал Зайдинский в Вилбирск, вышел на окраину и направился к местам своих полевых исследований, с которыми было столько связано и которые теперь, отслужив свое, были забыты и заброшены. Он ходил между раскопами, отгороженными невысокими заборчиками, между ящиками с мергелевыми и доломитовыми образцами горных пород. И снова, как и раньше, возник перед ним тот древний плеоценовый пейзаж.

Над гладкой поверхностью лагуны висел тяжелый утренний туман, поднимавшийся высоко к подернутому облаками белесоватому небу. Всюду была вода, мертвая сульфатная вода, не оставлявшая места ни для чего подвижного и живого.

И только вдали на востоке высилась длинная гряда известняковых гор, заросших невысоким кустарником и травой. Они тянулись параллельно берегу моря и зеленой полосой обрамляли мрачную матовую черноту замершей лагуны.

Но вот за горами загорелась ранняя утренняя заря. Сквозь решето кустарника робко пробился красный луч света. Потом низкое солнце вырвалось из-за горизонта, ударило в глаза и разлетелось маленькими осколками по волнистой поверхности воды. Первобытный человек (или кто он там был) бежал навстречу рассвету. Пытаясь скрыться от погони, он бежал к спасительной земной тверди, к свежести кустов и трав, бежал туда, к Вилтерским горам.

Но не добежал. Как и его преследователь, шерстистый носорог.

С тех пор прошли десятки, сотни тысяч лет. Здесь все изменилось: море безвозвратно отступило далеко на запад, морская лагуна исчезла, на ней выросли мощные слои песка и суглинка, нанесенные ветрами и потоками талых и дождевых вод.

Только Вилтерское нагорье, сглаженное временем и превратившееся в невысокие плоские холмы, осталось от того древнейшего периода истории Земли. Только они еще как-то обозначали границу лежавшей когда-то рядом морской лагуны. Ну конечно, только где-то в них и должна была быть разгадка тайны.

И так же, как тогда, в тот страшный час, неяркое утреннее солнце поднималось над холмами и длинные бледные тени деревьев вытягивались к западу.

Зайдинский присел на край большого угловатого камня, лежавшего под густым развесистым дубом. Солнечные зайчики прыгали по земле, и, подражая им, шустро бежали друг за другом

вперегонки бойкие неотвязные мысли. Но вот одна из них, неожиданная, ясная и простая, вдруг остановилась, вытеснила и заслонила все остальные. Кажется, и раньше она приходила ему в голову, но именно сейчас обозначилась наиболее четко и ярко: кроме первобытного человека и шерстистого носорога, был тогда на морской лагуне и кто-то третий.

Кто это был – рыжий саблезубый тигр, черноволосый мохнатый мамонт, коротконогий горбатый зубр? А может быть, это был соплеменник Хромого, сильной рукой натянувший тугую тетиву ивового лука?

Зайдинский встал и направился к берегу протекавшей неподалеку речки, которая уходила вдаль к холмам. Здесь, в низовьях, она была мелкой и тихой. На берег из воды выползали длинноногие голенастые камыши. Собравшись вместе, они косой стаей убегали к самому краю долины.

Зайдинский пошел вверх по течению. Постепенно река делалась все быстрее, долина сужалась, берега приближались друг к другу, становились круче и обрывистее. Здесь речной поток стал глубоко врезаться в современные покровные отложения и обнажил древние ископаемые слои.

Зайдинский замедлил шаг, потом совсем остановился.

Вот оно, это обнажение! Еще в начале работ, при геологической съемке района, он обратил внимание на крутой каменистый обрыв с необычным слоистым сложением. Еще тогда его заинтересовали странные черные включения в верхней части откоса. Что-то важное и таинственное почудилось ему в них. Но в те дни, когда работы на этом объекте было ужасно много и поджимали сроки сдачи отчета, задумываться над своими ощущениями было некогда.

Зайдинский приблизился к обрыву и стал внимательно разглядывать неровные скалистые слои. Его взгляд пробежал по желтовато-коричневым бугристым прослоям глинистого сланца, темно-серым изломам доломита и вдруг споткнулся об острые прямоугольные выступы того самого необычного черного камня.

Он подошел еще ближе, и ему показалось, что на обрыве вырисовывались какие-то крупные, переплетающиеся друг с другом таинственные знаки. Это была не латынь, не кириллица, не один из известных ему шрифтов. Беззвучно шевеля губами, он то ли прочел, то ли почувствовал (или ему это только показалось?) буквы, которые складывались в загадочное словосочетание:

Мы придем сюда снова.

СТАРОЕ ФОТО

Зарумов лежал на спине, смотрел на небо и готовился к смерти. Она должна была прийти не когда-то там в необозримом будущем, а совсем скоро и в совершенно определенное время: через 2 часа, 32 минуты и 16 секунд. Смерть была запрограммирована с машинной точностью. Именно в этот момент прекратится жизнеобеспечение его автономной капсулы-скафандра, прервется подача воздуха и тепла, нарушится герметизация, и он окажется один на один с чужим мертвым миром вечного безмолвия.

Страха не было. Было лишь сожаление, что в этот последний час он будет совершенно один, без близких и родных. Он не услышит нежного голоса Эвы, не увидит ее милых глаз, умеющих вдруг взрываться радостью и весельем. Никогда больше он не ощутит прикосновения ее мягких ласковых пальцев, и сам не коснется ее гладкой теплой кожи.

И никогда не пройдутся они, взявшись за руки, по солнечной тропинке в зеленом южном парке, и маленькая светловолосая Бела не повиснет на его плечах. Никогда он не почувствует ее влажного душистого дыхания, не услышит ее звонкий задорный смех.

Он вообще больше никогда не услышит никакого человеческого голоса, даже самого далекого, радиоволнового, не увидит ничьих человеческих глаз, хотя бы в видеозоре. Он будет до самого своего конца один.

А ведь когда-то раньше, в не такой уж далекой молодости, Зарумов, глупец, часто подумывал о том, что так иногда не хватает ему уединения. Вечно на людях: на работе – сотрудники, подчиненные и начальники, на улицах и площадях – толпы народа, толчея в магазинах, в театрах, на выставках, дома – родные, приятели, знакомые, соседи. Ни на минуту не удавалось остаться одному, уйти в себя, сосредоточиться.

Чудак, теперь он может без всяких помех уходить в себя и углубляться сколько угодно. Теперь он до конца останется в одиночестве и ему никто не будет мешать. Во всей Вселенной, среди мертвых, горячих и холодных звезд, планет, метеоритов, комет – он всегда будет один, наедине с Вечностью.

Только несколько часов назад их было трое. Они летели по межгалактической трассе в автоматическом режиме, занимались своей обычной научной работой, отбирали пробы космической пыли и газов, изучали излучение звезд и зондировали планеты.

Запущенный по точно рассчитанной баллистической орбите, их корабль описывал в далеком Космосе гигантский эллипс и должен был в строго заданное время вернуться на Землю. Детальные подробные расчеты, казалось бы, учли все самые невероятные неожиданности, любые мыслимые и немыслимые отклонения от трассы, появление на пути корабля новых, еще неизвестных космических тел.

И все-таки где-то компьютеры ошиблись. Может быть, произошел сбой в системе слежения ведущего космического маяка или в машинном управлении корректирующих двигателей. Неясно как, но это случилось.

Шел трехсотпятый день их полета. Они за ночь хорошо выспались, позавтракали и теперь сидели в уютном рабочем отсеке, занимаясь каждый своей работой. Приборы и аппараты тихо стрекотали, делая замеры и определения, навигационные приборы были в норме и чутко прислушивались к тому, что делается там, за бортом корабля. Абсолютно ничто не предвещало никаких неприятностей и осложнений, все было спокойно и мирно.

Механик Литов первый почувствовал опасность. Он оторвался от своих схем и чертежей и долгим взглядом посмотрел на приборы метеорологического прогноза.

– Неладно что-то за бортом, – сказал он задумчиво и настороженно взглянул в иллюминатор, за которым, правда, не обнаружил ничего подозрительного. – Не нравится мне, братцы, метеосводка. Слишком много по нашему курсу непредвиденных ранее метеоритных пылевых туч, облаков и прочей туманной мерзости.

– «Неладно что-то в Датском королевстве», – шутливо продекламировал Миша Кулиш, физик. – Кстати, исстари известно, что синоптики, будь они трижды умнейшими и совершеннейшими роботами, всегда врут. Такая уж у них работенка.

Зарумов тоже не придал тогда значения беспокойству Литова.

– Помните старый бородатый анекдот про оптимиста и пессимиста? – сказал он, улыбаясь. – Их попросили предсказать, какая завтра будет погода. «Хорошая», – ответил оптимист. «Плохая», – возразил ему пессимист. И вот приходит этот завтрашний день – пасмурно, сыро, дождь. Про оптимиста говорят: «Ну и что же, со всяким бывает, ошибся, ничего». А про пессимиста: «У-у, гад, накаркал». Так что, механик, брось свои страхи и охи, давай-ка лучше займемся наладкой моего лучевого зонда, а то ведь скоро он понадобится, вот уже приближаемся к Трайкосу.

Так называлась еще никем никогда не изучавшаяся небольшая, почти карликовая звезда, вокруг которой вращалось множество планет и болидов. Зарумов, отвечавший за геологическую часть исследований, должен был, согласно генеральной программе, изучить плотность, состав и другие физико-механические свойства планетного вещества.

– Черт с вами, оптимисты, пусть будет по-вашему, – проворчал Литов, поднимаясь со своего рабочего кресла. – Может быть, и правда, пока еще нет повода корячиться в туннельном отсеке. Но вот помогу Зарумову и обязательно туда полезу проверить синоптические приборы.

Но он ничего не проверил, не успел.

Пока они возились с лучевым зондом, за бортом действительно что-то произошло. Сначала корабль резко качнулся, потом его затрясло от сильных и частых ударов, заскрипела и завибрировала обшивка. Звездолет попал под обильный космический дождь и град. Шквал мелких, средних и крупных метеоритов налетел со всех сторон.

Вышли из строя навигационные датчики, укрепленные на наружной поверхности звездолета, в блоке наблюдения отказало следящее устройство. А потом произошло самое страшное – ослепший корабль потерял курс. Защитное гравитационное поле отбрасывало его, как мячик, от одного болида к другому и швыряло в разные стороны, сбивая с нужного направления.

– Дело совсем дрянь! – воскликнул Литов, взглянув на приборный щиток управления. – Скорость резко растет, мы входим в зону притяжения какой-то планеты. Готовьте аварийные модули.

Все трое бросились к шкафам-запасникам, отсоединили в них автономные капсулы-скафандры, проверили их заправку и прикрепили к своим рабочим креслам. Кулиш взялся за рули ручного управления системой мягкой посадки. Он напрягся, лицо его покраснело, глаза округлились.

– Вот дьявол! – закричал он в ужасе, делая безнадежную попытку овладеть пусковым устройством. – Двигатели не работают. Через 80 секунд мы врежемся в поверхность планеты. Зарумов, как плотность грунта?

Зарумов направил вниз лучевой щуп-зонд. Ничего утешительного – луч на планете отразился от твердого каменистого грунта.

– Разобьемся, – пробормотал он, нахмурив брови и откидываясь на спинку кресла. – Посадка корабля невозможна. Надо самим спасаться, придется прыгать.

Правила категорически запрещали выход на поверхность

незнакомой планеты, предварительно не изученной хотя бы в объеме обязательной стандартной программы. Но сейчас другого выбора не было. Все решали секунды. Либо они погибнут, разобьются вместе с кораблем, врезавшись в твердую поверхность планеты, либо катапультируются и останутся до поры до времени живы.

Согласно бортовой диспозиции, в аварийной ситуации ответственность старшего должен был брать на себя Литов. Но что ему оставалось сейчас решать?

– Включить катапульты! – скомандовал он. – Через двадцать секунд – пуск.

Зарумова спасла его собственная нерасторопность: он забыл заранее снять с пускового устройства предохранитель. На освобождение блокирующей скобы ушли те самые полторы секунды, которые спасли ему жизнь.

Кулиш и Литов опередили Зарумова и стартовали первыми. Они благополучно оторвались от стремительно летящего вниз корабля, взмыли над ним и уже пошли на снижение, когда случилась эта ужасная катастрофа.

Откуда-то сбоку вдруг появилось огромное темное газовое облако. Переливаясь в лучах Трайкоса фантастическими фиолетово-сиреневыми бликами, оно стремительно рванулось к космонавтам. Его безобразные лохматые отростки, как огненные языки чудовищного змея-дракона, вытягивались, удлинялись, извивались, непрерывно меняя свою форму и размеры. Еще мгновение, и они коснулись своими острыми звериными жалами людей, тщетно пытавшихся вырваться из их страшных объятий.

Две ослепительно яркие вспышки кривыми лучами-молниями вспороли облачную мглу, газовая пелена сгустилась, стянулась к горящим факелам и взорвалась, исчезнув сама и не оставив ничего рядом с собой, ни живого, ни мертвого.

Так Зарумов остался один. Медленно спускаясь, он осторожно спланировал, сделал несколько небольших кругов и аккуратно сел на поверхность планеты. Он отбросил уже ненужные отработанные ракеты и огляделся.

Вокруг царила суровая мрачная пустота, полный вакуум. Ни атмосферы, ни воды, ни растительности. Одна только голая скальная равнина, в отдельных пониженных местах прикрытая тонким слоем серой, похожей на гальку почвы, состоящей из небольших гладких шариков, неподвижных и однообразных.

Древняя, давно уже умершая планета кое-где была расколота прямыми неглубокими трещинами, обнажавшими такие же скальные холодные недра. Зарумов подошел к краю одной из них

и посмотрел вниз – ничего, что могло бы быть для него спасительным или хотя бы полезным, такая же пустота и мертвечина.

Он достал из заплечного ящика инвентарную экспресс-лабораторию, установил на штативе сейсмоакустические приборы и по укороченной программе провел все необходимые геофизические измерения. Планета была однородна, тверда и холодна по всей своей глубине и не оставляла никаких надежд на получение хоть небольшого количества какого-нибудь тепла, энергии, полезных ископаемых или еще чего-либо. Ничего.

Теперь надо было разыскать то, что раньше было кораблем. Это большого труда не составляло, так как Зарумов еще до своей посадки подсек траекторию и координаты его падения. Звездолет лежал в неглубокой расщелине. С первого взгляда стало ясно, что он разбит, сплющен и ни на что уже не годен, как старая консервная банка.

Кое-как цепляясь за неровные края расщелины, Зарумов спустился к останкам своего недавнего космического дома и остановился, с грустью сознавая безвыходность своего положения. Здесь ни на что не было никаких надежд. Люк во входную шлюзовую камеру вместе с самим шлюзом был полностью уничтожен, двигатели сгорели, контейнеры с блоками систем питания и жизнеобеспечения смяты в лепешку. В общем, никаких вариантов.

«А ведь мог бы быть шанс стать Робинзоном Крузо, – усмехнулся с горечью Зарумов, – вот только где взять Пятницу?»

Он на прощание погладил ладонью смятую поверхность разбитых иллюминаторов, провел пальцем по сломанным выступам дюз, как будто через плотную ткань скафандровых перчаток можно было ощутить тепло земного металла, почувствовать мягкую шершавость защитного кремниевого покрытия.

Ничего не поделаешь, надо идти. Зарумов тем же путем вылез на край расщелины, прошел несколько шагов и снова огляделся. Неяркое окаймленное темной полоской светило Трайкос блеклым розовым колесом медленно катилось по длинному низкому горизонту. Контрастные, резко очерченные черные тени рваными тряпками покрывали неглубокие понижения местности. Зарумов подумал, что не стал бы без нужды по ним ходить, хотя, конечно, было ясно, что это только тени, и ничего, кроме галькообразной почвы, там нет и быть не может.

И все-таки он должен, обязан поискать своих Пятниц. Этого требует и устав Межзвездных связей. На каждом новом космическом объекте, кто бы и когда на него ни попал, помимо

всяких других стандартных исследований обязательно должен быть проведен поиск следов разумной жизни.

«Не буду напоследок нарушать правила, хотя здесь это простая формальность, совершенно ненужная», – подумал Зарумов, доставая кассетный словарь-справочник инопланетных контактов. В нем были языки, наречия, диалекты всех времен и народов, когда-либо населявших Землю и другие обитаемые миры, телепатические способы общения, языки жестов и пантомим, цветовых и световых символов. Но в данном случае все это для такой забытой Богом планеты, увы, явно было совсем не нужно. Здесь некому показывать картинки с изображением людей и Солнечной системы, здесь некому слушать земную музыку и позывные Межзвездной службы.

Зарумов вспомнил, как на Заре они установили на возвышенностях видеозоры и целый час гоняли мультики и фильмы-боевики. На них, как бабочки на огонек, слетелись тогда летуны – многокрылые жители планеты. Но там была атмосфера, растительность. А здесь мертвая пустота…

Может быть, все-таки попробовать хотя бы язык лучей?

Зарумов установил на штативе небольшой портативный радар и стал прослушивать окрестность на волнах самого широкого диапазона длин и частот. Во все стороны по поверхности и вглубь планеты понеслись сейсмические, гравитационные, радио– и световые лучи, инфразвук и ультразвук.

Но никакого отклика, даже самого слабого, чуть заметного, хотя бы сомнительного приборы не поймали. Только один раз мигнул индикатор, когда инфразвуковая волна скользнула по самому верхнему слою почвы. Однако Зарумов тут же отметил, что причиной возмущения была его же собственная нога.

«Дохлый номер, – пробормотал он про себя, – искать здесь жизнь – все равно что на Земле в Северном Ледовитом океане ловить жирафов». Он собрал приборы и кассеты с результатами измерений, поставил их на место в скафандровом боксе и снова загерметизировал.

Теперь он должен был умереть.

Древние жители Земли, каждый раз убеждаясь, что человеческое тело после смерти разрушается, превращается в прах, тешили себя надеждой на нетленность, вечность души, на ее загробную потустороннюю жизнь. Они верили в то, что, хотя тело умирает, душа остается.

С Зарумовым будет все как раз наоборот. Исчезнет его внутренний мир, его сознание, чувства, ощущения, его «я». Но останется тело. В этом вакуумном стерильном мире, без воздуха и

воды, без гнилостных бактерий он будет лежать законсервированным сотни, тысячи, а может быть, и миллионы лет.

Зарумов вспомнил рассказ одного своего друга-археолога, экспедиция которого как-то нашла хорошо сохранившийся труп человека, замурованного в плотный, непроницаемый для воды и воздуха гидротехнический бетон. Когда-то давно, еще в XX веке, на реках строили гигантские железобетонные плотины для гидроэлектростанций. Человек, отбывавший наказание, заключенный, упал в блок бетонирования, его не успели вытащить. Он утонул в бетонной жиже и так остался лежать в затвердевшем бетоне целым, пока не стал добычей археологов.

Кто знает, может быть, когда-нибудь в далеком будущем и Зарумова вот так же обнаружат здесь, на этой затерянной в Космосе безжизненной планете, и тогда его тоже будут изучать ученые, и он станет археологической достопримечательностью. Может быть, и планету назовут его именем.

У каждой эпохи свои находки.

Теперь главное, ему нужно получше выбрать подходящее место для своей могилы. Конечно, оно должно быть вблизи остатков корабля. Надо лечь где-нибудь повыше, на видном месте, где его легко можно будет обнаружить вместе с компьютерными мемористиками, которые будут хранить всю информацию.

Пожалуй, он выберет вот этот невысокий, более, чем другие, светлый бугорок, который и станет его последней постелью. Здесь разомкнется защитная скафандровая оболочка, его последнее человеческое жилище, и он станет частью чужого враждебного мира, где царит вечное безмолвие, покой, тишина.

Зарумов опустился на колени, присел, потом лег на спину, подложив под голову бокс с информационными материалами. До конца оставалось четырнадцать минут. Он сдвинул магнитный клапан наружного кармана и достал пластиковый пакет со старой объемной фотографией. Пусть в последний миг его жизни с ним рядом будет ласковый взгляд милых родных глаз.

Это был один из самых счастливых месяцев их жизни. Они втроем поехали тогда в отпуск на побережье к морю. Пляж, горы, яркое жаркое солнце, буйная летняя зелень.

В тот день, когда было сделано это фото, они бегали по пляжной гальке, которая щекотала и колола пятки, а Эва с Белочкой соревновались, кто дольше пропрыгает по острым камушкам.

– Знаете ли вы, понимаете ли вы, – передразнивая пансионатного врача, «докторским» голосом вещала Бела. – Это

же так полезно: на ступнях ног окончания нервов, связанных почти со всеми внутренними органами. Массируя пятки пляжной галькой, вы фактически массируете печенку и селезенку.

Они громко хохотали, а потом, взявшись за руки, паровозиком бросались в воду, ныряли, плавали вперегонки. Как им тогда было хорошо, как они тогда были счастливы!

Зарумов оторвал взгляд от фотокарточки, непроизвольно прижав ее к своему телу (они ведь «совсем раздетые в такой мороз»). И снова посмотрел на окружавшую его повсюду застывшую в пятисотградусном холоде мертвенно-серую почву. Здесь, на планете, тоже была галька, но разве такая!

Только теперь Зарумову впервые за все это время вдруг стало по-настоящему страшно. Безотчетный первобытный ужас охватил все его существо, задрожали колени, лоб покрылся испариной. Пальцы непроизвольно потянулись к защелке шлема – поскорей бы избавиться от этого гнетущего унизительного чувства – чего тянуть, все равно осталось уже немного.

Но тренировка космонавта сказалась – он быстро овладел собой, рука опустилась вниз, пальцы сжались в кулак. Зарумов собрал всю свою волю, сосредоточился. Надо было сделать последние приготовления: переключить приборы, еще раз проверить герметичность «банка памяти». Все это сделав, он устроился поудобнее и приготовился к смерти.

Как мудро устроила природа в том нормальном человеческом мире – человек не знает своего последнего часа. Хотя испокон веков стремится разгадать свое будущее. Античные оракулы и средневековые гадалки, ученые-прогнозисты и компьютерные машины времени – кто только не пытался прочесть Книгу Судеб. Но всегда безуспешно. И если бы сейчас кто-то мог задать Зарумову извечный вопрос: «Что такое счастье?» – он бы без всяких раздумий тут же ответил: «Счастье не знать, что с тобой будет завтра, сегодня, через час».

А он, увы, знал. Вот и подтверждение этого – на приборе жизнеобеспечения загорелся красный огонек. Через пару минут на экране вспыхнет и тревожно замигает крупными буквами надпись-сигнал: «Срочно нужна заправка! Срочно нужна заправка!» А потом прекратится подача воздуха, тепла, все погаснет, отключится. Наступит полная тишина, темнота. Смерть.

Зарумов закрыл глаза, больше он не будет смотреть на приборы. Стал ждать. Прошла минута, другая, третья, пятая. Но что это? Ничего не происходит. Дышится так же свободно и легко, как раньше, по-прежнему тепло. Где он? Может быть, в загробной жизни, в которую верили предки? Зарумов открыл глаза, посмотрел направо, налево.

Нет, он все там же, на той же планете. По-прежнему косо смотрит на безжизненную равнину круглый блеклый Трайкос, так же чернеют зловещие теневые пятна в расщелинах и низинах. Он поднес руку к глазам и посмотрел на наручные приборы: красный огонек индикатора погас, а буквенный сигнал не появился. Температура, давление в норме. Мало того, показатель заправки воздухом и энергией стоит на черте «полное». В блоке питания появилось даже аварийное обеспечение, которое давно уже было израсходовано. Откуда все это богатство?

Неожиданно Зарумов услышал какие-то звуки. Они то возникали, то исчезали, то приближались, то удалялись. Одни из них были высокие и тонкие, другие – низкие и густые. Звуки были так тихи и слабы, что разобрать их было почти невозможно. Но они были, они существовали, причем явно вне какой-либо связи со скафандром и всем тем, что в нем находилось, – звуки шли откуда-то со стороны.

Потом они стали немного громче, яснее. Зарумов напряг слух, внимательно вслушался и вздрогнул, пораженный: это были голоса. Да, да, настоящие человеческие голоса!

Первая мысль была: этого не может быть, это галлюцинация, болезнь. Взглянул на индикатор медицинского состояния – все в порядке, показатели умственного уровня нормальные, он не спятил. Но тогда что же это такое?

Волнуясь и торопясь, Зарумов расчехлил радиометрическую аппаратуру – может быть, магнитная антенна уловила какие-то далекие сигналы из Космоса, и где-то там, в необъятных межзвездных просторах, мчится корабль с Земли? Может быть, он только что вошел в зону, доступную для пеленгования с Трайкоса, и Зарумов сейчас свяжется с его экипажем, сообщит свои координаты, и его заберут отсюда.

Дрожащими пальцами схватил он ручку настройки пеленгующего устройства. Послал длинные волны, потом еще длиннее, длиннее, дальше, дальше. Но, увы, никакого ответа, в огромном пространстве вокруг Трайкоса была только пустота.

А голоса продолжали звучать. Все явственнее, все четче. Один, кажется, был женский, другой более невнятный, скрипучий, какой-то странный, нечеловеческий.

Зарумов укоротил волны, взял другой диапазон пеленгования и вдруг замер в ошеломлении. Источник звуков был где-то совсем близко, совсем рядом, в нескольких метрах. Сердце Зарумова учащенно забилось, от волнения перехватило дыхание. Неужели такое возможно, неужели здесь живые люди? Это было слишком невероятно, чтобы быть правдой.

Зарумов быстро поднялся на ноги, бросился бежать, бежать

туда, откуда только и могли быть слышны человеческие голоса. Он подскочил к краю темной расщелины с обломками корабля, присел на корточки и заглянул вниз. Но там, как и прежде, не было ничего, кроме разбитого мертвого металла. Огорченно вздохнув, он поплелся назад, продолжая на ходу вслушиваться в таинственные голоса.

Неожиданно ему показалось, что в женском голосе он слышит знакомые нотки, милое мягкое придыхание, нежный ласковый тембр. Кто это? Неужели Эва? Как это может быть? Он взялся за рычажок ручной настройки. По экрану дисплея медленно побежал тонкий световой лучик. Все ближе, ближе. Вспыхнула яркая голубая точка. Вот оно. Есть. Поймал.

Зарумов недоуменно взглянул на координатный указатель – источником звуков была… фотография. Он разочарованно вздохнул и выключил приборы.

Однако это было очень и очень странно. Как может кусок неживого пластика, хотя бы и с изображением человека, даже любимого, заговорить живым человеческим голосом? Что, он превратился в некое «звуковое письмо»? Неужели подействовало какое-то таинственное чудодейственное облучение? Но если даже это так, то при чем здесь тогда второй голос, совсем незнакомый, чужой, металлический?

Зарумов прислушался к нему. Он что-то спрашивал у Эвы, та отвечала. И вдруг Зарумов понял, что они говорят о нем, он даже услышал свое имя. Это доказывало, что разговор конечно же происходил не когда-то там на Земле, в прошлом, а здесь, сейчас, сию минуту. Вот это да!

Он присел на корточки, положил рядом с собой фотографию, потом наклонился над ней и сразу же заметил: что-то возле нее не так, что-то иначе. Что именно? Ага, почвы стало почему-то больше, круглые камни сгрудились около эвиного лица и почти засыпали его. Зарумову даже почудилось, что они чуть-чуть шевелятся, перекатываются по фотокарточке, разглядывают ее, гладят.

И тут его осенило. Ну конечно же это они разговаривают с его Эвой, расспрашивают ее, узнают о нем, о Земле, людях. Это они не дали ему погибнуть. Как же он раньше не догадался? Почва из круглых «камней» – вот, оказывается, что живет в этом «мертвом» мире!

Он опустился на колени, приложил ухо к земле, прислушался. Разговор сразу же прекратился, стали слышны только какие-то шорохи, скрипы, свисты. Потом они начали плотнеть, сгущаться и оформляться в отдельные слова, фразы, мысли. Впрочем, скорее всего, это была даже не какая-то там

звуковая речь или письменный текст, которую можно услышать или прочесть. Просто в сознании Зарумова как-то само собой, сразу и целиком, возник образ этого странного, ни на что не похожего мира.

Его обитатели были облачены в самую совершенную, самую оптимальную форму существования материи, шаровидную, в которой не было ничего лишнего, ненужного (недаром почти все небесные тела – сферы). Но и эти шары представляли собой всего лишь внешнюю оболочку необычного замкнутого мира, обращенного на себя самого, существующего совсем в ином измерении, недоступном для человеческого понимания.

Это была сверхцивилизация самого высшего типа. Она бурно развивалась, но росла не вширь, как другие, захватывая все новые и новые планеты, а вглубь, совершенствуясь и утончаясь. При этом она вовсе не отказывалась от связи с остальными мирами. Наоборот, она, как пчела нектар, собирала сведения о передовой технологии и культуре со всей Вселенной. Информация была ее хлебом, углем, нефтью. Любое сообщение с любой планеты она могла материализовать и преобразовать во что угодно.

Далекая, недоступная для землян, она давно уже научилась общаться с другими мирами без непосредственного контакта. На огромные расстояния через созвездия и галактики посылала она свои сигналы-щупальца, которые не были ни слышны, ни видны и не улавливались никакими приборами. Они проникали в сознание людей и незаметно для них разговаривали с ними, вникали в их дела и проблемы. И вот теперь, узнав об обычных человеческих чувствах, коснувшись простой человеческой любви, они, вопреки своим правилам, вмешались в трагический ход событий и спасли мужа и отца тех, кто приветливо улыбнулся им с маленького старого фото.

«Милые мои, родные женщины, – забормотал про себя Зарумов, – так это вы не дали мне погибнуть, спасли от смерти». Он поднялся на ноги, спрятал в пластиковый пакет фотографию и вдруг почувствовал, что земля под ним задрожала, грунт под подошвами его сапог вздрогнул, заколебался. Неужели землетрясение? Неужели обитатели этой планеты, посвятившие его в свои тайны, передумали и решили прервать передышку, которую они ему дали только на короткое время, и он все же умрет?

Нет, это никакое не землетрясение, это свершилось удивительное, невероятное, сказочное чудо. Из темной расщелины в скале медленно поднимался целый и невредимый звездолет. Ярко светились его опознавательные огни, вращались навигационные радары, уверенно и гулко работали двигатели.

Ура, теперь Зарумов сможет вернуться домой, на Землю!

Он подошел к кораблю, отомкнул люк и забрался внутрь. В нем все было по-прежнему. Так же светились индикаторные огоньки приборов, неярко мерцали голубоглазые дисплеи бортового компьютера, мирно горели лампы основного и аварийного освещения. И только два голых металлических остова пустующих рабочих кресел напоминали о происшедшей катастрофе.

Зарумов включил реле готовности пускового комплекса и взглянул в иллюминатор. Светло-розовый Трайкос теперь уже поднялся высоко над горизонтом, и его прямые лучи осветили планету нежным молочно-оранжевым светом. Черные тени в низинах и расщелинах почти совсем исчезли, и на их месте в лучах восходящего светила блестели тысячи перламутровых шариков – мудрых и добрых обитателей этой планеты.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Все дни начинаются одинаково. В семь утра под подушкой громко и назойливо тарахтит будильник. Я протираю глаза, зеваю, задумчиво разглядываю потолок. Потом мои ноги медленно сползают на пол, я потягиваюсь, встаю, делаю несколько рывков руками и иду умываться.

Перелом в утреннем ритме моего дня происходит после того, как я надеваю галстук. Многие не любят галстуков, они давят шею, мешают и вообще стесняют движения. Но меня галстук заводит, как шнурок лодочный мотор. Едва я успеваю затянуть узел на шее, как мои действия становятся непроизвольно более решительными и быстрыми. Я выхватываю из шкафа костюм, одеваюсь, торопливо скребу электробритвой щеки. Потом на ходу заглатываю бутерброд, запиваю чаем и, смахнув обувной щеткой пыль с ботинок, сбегаю вниз по лестнице. Затем минутная задержка у почтового ящика, бег по улице, автобус, снова бег, и я на работе.

Здесь у меня свой однотумбовый стол, внутри которого в художественном беспорядке лежат карандаши, фломастеры, кружка для чая и пинг-понговые ракетки. Рядом со столом на отдельной тумбе стоит мой компьютер, за ним я в основном и работаю.

Я – невысокий тридцатилетний шатен, у меня сутуловатая спина, очки с диоптриями и комплекс неполноценности, который, правда, проявляется не всегда. Вместе со всеми остальными я подчиняюсь Патрону. У того, наоборот, представительная внешность, большая седоватая голова и безупречная белая сорочка. Каждое утро ровно в 9.00 он появляется в отделе обходит всех сотрудников и с каждым здоровается. Эта «обходительность» начальника некоторым очень нравится, особенно дамам.

Патрон просматривает чертежи, проверяет расчеты и каждому дает ЦУ (ценные указания). Потом почти на целый день, к всеобщему удовольствию, черный «мерс» увозит его в Главный офис Учреждения, в Министерство, в Банк или еще куда-нибудь подальше.

После его ухода сослуживцы по одному тоже удаляются из комнаты – кто идет потрепаться в соседний отдел, кто садится за телефон, а женщины отправляются чесать волосы и языки в туалетную комнату.

В обед мы с Вадимом, моим приятелем, идем в ближайшую кафушку-отравиловку и по-мальчишески дурачимся.

– Представь себе, – болтаю я, – присутствуем мы с тобой на заседании Ученого совета Института Обитаемых Миров (сокращенно ИОМ) где-нибудь на Альфе Центавра. Доклад делает седовласый босс, альфянин в белоснежной сорочке.

«Многоуважаемые коллеги, – изрекает он, поправляя бордовый галстук под жестко накрахмаленным воротником, – сегодня в первом пункте повестки дня обсуждение итогов разработки одной из тем нашего отдела Управляемых цивилизаций.

Несколько лет назад на небольшой заштатной планете (система Солнца) мы начали экспериментальные исследования локальной цивилизации низшего порядка. Создав соответствующие атмосферные и климатические условия, мы активизировали на этой планете жизнь биологического типа. Благодаря корректно выбранному масштабу временного моделирования, нам удалось за короткий срок проследить основные этапы развития этого мира. В результате эволюционных процессов на планете из белковых соединений возникли флора, фауна и, наконец, появились разумные существа. Население планеты постепенно освоило природные ресурсы, развило промышленность, средства транспорта и связи. Под нашим наблюдением сменялись поколения, рождались и умирали народы, возникали и рушились государства. Интересно отметить, что о нашем существовании подопытные существа пытались догадываться лишь на ранних ступенях развития, они называли нас «богами». Периодически мы ускоряли или замедляли течение прогресса. Теперь же исследования закончены, и, по-видимому, эту цивилизацию следует ликвидировать и подготовить планету-полигон к новым экспериментам».

Щепетильный Вадик недовольно морщится.

– Э-э, брат, что-то ты не то загнул, – наводит он критику. – Такое уничижение рода человеческого – фи. И вообще, старичок, у тебя, оказывается, дурной вкус. Валяй иначе.

– Ну ладно, – соглашаюсь я, – пусть будет все иначе. На трибуне перед Ученым советом выступает не Белая сорочка, а Алюминиевый китель.

«Многоуважаемые коллеги! – говорит он взволнованно, затягивая потуже пластиковые шнурки на своей толстой шее. – Я вынужден срочно доложить вам результаты наших работ по теме „Обобщение опыта развития внеальфовых цивилизаций“. Информация, которую получили недавно наши гравитационные теленаблюдатели, свидетельствует о драматических событиях, происходящих во Вселенной в связи с сверхмощной вспышкой новой цивилизации, которая совсем недавно возникла на планете

Земля. Мы вынуждены признать, что с учетом громадной разницы в масштабах времени произошел, по нашим представлениям, гигантский скачок в развитии жизни на Земле. Земляне, о которых еще совсем недавно не приходилось говорить как о разумных существах, к настоящему моменту времени самостоятельно открыли тайны мироздания, овладели энергетическими ресурсами своей планеты и сегодня уже вышли в Космос. Таким образом, в опасной близости от нас образовалась молодая, динамичная, бурно растущая цивилизация. Наши прогнозирующие устройства предсказывают, что в ближайшее время произойдет распространение землян на другие планетарные системы сначала нашей Галактики, а затем и всей Вселенной. В связи с этим я вношу предложение обсудить вопрос о свертывании всех наших работ и срочной эвакуации в самую отдаленную Антивселенную».

Не успел докладчик закончить последнюю фразу, как Ученые кители подхватили свои счетно-решающие приборчики и, расталкивая друг друга, в панике бросились к выходу.

Мой друг доволен. Мы оба громко смеемся.

После обеда мы идем на работу по старому тенистому скверу. Низкое сентябрьское солнце бросает на землю ровные тени стройных тополей и рисует ими на гравийной дорожке полосатую «зебру». Вадим останавливается, закуривает свою послеобеденную сигарету и говорит задумчиво:

– Кстати, к твоему трепу о потусторонних мирах. Могу предложить третью вариацию на эту тему. Но это уже не пародия, как у тебя, а вполне серьезная мистика.

Итак, две разные цивилизации развиваются параллельно, одновременно друг с другом, в одном и том же масштабе времени. Правда, одна из них может на каком-то этапе обогнать другую. Между прочим, именно этот этап мы сейчас и имеем. Не делай глаза и не ворочай челюстью, а слушай эту фантастическую историю двадцатилетней давности.

Однажды кто-то из наших десятиклассников приволок в школу некую загадочного происхождения бумагу с большим английским текстом, кажется, говорил, что его отец привез ее из Штатов, где был в командировке. Наша школа была спецангло, и ребята жаждали настоящих текстов, особенно «оттуда», поэтому все хором дружно взялись за перевод.

Вначале шел довольно беллетристичный, хотя и изрядно потертый даже на то время рассказ из серии «фантастик» о летающих тарелках – вечно модной теме газетно-журнальной и кухонной болтовни.

Грузовой «дуглас» интендантской службы военно-воздушных

сил США выполнял очередной ночной рейс в Европу. Командир корабля дремал на жесткой боковой скамье, когда услышал в салоне самолета какой-то шум. Открыл глаза. Штурман и второй пилот приклеились к иллюминатору и, взволнованно переговариваясь, что-то разглядывали. Справа по борту всего в нескольких ярдах летел непонятный чечевицеобразный предмет. Огромный, гладкий, серо-голубой, он медленно вращался вокруг своей вертикальной оси и постепенно уходил вверх. Это длилось минут двадцать. Потом предмет стремительно рванулся вперед, резко развернулся и завис прямо перед носом самолета. Пилот бросил машину в крутой вираж, попытался обогнуть предмет сбоку, но тот сразу свернул в ту же сторону. Попытки обойти его сверху или снизу тоже были безуспешны.

– Что за чертовщина! – выругался командир. – Неужели это какое-то новое оружие Советов?

Он в панике бросился к носовой восьмимиллиметровой пушке, навел оптический прицел, зажмурился от страха и послал вперед снаряд. Сначала один, потом второй, третий, четвертый. Однако все они прошили таинственный предмет насквозь, не оставив на нем ни малейшего следа. Самолет сбавил скорость, затем пилот совсем выключил мотор, но и это не помогло – страшилище полетело навстречу. Еще мгновение, и «дуглас» врезался в него.

Он вошел в его покатую ровную плоскость как в облако, мягко и плавно. Стало темно, тихо, ноги сами оторвались от пола, стоявшие на столике стаканы и бутылка содовой закачались в воздухе – наступила невесомость. И вдруг глухо зазвучал спокойный хрипловатый голос. Медленно, выделяя каждое слово, он произнес на чистом английском языке примерно следующее:

«Ничего не бойтесь, никакого вреда вам не будет. Это всего лишь голографическое изображение космического зонда. На вашей планете оно материализоваться не может».

Потом самолет с трясущимися от ужаса летчиками благополучно выбрался из тьмы, набрал скорость и лег на свой прежний курс.

Далее бумага содержала довольно сухой и скучноватый текст, который, по правде говоря, нам, мальчишкам, был в то время не интересен, поэтому переводили мы его кое-как, по диагонали. Единственное, что я запомнил, это рассуждение о каком-то неизвестном на Земле диапазоне длины волн, не улавливаемых ни человеческим глазом, ни оптическими, ни телеметрическими приборами, ни какими-либо радарами или радиоперехватчиками. Но именно посредством этих волн можно увидеть тот загадочный параллельный мир, который якобы существует прямо рядом с

нами. Только потом я понял, какими же мы тогда были идиотами – пропустили мимо своего внимания такой яркий, такой сказочный, такой красивый образ.

Ведь только представь себе, рядом, буквально в двух шагах от нас, вон за тем деревом или вон возле того дома ходят, бегают, дышат, разговаривают друг с другом некие невидимые нам существа из неведомого нам потустороннего мира. Вот сейчас, в это мгновение, они слушают нашу трепотню, смотрят на нас с удивлением и думают, как мы глупы, что не ищем с ними контакта. Одно только короткое соприкосновение с их удивительной жизнью могло бы полностью изменить всю судьбу человечества.

А они давно уже ищут встречи с нами. Вот уже несколько десятков лет в разных местах Земли обустраиваются участки местности, где при каких-то специальных условиях некоторые люди, обладающие особыми свойствами нервной системы, могут настроиться на нужную волну и увидеть это загадочное Нечто. Там, в этом английском тексте был приведен довольно длинный перечень таких мест, разбросанных по всему свету. Помню, в списках значился какой-то буддийский храм в Пенджабе, большой универсам в Гданьске, речная отмель в Кении и так далее. Единственное место, которое было отмечено у нас, в Подмосковье, это двухметровый деревянный зеленый забор из шпунтованных досок с чугунными столбами и железным креплением. Что в нем особенного, чем он отличается от тысячи других таких же заборов, наставленных у нас повсюду, увы, так я и не усек.

Вот и все, что я тогда запомнил…

Во второй половине рабочего дня все вкалывают. Вадим сосредоточенно жмет на клавиши кейборда своего компьютера. Патрон, только что вернувшийся из Управления, сгорбился над пояснительной запиской к проекту, а я доделываю вертикальную планировку Генерального плана.

По голубой поверхности монитора извилистой линией тянется река, вдоль которой выстроились длинные прямоугольники заводских корпусов. К ним со всех сторон сходятся полосатые полоски железнодорожных путей, стрельчатые линии электропередач и паутина коммуникационных сетей. В правой верхней части дисплея возле покрашенного зеленым цветом лесного массива расположены косо заштрихованные кварталы будущего заводского поселка.

Я вожу курсором по изрешеченному прямыми линиями Генплану, вычисляю координаты углов поворота

спецкоммуникаций, а из головы не выходит рассказ Вадима. Ну, кто мог бы принять всерьез этакую чепуховину? Начитавшийся фантастики мальчишка, какая-нибудь экзальтированная девица или чокнутый старик. Но я-то, я ведь серьезный человек, инженер, вместе со своими сослуживцами решаю судьбу тысяч людей, которые будут жить в новом нефтепромышленном районе и строить будущее по нашим чертежам. Почему же мои мысли все время возвращаются к одному и тому же, почему мои мозги застопорились на этом англосаксонском бреде? Почему?

И вдруг я вспомнил.

Это был очень высокий, очень плотный, очень загадочный зеленый забор. Он был сделан из широких толстых шпунтованных досок, наглухо сбитых гвоздями с крупными вафельными шляпками. Забор отгораживал наш детский мир от всей прочей взрослой цивилизации.

В то время моя жизнь вообще почти целиком состояла из всяких запретов. Мне нельзя было ходить в кино на вечерние сеансы, ложиться спать после десяти часов вечера, вставать раньше семи часов утра, ездить одному в автобусе, бегать на пруд. Чего только еще я не имел права делать!

Все эти ограничения казались несправедливыми, обидными, однако они были неизбежны и поэтому понятны. Но вот зеленый забор! Его тайна всегда оставалась неразгаданной, непостижимой, вечной. Самые высокорослые прохожие дяди и тети не могли заглянуть за деревянную стену, самые всезнающие знайки не знали, что скрыто «Там». На всем своем протяжении забор нигде не имел ни одной, даже самой крохотной, щели, а его нижняя часть, казалось, уходила глубоко в землю, не оставляя никаких вариантов…

Нас было трое мальчишек, живших поблизости. Обычно, набегавшись и напрыгавшись в бурных играх, мы прижимали к забору свои мокрые потные футболки и, присаживаясь возле него на корточки, цепенели не только от усталости, но и от прикосновения к этому неведомому и таинственному «Ему». Из всех я был, пожалуй, главным утопистом и часто в наших долгих межигровых антрактах выступал в роли автора – рассказчика остросюжетных небылиц, полных динамического драматизма.

Я придумывал фантастические страшилки и ужастики, где причудливым образом переплетались мои «обширные» познания в географии, ботанике и даже в спелеологии со сказочными сюжетами прочитанных мне родителями детских книг. Я видел себя впереди разведывательного отряда, который после долгих поисков нашел потайной лаз в ракитовом кустарнике, росшем вблизи забора. Пробравшись сквозь кусты, мы открывали люк и

спускались по крутой каменной лестнице в подземелье. Конечно же я был впереди. В одной руке у меня был яркий электрический фонарь, как у шахтеров, в другой – автоматическое скорострельное ружье. Спустившись по лестнице вниз, мы оказывались в начале узкого длинного хода, который вел «Туда».

Мой лучший друг тех времен, Денис, тоже был мечтателем и фантазером. Однако, в отличие от меня, он в своих представлениях был технарем и видел мир одетым в легированную сталь, алюминий и железобетон. Денисов путь «Туда» начинался с оптических и прочих приборов. Его перископы, установленные в специальном бронированном блиндаже, демонстрировали нам яркие, расцвеченные всеми красками картины. На большом зеленом поле сверкали в солнечных лучах белоснежные скаты диковинных самолетов и вертолетов. Они были похожи на огромные крылатые ракеты с серебристыми носами-пиками, от которых в разные стороны расходились радужные круги. Это была страна крепостей с батареями дальнобойных орудий и торпедных аппаратов, это было государство ракетных установок, подводных лодок и электронных микроскопов.

Третьим фантазером был Вовка, большеголовый вертлявый пацан, считавшийся у нас большим воображалой. Однако его выдумки большой романтичностью не отличались. Он был прагматиком, человеком дела, хотя и обладал не в меру суетливым, непоседливым характером. Вовка вечно что-нибудь придумывал, куда-то спешил, всегда был занят. Понаслушавшись наших сказок, он как-то заявил:

– Ладно, братья Гриммы, хватит вам завирать завиралки, давайте дело делать. Значит, так. Женька, самый сильный, пусть встанет внизу, Дениска сядет ему на шею, а я влезу Дениске на плечи и достану до самого верха.

С этой программой действий Вовка носился довольно долго, однако идея медленно «овладевала массами». Нам трудно был переключиться на конкретное дело, которое, как мы подсознательно чувствовали, приземлит Мечту или даже убьет ее.

И все-таки любопытство оказалось сильнее. Стоял теплый июньский вечер, солнце уже шло на посадку, и мы под защитой ракитовых кустов готовили свою экспедицию. После долгих и ожесточенных споров было решено, что операция проводится три раза, с таким расчетом, чтобы каждый участник мог заглянуть Туда. Вовка, как инициатор всей затеи, выторговал, конечно, себе авторское право первого захода.

…Бывают в жизни такие острые, хотя и кратковременные ощущения, которые не забываются никогда. Мне кажется, я и

сейчас ощущаю, как впиваются мне в спину Денисовы сандалии, как больно сжимают шею его грязные, покрытые ссадинами колени. Я не помню, что когда-нибудь позже мне приходилось испытывать такую большую физическую нагрузку, хотя не раз соответственно возрасту поднимал куда более тяжелые вещи. Не знаю, сколько минут все это длилось (мне, конечно, показалось, что прошла целая вечность), но, когда я пошевелился, чтобы посмотреть наверх и узнать, что там так долго этот Вовка делает, произошло нечто непредвиденное. Вся наша неустойчивая конструкция вдруг пошатнулась, меня потащило куда-то назад, затем раздался оглушительный крик, и Вовкино тело упруго шмякнулось о плотную глинистую землю.

Он сидел, прислонившись к забору, обхватив руками коленку, из которой текла узенькая струйка крови, а из его глаз капали крупные девчоночьи слезы. Мы помогли ему подняться на ноги и проводили домой, поддерживая за руки с двух сторон.

Вовка хромал целую неделю, хотя в ее конце, мне кажется, он больше притворялся. На наши настойчивые расспросы: «Что Там»? – он отвечал односложно: «Ничего Там нет». И вообще вспоминать эту историю не хотел. Он, кажется, даже стал избегать нас с Денисом и реже выходил во двор гулять.

Однажды мы поймали Вовку возле моего дома и прижали к стене.

– Говори честно, – потребовал я, – ты до верха ведь не достал?

– Чего вы пристали? – Вовка отстранился от нас. – Я же вам говорю: ничего там нет, один пустырь, мусор, свалка.

Он вырвался и убежал. Ну как мы могли отнестись к Вовкиному ответу? Пусть «Там» не будет подземных пещер и туннелей, пусть «Там» не будет ракет и линкоров, но все же что-то «Там» должно быть. Иначе не может быть, иначе рушится мир, разваливается какая-то его главная суть.

Конечно, мы не могли Вовке верить, не хотели, поэтому не верили. Экспедиция должна быть повторена, и мы, наверно, осуществили бы ее, если бы не новые, поворотные обстоятельства моей жизни. Дело в том, что нам дали новую квартиру в новом доме, и мы уехали из этого пригородного района совсем в другой конец города.

С тех пор прошло много, много лет. Пронеслись годы, прошла целая эпоха. И вот я снова приехал в край своего детства. Вышел из электрички и сразу же попал на продолговатую пристанционную площадь со стареньким краснокирпичным почтамтом в двухэтажном здании. А вот и моя родная, знакомая до мельчайших подробностей горбатая улочка, обсаженная

кривыми разлапистыми липами. Это был наш район, Нахаловка – частный сектор, с домами, построенными когда-то без разрешения райисполкома.

Я прошел несколько коротких кварталов. Остановился. Что это? Вместо домов – развалины. Обломки бревенчатых стен, обрывки обоев, хлопающих на ветру, рваные листы ржавого кровельного железа.

Сердце мое екнуло – на месте нашего дома тоже были развалины. Я опоздал. Груды обломанных досок, густой слой штукатурной пыли. Кажется, вот здесь была наша комната, вот там стояла высокая пружинная кровать и швейная машина. А рядом была комната бабушки с дедушкой, на стене висели жестяные ходики и стоял большой буфет с бруснично-яблочным вареньем. Мне стало очень грустно, и защипало глаза.

Развалины тянулись по обе стороны улицы. Мой взгляд пробегал по этим остаткам прошлого и вдруг споткнулся о то главное, ради чего я сегодня сюда приехал. Я прошел еще немного и встал как вкопанный. Среди общего разгрома стоял, как и раньше, наш добрый зеленый Забор. Конечно, он был не таким высоким, не таким плотным и не таким зеленым. Он покосился, в некоторых местах совсем упал на землю. Часть его досок была разбита, кривые поржавевшие гвозди жесткой неровной щетиной торчали из прогнивших перекладин. И все же забор был, он существовал назло беспощадному Времени.

Я зашел за него, туда, где раньше был пустырь – мое первое в жизни детское разочарование. Теперь под гуськом подъемного башенного крана здесь поднимался белоснежный корпус огромного многоэтажного дома с ровными прямоугольниками широких окон и длинных балконов. И дальше за ним до самого горизонта росли разнокалиберные кубики и параллелепипеды новостройки. На месте нашей старой одноэтажной Нахаловки строился большой новый микрорайон.

Я повернул назад и направился к развалинам прошлого, к старому забору, к разрушенным стенам родного дома. Ну конечно, только здесь, где встретились в пространстве и времени, связались в один узел прошлое и настоящее, детство и зрелость, только здесь и можно оторваться от той маленькой узкой щелки, через которую человеку от роду дано смотреть на мир. Наверно, только здесь можно взглянуть в широкое окно другого времени и другого пространства.

Я подошел к завалам стен и перекрытий и коснулся рукой шершавого остова разрушенной печки с обгоревшей трубой. Неожиданно все вокруг изменилось. Низкое облачное небо опустилось на крыши домов и верхушки деревьев. Потемнело,

исчезли очертания строящегося дома, развалин, забора, всех окружающих предметов. Потом откуда-то снизу, из земли, распространился какой-то странный мерцающий свет, с каждой секундой он становился все ярче. В его фантастическом сиянии возник этот яркий, красочный, сказочный мир.

В нем причудливо смешались разные времена года. Рядом с буйно цветущими багровыми пионами истекал ручьями большой сугроб белого снега, возле поникшей ивы с пожелтевшими листьями зеленел густой куст смородины.

В этом светлом праздничном мире жили почти такие же люди, как и мы. У них были гибкие подвижные фигуры, они летали на разноцветных зонтиках, которые, складываясь, превращались в тоненькие трости. У детей зонтики были маленькие цветастые, у взрослых однотонные: синие, зеленые, коричневые, у стариков – прямые черные. Жили эти люди в небольших лиловых домах-шарах, которые время от времени перекатывались с места на место и останавливались то тут, то там.

С волнением и страхом я приблизился к ближайшему круглому дому, протянул руку, чтобы потрогать его нежную бархатистую стену, но пальцы ничего не почувствовали – они прошли стену насквозь и повисли в воздухе. Я подошел к маленькой овальной двери, хотел открыть ее, но ладонь ни на что не оперлась. Я сделал несколько шагов вперед. Что такое? Дом исчез. Оглянулся – он стоял как ни в чем не бывало на том же месте.

Возле куста смородины опустился с зонтиком на землю пожилой человек в сером плаще-накидке. Я бросился к нему, размахивая руками, и крикнул:

– Погодите! Остановитесь!

Он быстро шел мне навстречу, еще секунда, и мы сблизились, столкнулись друг с другом, но я даже не ощутил его тела. Он как бы прошел сквозь меня и, не оглянувшись, скрылся в лиловом домике.

И тогда до меня, наконец, дошло – вот оно что! Это же все мираж, пустота, голография, изображение далекого мира, существующего не здесь, рядом с нами, а где-то там, очень далеко, в глубинах Вселенной, на какой-нибудь Альфе Центавра.

Все снова померкло. Свет медленно угасал. На темном небе появились наши обычные земные облака и редкие желтые звезды.

– Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени? – вывел меня из забытья тонкий детский голос. Рядом стоял мальчик-прохожий. Что-то неуловимо знакомое было в его худенькой фигуре, удлиненном личике.

– Без пятнадцати десять, – ответил я ему, взглянув на часы, и зашагал к железнодорожной станции.

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Они были одни на всем свете. Не было рядом ни высокого берега, заросшего зеленой густой травой и низкорослым ветвистым кустарником, ни желто-серой широкой полосы длинного пляжа, ни пенящихся волн с белыми гребешками, прибегавших откуда-то издалека. И не было огромного многоэтажного дымного города, глухо шумевшего недалеко за платановой рощей, за высокими скалистыми холмами.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, на старом растрескавшемся пне, обросшем мхом и древесными грибами. Ее мягкие прохладные пальцы лежали в его широкой шершавой ладони. Она склонила голову к его плечу.

– Ты любишь меня? – прошептала она, чуть коснувшись его уха губами.

– Очень, – выдохнул он, еще крепче обняв ее за плечи.

Они были одни во всем мире. Вокруг стояла насыщенная ароматом моря ночная прохлада. Черное низкое небо, усеянное россыпями блестящих звезд, колыхалось над ними, двигалось, волновалось.

– Смотри, сколько звезд, – сказала она, закинув голову назад и обняв его за шею.

– А сколько их падает! – Он помедлил немного, потом добавил: – Знаешь что? Загадай желание.

– Я хочу, чтобы нам всегда-всегда, всю жизнь было так же хорошо, как сейчас. Вон, это наша с тобой звездочка. Гляди, какая она большая, красивая… И как долго падает… – Она, счастливо улыбаясь, смотрела на небо, по краю которого медленно плыла яркая оранжевая звезда.

Что-то было необычное в ее неторопливом скользящем падении. Другие падающие звезды быстро, стремительно прочерчивали небосвод, а эта опускалась медленно, осторожно, неуверенно.

Конечно, подобно всем остальным, она тоже падала в направлении горизонта, тоже бледнела, тускнела и, казалось, вот-вот исчезнет совсем. Но вместе с тем эта звезда существовала как-то иначе, как-то по-другому. Она одновременно исчезала и, наоборот, становилась с каждой минутой все больше, все ощутимее.

Трудно, невозможно было объяснить это ощущение, но безотчетный страх вдруг охватил девушку. Какая-то непонятная странная тревога, вроде сильного ветра, ураганного шквала, обрушилась на нее и стала стремительно, неумолимо нарастать,

закрутила, понесла. Лоб покрылся испариной, похолодели руки, ноги, тело пробила дрожь.

– Ой, мне страшно! – вскрикнула она, почувствовав на себе чей-то пристальный пугающий взгляд. – Что-то приближается к нам, все ближе, ближе, уже здесь…

– Ну что ты, родная, не бойся, я же с тобой, все в порядке. – Он крепко прижал ее к себе, обнял.

Но она видела, вернее, чувствовала ЭТО. ОНО было огромное, жуткое. Она не знала, что это, не могла объяснить свое состояние. Но ЭТО было, ОНО смотрело ей прямо в глаза, даже не в глаза, а куда-то внутрь, в самое сердце, в мозг, в душу.

И где-то на подсознательном уровне вдруг родилась мысль, что она должна выдержать этот страшный парализующий взгляд, она не должна сдаваться, должна смотреть прямо на НЕГО, смотреть, смотреть…

Вспомнилось, в детстве кто-то говорил: если в лесу встретишь волка – надо глядеть ему прямо в глаза, и зверь первый не выдержит взгляда человека, отвернется, отступит, повернет назад.

Но это был не зверь. Это было нечто более свирепое, ужасное, невидимое, необъяснимое. Ничего общего с каким-то там волком, знакомым, понятным, совсем не страшным, ЭТО не имело. ОНО было неосязаемым, невидимым и неслышимым, ОНО излучало какие-то непонятные волны, лучи, которые давили, жгли, леденили, сковывали все ее тело, все ее существо.

– Неужели ты ничего не чувствуешь, не видишь? – Она вцепилась в руку своего любимого. – Почему ты такой бесчувственный? Ну смотри же, смотри. Вон туда, в сторону моря, или нет… в сторону гор.

Она вдруг поняла, что не знает, где ЭТО находится, откуда ОНО смотрит на нее. И от этого стало еще страшнее. Она попыталась собраться, сосредоточиться, найти ответ на мучившие ее вопросы. Только бы не опустить глаза, не сдаться. Впрочем, почему глаза? Нет, она вся должна сопротивляться, бороться, преодолеть ЭТО.

Ах, почему же он, ее родной близкий человек, с которым у нее всегда такое взаимопонимание, который всегда так чутко улавливает любое, даже самое крохотное изменение ее настроения, почему сейчас, в эту необычную страшную минуту он так глух, так слеп и бесчувствен? И у нее нет сил его растормошить, разбудить от этой нелепой недопустимой спячки.

– Ну успокойся, милая моя, дорогая. – Он крепко обнял ее за талию. – Что же это с тобой происходит? Ты вся дрожишь. Тебе холодно? Давай-ка я тебя укрою, согрею.

Он укутал ее плечи своей плотной длинной курткой,

надвинул ей на голову шерстяную шапку. Но это нисколько не помогло. Неужели он не понимает, что от ЭТОГО курткой и шапкой не спасешься?

– Отвлекись ты от своих тревог. Думай о чем-нибудь другом. – Он неторопливо просунул руку в карман куртки, достал сигарету, зажигалку, закурил, глубоко затягиваясь и пуская длинные струйки дыма. – Гляди, мотыльки улетают от табачного дыма. Это мотыльки-однодневки. Подумать только, ведь они живут всего только день-два, и для них это вся их большая жизнь. Они даже не знают, что позавчера был дождь и что на следующей неделе зацветет акация. – Он помолчал немного, потом добавил, задумчиво глядя куда-то вдаль: – Вот и мы с тобой те же однодневки. Живем всего-то ничего по сравнению с горами, морем, звездами. Удивительная она штука, это время.

Какой же он все-таки бесчувственный! Так легко, так спокойно рассуждает о посторонних вещах, когда сейчас надо сосредоточиться только на одном, надо понять, что происходит вокруг, почему так тревожно и страшно.

Что делать, что предпринять? Может быть, позвать на помощь, закричать? Но кого? Где-то неподалеку, кажется около холмов, есть спасательная водная станция. Там крепкие сильные ребята, аквалангисты, водолазы, они помогут. Боже мой, какая чушь! Они ничего, совсем ничего не могут. Здесь нужно что-то совсем другое.

И вдруг как-то из подсознания выплыла еще одна мысль: только их любовь, привязанность друг к другу, их чувства могут сейчас помочь. Надо, чтобы он, ее дорогой человек, тоже увидел ЭТО, почувствовал, как чувствует она. И тогда они будут сильны и защищены от ЭТОЙ опасности. Да не только они – весь мир, изумрудно-зеленая трава, усеянные белыми цветами деревья, темно-коричневые горы и большой, шумный их родной город за платановой рощей.

– Дорогой, – прошептала она совсем обессиленная, – пожалуйста, поцелуй меня. Быстрее. Еще, еще…

Звездолет-автомат-робот № 1932-Н резко форсировал двигатели, выдвинул гравитационную защиту и, выполнив двойной маневр, завис в орбитальном полете над планетой «З». Объективы стереоскопов корабля развернулись для кругового обзора и медленно заскользили по поверхности планеты, внимательно осматривая на ней каждую впадину и возвышенность. Плотные потоки геофизической информации потекли в магазины памяти анализирующего вычислительного устройства.

Планета «З», согласно дбцнкской классификации, была маленьким космическим телом, вращавшимся вокруг небольшой периферийной звезды. Она почти целиком состояла из расплавленной каменной массы, и лишь самая верхняя ее часть была твердой и плотной. Но именно эта корка прочных горных пород позволяла использовать планету для размещения на ней очень важного объекта – космического маяка, который должен был снабжать астронавигационной информацией дбцнкские звездолеты, делающие межгалактические рейсы.

Планета удачно располагалась на пересечении нескольких дальних трасс, и ничто не должно быть препятствием для превращения ее в навигационный объект. Вот для чего в огромных трюмах звездолета-автомата ровными рядами стояли круглые металлические контейнеры-цистерны с азотнокислотным пластифицирующим составом, предназначенным для полной стерилизации поверхности планеты. Убрать все, что хоть как-то могло затруднить работу космического маяка, – основная задача звездолета-автомата№ 1932-Н, посланцаДбцнкского Галактического Института.

На корабле господствовала строгая машинная иерархия. Во главе всех служб стоял Командир – управляющее устройство. Он ставил задачи Анализатору, принимал оперативные решения и давал команды Исполнительному и Наблюдательному комплексам.

После обобщения первых сведений о физических параметрах планеты «З» Командир задал главный вопрос Анализатору:

«Есть ли жизнь на планете?»

Ответ последовал однозначный:

«Суровые геологические и климатические условия наличие жизни исключают».

Командир дал команду изменить траекторию полета. Звездолет перешел на другую сниженную орбиту, и видеофоны опять забегали по поверхности планеты. Новые порции более подробных сведений поступили в анализирующее устройство. Они наложились на предыдущие, столкнулись с ними, где-то заместили их, где-то легли рядом. И вдруг на новый запрос Командира Анализатор ответил:

«Есть жизнь. Низшие формы».

Командир сверился с Программными блоками, оценил обстановку и скомандовал:

«Разведочный зонд в работу».

От звездолета отделился большой круглый аппарат с сотнями объективов, щупов и манипуляторов, размещенных по всей его поверхности. Повисев некоторое время в верхних слоях

атмосферы, он выбрал зону исследований, провел мелкомасштабную съемку района посадки и пошел на снижение. Через некоторое время зонд приземлился на небольшой ровной площадке, окруженной со всех сторон плотной стеной темно-зеленых широколиственных деревьев.

Стереоскопы заскользили по неподвижной мозаичной зеленой массе, прочерченной угловатыми линиями светло-коричневых веток. Строчка за строчкой полетела новая информация на корабль:

«Древесная растительность со стеблевидными органами, поглощает углекислоту, производит кислород…»

На мгновение поток информации прервался – в приемное устройство поступило непонятное наблюдение: флора проявила способность к движению, листья заколыхались, закрутились. Что это было, внутренние силы, разумная жизнь? Нет, это просто дул ветер.

Снова забегали стереоскопы по глухим лесным чащобам, по травянистым ромашковым полям. И вдруг снова – стоп. На опушке леса появилось живое существо также биологического типа – четыре подвижные суставчатые опоры, удлиненное туловище, опущенная вниз голова.

Зонд сделал несколько резких движений, изменил цвет своего покрытия, потом послал ряд звуковых, световых и электромагнитных сигналов. Но животное на все это никак не среагировало. Оно лишь на мгновение подняло голову, с полным безразличием посмотрело в сторону незнакомого предмета и, неторопливо повернувшись, пошло к лесу, не проявляя больше никакого интереса к инопланетному аппарату и к его сигналам.

После этого с корабля поступил приказ:

«Перейти к обследованию прибрежной зоны».

Зонд поднялся в воздух, сделал несколько больших разведочных кругов и полетел к морю. Внизу расстилалось высокое горное плато, покрытое густыми лесами, прочерченными извилистыми нитями рек и разорванными неровными пятнами озер. Возле широкой прибрежной полосы горное плато сменялось длинным уступом, заросшим травой и кустарником. Зонд сделал плавный вираж, развернулся по курсу и быстро пошел вниз.

У моря было голо и пусто. Песчано-галечная пляжная отмель ровным пологим откосом уходила под набегающие на нее волны. Только их монотонные однообразные всплески нарушали ночную тишину.

Но вот широкоугольные объективы зонда задвигались, следуя за новым неожиданным объектом: небольшой летательный аппарат появился над морем. Он размахивал длинными

изогнутыми крыльями, издавал звуки высокой частоты и что-то выискивал в морской воде. Ни на какие сигналы он не отвечал.

Следов разумной жизни пока не обнаруживалось. И вдруг индикаторы зонда, настроенные на улавливание слабосильных энергетических полей, активно заработали. Все измерительные приборы, датчики, манипуляторы, все приемные и передающие устройства насторожились, пришли в полную рабочую готовность.

Откуда-то со стороны, из-за кустарника, распространялось необычное рассеянное излучение. Это были волны разной длины и частоты, которые шли сначала непрерывным потоком, потом прерывались, появлялись вновь. Ни одно из размещенных на зонде опознавательных устройств не могло расшифровать эти сигналы и давало сбой на первых же ступенях исследования.

Что это за новый вид энергии, какого он состава, какого происхождения? Подчиняясь команде оперативной подпрограммы, разведочный зонд покрыл себя экраном, невидимым в диапазоне волн всех ставших известными ему излучений планеты «3». Затем он взлетел, сделал несколько обзорных ультравидеоснимков местности и после долгой настройки аппаратуры поймал наконец эпицентр излучения.

Его источником было биополе небольшой интенсивности и размеров. Оно находилось на пляже за устьем широкого ручья, обросшего кустами, и принадлежало двум странным живым существам, которые сидели у моря на старом срезе дерева и время от времени обменивались друг с другом крупными порциями этой самой энергии. Одно из этих существ обладало большим биополем и передавало его другому. Сливаясь воедино, они образовывали вместе довольно сильный источник излучения.

Непонятен был и такой факт: биоволны нигде здесь у моря не прерывались, не исчезали и шли далеко вдоль береговой зоны, уходя куда-то за лес. Надо было продолжать исследования.

Разведочный зонд поднялся выше, изменил плоскость наблюдения и, развернувшись по азимуту, направился вслед за потоком биоэнергии. Он пролетел над грядой крутых скалистых холмов, над большим массивом густого высокого леса и вышел к широкой морской террасе, окаймленной полукруглой ступенчатой стеной гор. Сразу же за лесом к ним прижимались вытянутые кверху стройные каменные коробки, амфитеатром спускавшиеся к морю.

Десятки тысяч прямоугольных, пирамидальных, цилиндрических сооружений образовывали длинные улицы, освещенные многочисленными гирляндами столбчатых светильников. Кое-где между зданиями двигались такие же живые

существа, как и те, которые остались за лесом у моря. Они то появлялись из своих каменных жилищ, то исчезали в них, некоторые использовали для передвижения удлиненные плоские устройства на колесах. Другие что-то передвигали, поднимали, строили.

А где-то неподалеку от этого лежал еще один город, поменьше, за ним третий, четвертый, пятый. Все побережье было застроено и заселено большими колониями быстрых подвижных живых существ, которые, по-видимому, и были истинными хозяевами планеты.

Разведочный зонд закончил исследование, поднялся на исходную орбиту и вернулся на звездолет, где возник решающий диалог между двумя главными машинами корабля.

Командир:

«Чем объяснить, что слабые существа, состоящие из органических тканей, могут существовать, выживать и даже создавать цивилизацию в этом их неустойчивом мире, раздираемом землетрясениями, вулканами, магнитными бурями, штормами?»

Анализатор:

«Вот новые результаты хронометрологического анализа. Они дают исчерпывающий ответ: время на планете „З“ идет иначе, чем у нас. Хроноускорение здесь таково, что один дбцнский час соответствует ста годам „З“-кого времени. Поэтому жители планеты не замечают сильных тектонических толчков и разрывов каменной коры, через которую прорывается раскаленная магма. По их представлениям, серьезные катаклизмы случаются крайне редко. Во всяком случае, в промежутках времени, проходящего между такими катастрофами, десятки и сотни их поколений успевают прожить свою жизнь, ничего так и не заметив».

Командир:

«Ясно. Итоговый вопрос: какие ликвидационные меры следует использовать до азотнокислотной обработки поверхности планеты?»

Анализатор:

«Здесь применимы средства уничтожения обычного типа, ничего специфического наш анализ не показывает».

Командир:

«Но есть еще биоизлучение обитателей планеты».

Анализатор:

«Это хронобиологическое поле существует лишь в узком временном диапазоне. Мы материализуем его и уничтожим».

Командир:

«Исполнительному комплексу приготовиться к работе по

Программе № 1932-Н. Пустить в действие деструктирующее излучение с предварительным его опробованием на отдельных индивидуумах – жителях планеты».

В днище корабля открылся люк, из него выдвинулся лучеметный монитор. Наводящий визир пробежал по рябой поверхности моря и вышел на пологий береговой откос. Потом он пошарил по пляжной полосе, проскользнул по лесному платановому массиву, перескочил через кустарник и вышел на цель…

Он обнял ее, поцеловал. Как уютно, как безмятежно и спокойно она обычно чувствовала себя в его объятиях. Теперь же было совсем не так. Его большая спина с широкими плечами ни от чего не отгораживала, не защищала, его крепкие руки не поддерживали. Он казался каким-то вялым, слабым, безвольным. Из них двоих теперь только она была сильной и решительной, теперь она отвечала за них обоих и за их будущего третьего, за всех, за все.

Она крепко сжала его пальцы и встала, потянув за собой. По небу плыли мохнатые обрывки черных рваных туч, с моря дул резкий порывистый ветер, бросавший в лицо холодные колючие капли редкого дождя, перемешанные с солеными морскими брызгами.

И вдруг каким-то непостижимым образом, буквально краешком сознания она увидела, почувствовала ЭТО. Наконец-то! ОНО обрело реальность, стало по-настоящему ощутимым, видимым. Вот, еще мгновение, и она уловила его образ.

ОНО было лучом. Узким, искрящимся оранжевым лучом. Он упал сверху, с неба, проскользнул по поверхности моря и стал шарить в платановом лесу, зажигая верхушки деревьев ярким ядовито-желтым светом. Потом луч выскочил на опушку, потоптался на круглых кочках, заросших высокой травой, перепрыгнул через неровные ряды старых замшелых пней и выбежал на пляжную отмель. Острые оранжевые языки пламени вспыхнули над камнями и галькой, мертвенно-бледное серое свечение покрыло песок. Потом луч расширился, превратился в толстый бесформенный столб и медленно двинулся на людей. Все ближе, ближе…

– Нет! Нет! – вскрикнула она в ужасе. – Нужно бежать. Быстрее, быстрее.

Хотя куда бежать? В горы? Нет, они не помогут, они далеко. Домой, в город, к людям? Туда тоже не добежишь, не успеешь.

– Не надо, милая, успокойся. – Он снова обнял ее за плечи. – Все хорошо, все в порядке. Не бойся ничего, я с тобой, мы вместе.

И это самое главное.

Что же такое происходит? Неужели даже теперь он по-прежнему ничего не чувствует, ничего не видит и не слышит? Но, может быть, это не он, а она ошибается, и в действительности вовсе ничего и нет, и все это только галлюцинация, сон, сумасшествие?

Она крепко зажмурила глаза, но сквозь веки еще явственнее увидела, как неумолимо приближается, подступает к ним смертоносный страшный луч.

Впрочем, теперь это уже не луч и не столб. Это целая стена, огненная, брызжущая большими острыми искрами и рваными хлопьями пламени. Она постепенно придвигается к ним все ближе и ближе, захватывая все живое на своем пути.

Вот и рой нежных игривых мотыльков, так недавно улетавших от сигареты, ничего не заметил и врезался прямо в огонь, сгорел в нем, растаял, исчез. А вон чайка в небе. Она тоже приближается к смертельной преграде. Стой, глупая птица, остановись! Не маши так стремительно своими сильными гибкими крыльями. Чувствуешь, что несет тебе навстречу ветер? Запах гари, тлена. Не лети туда, поверни назад, поближе к горам. Ты ведь можешь, у тебя такие быстрые крылья. Нет, она тоже ничего не видит, белая красавица чайка. Вот и последний рывок ее стройного упругого тела. Оборвался легкий стремительный птичий полет, только несколько опаленных перьев закружилось над морем, медленно опускаясь на воду.

Совсем уже рядом – гибель, смерть.

Но вдруг она почувствовала, что-то вокруг нее и в ней самой изменилось. Потускнели краски, приглушились звуки, ослабели запахи. Напряжение стало спадать, и весь тот ужас, который только что ее так волновал, отодвинулся куда-то в сторону. Все окружающее поблекло, отошло за какую-то странную полупрозрачную стену, которая с каждым мгновением становилась все больше, плотнее, и наконец совсем скрылось. Сплошная сферическая поверхность куполом нависла над головой, отгородила от всего света.

Стало как-то тихо, спокойно, мирно. Перед глазами побежали чьи-то лица, близкие и чужие, знакомые двухэтажные деревянные дома, заснеженный горбатый переулок. А вот и она сама, первоклашка, с коньками на белых ботинках, в длиннополой зимней куртке и шерстяной шапке-вязанке.

Сфера стала вращаться, растягиваться, наполняться новыми запахами, звуками. Растянулось и время. Горбатый переулок выпрямился, расширился, превратился в просторную ровную улицу. Низенькие домики частного сектора сменились

белоснежными многоэтажками. А это их дом-башня. Возле подъезда бурно цветет акация, косо подстриженные кусты нависают над крашеной деревянной скамьей. Вот и он, ее любимый человечек, стоит рядом, и глаза его смеются, радуются, любят. Он протягивает к ней руки и зовет:

– Иди сюда! Я давно уже жду тебя здесь.

Но что это? Его лицо вдруг бледнеет, расплывается. Дома, улица, кусты, все растворяется в густом белом тумане. Потом и он рассеивается, растекается в разные стороны. Вокруг все по-прежнему. Пляж, море, горы, небо, звезды. Но где же ее любимый? Он исчез.

Встревоженная, она вскочила на ноги, оглянулась. Его нигде не было. Яркие сполохи желтого огня бушевали далеко в стороне, за ручьем. Неужели враг направляется к городу? Какой ужас: теперь гибель грозит еще и ее близким, родным, всем, всем.

Она побежала. Рыхлый песок расползался под ногами, ветки кустарника до крови царапали руки, лицо. Она споткнулась о камень, упала, больно ушибла ногу. Что делать, где взять силы? Ей нельзя расслабляться, распускать нюни. Надо заставить себя встать, собрать всю свою волю, ощетиниться. Она поднялась на ноги, шатаясь, сделала несколько шагов и, превозмогая боль, снова побежала.

Вот и ручей. Он глухо рокочет между камнями, ворочает серую гальку. Одинокий куст опустил ветви в быстрое течение пенящейся воды. Еще издали она увидела его. Он лежал на спине, запрокинув голову и раскинув ноги. Куртка, зажатая в правой руке, свешивалась в воду, шапка валялась рядом. Она подбежала к нему, склонилась над его головой. Милый, дорогой! Дышит. Значит, жив, еще жив…

В этот момент стена за ручьем зашевелилась, меняя форму и величину, повернулась к людям прямым острым краем, вытянулась в длину и выплеснула перед собой пригоршни желтого огня. Потом она совсем изменила обличье: свернулась снова в луч, в острое огненное копье, пику и, разбрасывая вокруг себя брызги сверкающих искр, ринулась вперед.

Не подпустить, остановить! Она бросилась наперерез приближавшемуся врагу, вытянула руки и вдруг кончиками пальцев ощутила перед собой уже знакомую ей полупрозрачную гибкую завесу. Она потянула ее на себя и, не удержавшись на ногах, упала. Большой сферический купол накрыл их сверху и, как в прошлый раз, быстро уплотнился, отвердел, окреп.

Удар последовал тут же. Оглушительный грохот потряс все вокруг, ослепительное пламя взметнулось вверх. Огненный луч сломался, раскололся на куски. Его обломки свалились на землю,

сникли, поблекли и торопливо поползли к морю. Они зашипели в воде и упали на илистое дно, исчезнув в нем навсегда.

Он открыл глаза и посмотрел на нее долгим непонимающим взглядом. Потом встрепенулся, попытался приподняться на локтях, но не удержался и упал снова. Сил у него совсем не было. Она обняла его, поцеловала.

– Родной ты мой, очнись, встань.

Он опять приоткрыл глаза, узнал ее, улыбнулся.

– Я же хотел увести его от тебя подальше, – прошептал он, чуть шевеля губами, – но сил не хватило, я потерял память, сознание.

Так вот оно что, подумала она. Оказывается, он тоже все знал и чувствовал, так же как она. Только не хотел ее пугать, хотел уберечь от страха, паники. На самом деле они все это время были вместе. И только поэтому победили.

– Ничего, ничего, милый, все уже хорошо, все прошло, все кончено. – Она заплакала и протянула руку, пытаясь нащупать только что спасшую их завесу. Но ее не было.

Рядом шелестели листья приземистого куста, у самой воды шуршала галька, перекатываемая морской волной, и где-то совсем близко, за платановой рощей, шумел их родной город.

А над головами низко нависало черное бархатное небо с крупными, ярко мерцающими звездами. И одна из них, маленькая оранжевая падающая звезда медленно скользила по краю небосвода, уменьшалась, тускнела, пока совсем не ушла за бледнеющий горизонт.

ГЛОБОС

Они вышли из дома раньше назначенного времени. Перед ними была Америка, одноэтажная и небоскребная, тихая и шумная, разноголосая и многоцветная. Она шелестела листвою вермонтских лесов и грохотала поездами нью-йоркской подземки, розовела скалами Большого каньона и сверкала яркими огнями Лас-Вегаса.

Они шли рядом друг с другом, болтали на разные темы, обсуждали последний футбольный матч, новую кинокартину, а больше молчали, каждый думая о чем-то своем.

Мысли Стариона крутились вокруг былых событий проходившей жизни, вокруг утекавших лет, вокруг радостей и горестей сегодняшнего дня. Он был одинок, как бывают одиноки старики, давно потерявшие своих жен. Сын? Тот был далеко, хотя и был близко. Он жил своей семьей, своими делами, своей жизнью. Навещал отца? Увы, даже не звонил.

Взять хотя бы последнюю неделю – за семь прошедших дней не удосужился хотя бы раз позвонить. Старион ждал до среды, а в четверг решил: ну ладно уж, чего там, сам позвоню, не переломлюсь. И позвонил сыну на работу, а в ответ услышал:

– Сейчас никак не могу говорить, у меня люди. Я тебе вечером из дома позвоню.

И он сидел вечером перед мертвой безмолвной коробкой, смотрел на черные глухонемые цифры и ждал, ждал. До девяти часов, потом до десяти и одинадцати, глаза уже слипались, а звонка так и не было. И бессонной ночью он снова и снова пережевывал мысленную жвачку.

А ведь понимал, что обижаться на сына пустое дело. Все равно что злиться на свою спину за ее сутулость или на свой нос за его кривость. Но никакие самоуговоры не помогали, и Старион все грустил, печалился, тосковал.

Но вот сквозь пелену печали, сквозь мрак грусти пробился яркий луч света. Он зажег веселые огоньки в его глазах, растянул губы в улыбке, распрямил плечи. Этим «светом в окошке» был появившийся вдруг в его жизни внук. Маленькое нежное существо заполнило всю Старионову жизнь. Не было ничего важнее, чем посидеть у его постели, помочь помыться, поесть, отвести в детский садик, взять из школы.

А какая была радость пойти с мальчиком в зоопарк, в цирк, покатать его на пони или хотя бы покачать на качелях в городском парке. Как хорошо было снова ощущать себя востребованным, нужным.

Но, увы, быстро пролетело время. Внук вырос, изменился. Он уже не просился, как раньше, на руки, перестал, затаив дыхание, слушать сказки Пушкина, на уличном переходе вырывал руку из дедушкиной ладони.

А главное, у мальчика появились новые, свои собственные интересы, столь отличные от тех, что были прежде. Он уже с неохотой садился с дедом собирать игрушечный звездолет и не рвался идти с ним на детскую площадку. Вот и сегодня Старион с трудом уговорил внука провести вместе этот важный для всех день.

В отличие от деда голова Мальчиона никаких грустных мыслей не прокручивала. Вернее сказать, в ней вообще никаких мыслей не было. Только какие-то мимолетные мыслишки и мелкие сиюминутные желания. Например, в данный момент он хотел, чтобы дед свернул с дороги в сторону Лас-Вегаса.

– Ты же обещал мне показать новые шоу, – сказал он. – Я, кажется, целых три еще не видел. Говорят, они очень интересные.

Дед остановился, достал из кармана информационник, нажал кнопку, посмотрел на часы – было уже почти одинадцать.

– Ого-го, сколько времени! – воскликнул он. – К сожалению, мы ни в Диснейленд, ни в Лас-Вегас не успеваем. Придется идти прямо в Обсерваторию, иначе опоздаем.

Старион извиняюще взглянул на внука, потрепал его по волосам и прибавил шаг.

– Ты же обещал, что мы куда-нибудь сходим в этот день, – захныкал Мальчион. – Ты же обещал.

– Мы и пойдем, обязательно пойдем. Только после Этого. Не обижайся, ладно? – Дед ласково обнял внука за плечи и быстро потянул за собой.

Они шли по большому пешеходному траку, где постепенно стало появляться все больше и больше народа. Люди выходили из домов, поднимали головы вверх, потом взглядывали на часы и торопливо направлялись к дороге. Все шли в одном направлении – туда, где должно было произойти Это.

Старион тоже время от времени внимательно смотрел на небо, плотно затянутое густыми темными облаками. Впрочем это было вовсе не небо. Это был потолок, прозрачный пластиковый колпак, отделявший рукотворный мир людей от враждебной стихии страшных газовых бурь и диких пылевых смерчей, бушевавших в безжизненной атмосфере Глобоса.

Он прилетел сюда, на эту планету, с одной из последних строительно-монтажных экспедиций, когда основные работы по обустройству колонии были уже позади. В течение десятков лет вместе с другими колонистами Старион обихаживал и обживал

новую Землю. Это была тяжелая, трудоемкая работа по преобразованию безжизненной поверхности мертвой планеты в почти настоящий Земной шар. На ней появились такие же моря и реки, горы и леса, страны и города, как на Земле. Была воссоздана земная атмосфера, земное притяжение, земной климат, при этом неодинаковый в разных частях планеты. Все делалось для того, чтобы прибывающие на Глобос колонисты чувствовали себя здесь как дома. Так, русские, приезжая в Новую Россию, поселялись в домах с видом на Волгу, канадцы могли по-прежнему любоваться Ниагарским водопадом, а жители Нового Рио-де-Жанейро подниматься к висящему над городом гигантскому Христу.

Африка, Австралия, Евразия, Америка, Северный и Южный полюса – целый земной глобус был воссоздан на Глобосе. Отсюда и название. Правда, из-за меньших по сравнению с оригиналом размеров все на новой Земле оказалось уменьшенным и сжатым по высоте и ширине. Причем настолько, что, например, от Нового Лос-Анджелеса до Нового Нью-Йорка неторопливым шагом можно было дойти всего за пять-шесть часов.

О том, как создавалась колония землян, Старион многократно с подробностями рассказывал своему внуку, но тот каждый раз слушал его вполуха. Для него это была всего лишь одна из тем школьного учебника, за которую не хотелось получить двойку на уроке глобографии. Он здесь родился и вырос, для него все окружающее было своей, привычной, родной природой. Ему и в голову не приходило задумываться над тем, что окружавшие его горы и леса, холмы и перелески были сделаны не из настоящих, а из искусственных материалов.

Ничего другого он никогда не видел. Ему ни разу не приходилось ощущать, как горит лицо на зимнем морозном ветре и облезает кожа под палящими лучами летнего солнца. Он никогда не видел алых облаков на закате солнца и мерцающих звезд на ночном небе. Хотя нет, неправда, он видел их. Но только на экране, на дисплее, на мониторе или на книжной бумаге и живописном холсте.

– Ты же обещал, деда, – снова заканючил Мальчион, – давай все-таки пойдем сначала в Лас-Вегас. А потом уже на Это твое представление. Успеешь ты Его посмотреть.

– Никак нельзя, Мальча. – Дед снова нежно прижал внука к себе. – Мы ведь ждали Этого уже несколько лет. Разве можно пропустить? Если пропустим, придется опять долго-долго ждать.

– Ну и что? – не унимался внук. – Не будешь ты ничего ждать. Подумаешь, какое дело, посмотришь потом на экране, не один раз будут всюду показывать. Или возьмешь у кого-нибудь видеомем.

Если хочешь, вместе посмотрим.

– Конечно, – снова стал объяснять Старион, – можно посмотреть и позже. Пойманное сегодня изображение никуда не денется. Но ведь это будет только образ. Вживую посмотреть на Землю можно только сегодня, и только в полдень. Именно в этот момент раздвинутся облака Глобоса и Главный телескоп выхватит из Космоса кусочек мироздания с нашей родной Землей. Это же так здорово! Ты сам почувствуешь.

– Все равно это будет тоже изображение, – не унимался Мальчион. – Телескоп покажет ту же картинку, которую ты потом сможешь у себя дома разглядывать сколько хочешь.

«Какой умный и развитой мальчик, – подумал дед. – Так хорошо во всем разбирается, так много знает и понимает. Но как ему объяснить, что сегодня произойдет не простое, а особое Событие? Что это будет не обычное астрономическое наблюдение за Землей, а специальный, долгожданный сеанс встречи с ней. Сегодня соберутся ветераны колонии, чтобы всем вместе увидеть родную Землю, понастальгировать, вспомнить былое. Нет, внуку этого не понять. Только тот, кто прожил жизнь, может почувствовать тоску по тому, что было близко и дорого с детства. Только у того, кто понимает, что ему никогда-никогда не дано вернуться, щемит глаза и ноет сердце».

– Если бы я знал, что ты меня обманешь, – продолжал капризничать Мальчион, – ни за что бы с тобой не пошел.

– Как тебе не стыдно, – укорил внука дед. – Когда это я тебя обманывал? Ты же знаешь, я для тебя ничего не пожалею. И сегодня тоже – вот только закончится Это, и пойдем с тобой в Диснейленд. Разве я отказываюсь от своего обещания? – Старион посмотрел вдаль и добавил: – Ну вот, мы уже пришли, вон Обсерватория уже видна. Совсем близко.

Впереди за развилкой дороги показалось большое синее здание из стеклометалла. Со всех сторон к нему шли люди, время от времени они останавливались, задирали вверх головы и внимательно вглядывались в темно-серую поверхность пластикового купола неба.

Старион с мальчиком тоже вошли в здание. Они поднялись на лифте к выходу на крышу и оказались в открытом сверху просторном круглом зале, сплошь уставленном стойками с длинными тубусами-окулярами. Каждый такой наблюдательный прибор был толстым видеокабелем подключен к большому общему Главному радиотелескопу, нацеленному на клубящиеся над головой темные облака. Именно на полдень сегодняшнего дня выпадал этот редкий случай счастливого совпадения наибольшей близости Земли к Глобосу и обещанного Бюро

прогнозов разрыва облаков в этом районе планеты.

Возле индивидуальных телескопических устройств толпились группы людей, в основном пожилых. Это были бывшие рабочие, инженеры, строители, монтажники – эмигранты первой волны, основавшие когда-то эту далекую колонию. Они еще помнили, как пахнут весной липы Подмосковья и как стучит дождь-проливняга по крышам Лондона. Они давно не виделись и теперь, встретившись, обменивались рукопожатиями, хлопали друг друга по плечу, обнимались и целовались. Потом подходили к накрытым для них столикам и брали себе кто чашку кофе, кто кружку пива. Громкий гул голосов заглушал размеренный стук больших настенных часов, обратным счетом показывавших, сколько еще осталось минут до Того момента.

Еще издали Старион увидел своих старых друзей и направился к ним, таща за руку недовольного внука. Но тот тоже заметил своих сверстников, крутившихся возле игровых автоматов, среди них были и его одноклассники.

– Деда, – повеселел Мальчион, – можно я пойду поиграю с ребятами?

– Хорошо, но только так, чтобы я тебя видел. Далеко не уходи.

Мальчик быстро убежал, а Старион, присоединившись к группе пожилых колонистов и тут же погрузился в дружескую атмосферу легкого трепа, в котором обсуждение последних новостей беспорядочно перемешивалось с воспоминаниями о прошлом и спорами о предстоящих выборах в Совет колонии. Чем больше проходило времени, тем все чаще друзья отрывались от беседы, с нетерпением поглядывали на стенные часы и всматривались в облака над головой.

Наконец часовые стрелки начисто выстригли циферблат и соединились на цифре «12». Шум в зале почти совсем стих, группы говорунов распались, и каждый из них приблизился к своему наблюдательному прибору. Воцарилась тишина, прерываемая лишь редкими глухими покашливаниями.

Шло время. Первые быстрые минуты сложились в недолгую пятиминутку, а та сначала неторопливо, а потом все медленнее и медленнее стала подтягиваться к десяти, потом к двадцати и тридцати длинным и нудным минутам ожидания. Задрав головы, люди пристально, до боли в глазах, всматривались в плотную тьму облаков, с тревогой и надеждой выискивая в их черноте хоть какую-нибудь прогалинку.

– Глядите, глядите, – зазвучали вдруг чьи-то взволнованные голоса, – вон там на юге, смотрите! Кажется, там появился просвет!

Все бросились к наблюдательным приборам, прильнули к окулярам. Но сразу же в разных концах зала холодным душем посыпались отрезвляющие объяснения:

– Ничего это не просвет – просто след от луча телескопного прожектора.

Снова потянулись они, эти нудные минуты томительного ожидания. Только через час щелкнул динамик громкоговорителя, и на большом экране, где должно было появиться долгожданное изображение пейзажа с Земли, возникло крупное усатое лицо директора Бюро прогнозов. Оно было очень хмурым и очень озабоченным.

– Я вынужден всех нас огорчить, – сказал директор, нервно перебирая лежавшие перед ним бумаги. – Наш долгосрочный прогноз погоды в этом районе планеты оказался неверным. Он основывался на уверенности в образовании здесь газовой воронки с центробежными силами растягивания. Они должны были разорвать облачный слой атмосферы, создать окно для визуальных исследований и прямых оптических наблюдений. Но, увы, этого не произошло. Неожиданно с северо-запада сюда передвинулись большие массы газов, сформировавших обширный устойчивый циклон с плотной малоподвижной облачностью.

Мертвая тишина нависла над головой. Глухая тягостная тишина. Грусть, печаль. Лишь тихий шепот-ропот слабой волной прокатился по притихшему залу. Вслед за этим все зашевелились, заохали, заахали, откуда-то донеслось женское всхлипывание.

– Я так надеялась на встречу с дочкой, – заплакал старушечий голос, – хотела внуков увидеть, могилу мужа, свой дом родной.

Эти причитания перекрыл сердитый мужской бас:

– Что за дела такие? Почему ошиблись, почему просчитались, недоглядели? Чем раньше думали?

Ему откликнулся другой голос, еще более резкий и возмущенный:

– Это безобразие! Почему так плохо работает служба погоды? Неужели теперь снова следующей связи с Землей придется ждать много лет?

Безучастный ко всему Старион стоял у стены, опустив голову и ссутулив плечи. Как обидно, именно сегодня, в день смерти матери, он так надеялся хотя бы виртуально побывать на ее могиле.

Потом он почувствовал, как что-то мягкое и теплое прижалось к его локтю. Мальчион, внучок, хорошо, что ты есть. Он притянул к себе внука, обнял. А тот приник к нему ласково и нежно, как когда-то в его малышовом детстве.

– Не горюй, деда, не грусти, увидишь ты еще свою Землю, –

сказал внук и, достав из ящичка на стене бумажную салфетку, протянул деду. – И не плачь, не надо.

Старион вытер набухшие слезами глаза и направился с внуком к лифту. Они спустились вниз, вышли на улицу и направились в сторону дороги. В это время на поясе Стариона зазвонил мобильник.

– Привет, папаня, – услышал он голос сына. – Я знаю об этой досадной промашке Бюро прогнозов. Но ты не тушуйся, держи нос морковкой. Наша контора по программе «Искусственный климат» разрабатывает пушку для разрыва газовых облаков. К следующему сеансу связи с Землей она должна быть готова.

– Спасибо, сынок, – ответил Старион и, оглянувшись вокруг, сказал себе: «Действительно, чего это я нос повесил? Ведь еще не вечер. – Потом подумал и добавил: – Тем более, и не ночь».

МУРАВЬИ

Натрудившееся за день утомленное солнце упало на жесткую подушку серых облаков и ушло на ночлег куда-то далеко за почерневшую кромку лесного массива.

Сергей Кузьмич вышел из дома, сладко потянулся и расправил плечи, согнувшиеся под весом младшего внука. «Тяжелеет мальчишка», – подумал Сергей Кузьмич и устало опустился на деревянную скамейку, прислоненную к стене.

Дом его дочери стоял на опушке леса, дышавшего влажной свежестью и хвойным ароматом. Этот сосново-елочный рай резко отличался от его оренбургских степных перелесков, слабо сопротивлявшихся свирепой летней жаре. От нее Сергей Кузьмич и удрал сюда, в спасительную архангельскую прохладу. Правда, днем особенно долго наслаждаться ею не удавалось – все время уходило на внука.

Сергей Кузьмич откинулся на спинку скамейки, вытянул ноги и положил пятки на стоявший рядом камень. Хорошо!

Хотя, конечно, этот лес никак не мог сравниться со снящимся по ночам сосновым бором его смоленского детства. Но здесь тоже на полянках в пожухлой траве золотились головки прижимающихся друг к другу рыжиков, и на опушке чернели мясистыми ягодами колкие ежевичные кусты. А над кронами деревьев весело гонялись друг за другом быстрокрылые синицы, и суетливые белки прыгали с ветки на ветку.

Однако никто из них так не вкалывал целый день, как эти маленькие черные муравьи-трудяги, сгибавшиеся под тяжестью своих непомерных нош. Куда и зачем тащили они все эти травинки, хвоинки, кусочки листьев, комочки земли?

А-а, вот что было их домом, их крепостью, их городом, их страной. Большой муравейник прижимался к стволу высокой развесистой сосны. Геометрически правильной пирамидой с ровными треугольными гранями-стенками высился он над всеми кротовыми бугорками, мышиными норками и прочими следами зверьковой и насекомовой жизни. Почему с заходом солнца так заспешили муравьишки в свой дом, кто их там ждал, какие тайны хранились за его стенами?

Но вот уже почти совсем стемнело. Синицы перестали кружить над деревьями, белки угомонились, и за последними муравьями наглухо захлопнулись ворота их города. Мир умиротворился.

«Надо и мне на покой собираться», – подумал Сергей Кузьмич, зевнул, потянулся, развел в стороны руки. Но вдруг

будто что-то толкнуло его в бок. Он повернулся к лесу и замер от удивления: там, где только что заходило солнце, опять появился свет. Сергей Кузьмич протер глаза, но ничего не изменилось – горизонт становился все ярче и золотистее. Неужели уже утро, неужели пришло время рассвета? Но почему с запада? А может быть, это луна?

Вопрос повис в воздухе… над дальней кромкой леса, но уже через пару минут на его месте появился ответ, отсвет. Это была крупная ярко светящаяся точка. Она была намного больше самой яркой звезды и походила на осколок солнца, разбившегося вечером при падении на горизонт.

Вскоре точка стала расти и превратилась в кружок, быстро сменивший свой огненный золотой цвет сначала на желто-красный, а потом на оранжево-серый. И вот уже перед изумленным взглядом Сергея Кузьмича предстал совсем близко в небе странный дискообразный предмет со стальным отблеском ровной гладкой поверхности. Он завис над лесом, а потом медленно и бесшумно пошел на посадку.

«Летающая тарелка!» – ахнул Сергей Кузьмич и стал вспоминать, что же он знает об этих таинственных НЛО – неопознанных летающих объектах. Оказалось, почти ничего. Кроме того, что они, возможно, посланцы других миров, пришельцы из Космоса. Так ли это? Еще мгновение – и он станет единственным на Земле обладателем ответа на этот вопрос.

Летающая тарелка бесшумно приземлилась, слегка примяв высокую траву и мелкий кустарник. С четырех сторон на ее пологих скатах открылись круглые люки, и из них выкатились небольшие зеленые шары. Коснувшись земли, они тут же превратились в человечков – у них появились туловища, руки, ноги, а на головах выросли тонкие усики-антенны. Инопланетяне выстроились в стройную колонну, постояли пару минут и зашагали.

Что было делать? Первое, что пришло Сергею Кузьмичу в голову, это бежать к телефону, куда-то звонить, кого-то звать. Кого? Дочь, работавшую этой ночью в больнице, или дежурного из поселковой управы? А может быть, срочно вызвать милицию, пожарную команду, «скорую помощь»?

Нет, он должен все сделать сам. Незачем кому-то отдавать свалившуюся с неба честь встретить гостей из Космоса. Это ему, простому инженеришке из Смоленска, судьба доверила произвести первый в истории человечества контакт с другой цивилизацией. Его имя, возможно, войдет потом во все школьные учебники, как имя Юрия Гагарина. Никого не надо звать. Он вполне способен и сам достойно встретить инопланетян,

произнести приветственную речь, пригласить гостей в дом, посадить за стол. Очень кстати он только сегодня сварил борщ – свое коронное блюдо, производящее, по словам дочкиных друзей, потрясающее впечатление своим незабываемым кисло-сладким вкусом и густо-красным свекольным цветом.

Правда, в отношении речи у Сергея Кузьмича сразу же появились некоторые сомнения. На самом-то деле оратор он был никудышный, а если сказать точнее, совсем никакой. Да и откуда, спрашивается, у него, рядового инженера с «Электротехнического завода им. Ильича», мог быть опыт произнесения речей? Если и был, то совсем крошечный, совсем несерьезный: ну, кажется, пару раз он делал в цеху сообщения на политзанятиях, а еще как-то выступал на профсобрании по поводу квартальной премии. Разве это опыт? А тут такая ответственность – гости с другой планеты!

И все-таки надо было сосредоточиться, собраться с мыслями, найти хоть какие-нибудь приветственные слова. Сергей Кузьмич напрягся, наморщил лоб, и, наконец, несколько звонких фраз все же повисли у него на отклеившемся от неба языке.

– Дорогие друзья, братья по разуму! – скажет он. – В этот великий торжественный час, когда после долгих поисков наконец состоялась историческая встреча наших двух цивилизаций, я призван…

Неожиданно стройный ряд этих высокопарных слов опрокинулся, поник – убийственно простой вопрос оборвал гладкий ход мыслей Сергея Кузьмича: на каком языке говорить с инопланетянами? Не на нашем же посконном русском?

В школе он учил французский, но кроме «mercy» и «la table» ничего в голове не осталось. Нет, французский не годился.

Ну конечно, нужен был этот самый распространенный – английский. Но отношения и с ним у Сергея Кузьмича были, мягко говоря, непростые, а признаться откровенно, даже никакие. Он его «сдавал» в институте и пытался изучать самостоятельно, но толку было мало – с приезжавшими недавно к дочке американскими гостями разговора почти не получилось.

Пока Сергей Кузьмич размышлял о превратностях своего взаимодействия с неподдающимися иностранными языками, колонна зеленых человечков уже почти совсем приблизилась к дочкиному дому. Надо было срочно поднатужиться и наскрести для приветствия хотя бы несколько английских слов. Сергей Кузьмич снова натрудил голову, все-таки что-то из нее выудил, положил на язык и в порыве самоотверженности собрался уже открыть рот. Но вдруг замер в растерянности: инопланетяне шли вовсе не к нему. Они шли мимо. Куда?

Удивительно – они шли к лесу.

Он бросился за ними вдогонку, закричал что-то по англо-русски, однако пришельцы не только не отозвались, но даже головы к нему не повернули. Такое пренебрежение, такое неуважение! К нему, Человеку, представителю высшего разума на этой планете!

И куда же они могли идти еще? Сергей Кузьмич проследил направление движения инопланетян и еще больше открыл рот от изумления. Инопланетяне двигались к муравейнику!

Они близко подошли к нему, остановились, стали в полукруг и, склонившись над пирамидой муравьиного дома, направили на него свои усы-антенны. «Бип-бип» – понеслись от них позывные сигналы. «Пиб-пиб» – пропищал отклик.

«Неужели, – взорвался обидой Сергей Кузьмич, – эта старая куча грязного лесного мусора может представлять какой-то интерес, и какие-то жалкие мурашки для них важнее меня, венца творения, вершины мироздания?»

После долгого тягомотного бипиканья инопланетяне наконец закончили свое пустопорожнее занятие, отошли от муравейника, снова построились в колонну и пошли обратно. Сергей Кузьмич кинулся им наперерез.

– Ошибка, мистейк! – вскрикнул он.

Но инопланетяне, как и прежде, не обратили на него никакого внимания. Они явно пренебрегали им и шли мимо.

Когда они были совсем близко, Сергей Кузьмич вдруг подумал, что надо рассмотреть пришельцев повнимательнее. Он достал из бокового кармана куртки очки, нацепил их на нос и напряг зрение. И тут снова ахнул от изумления – на инопланетянских головах-шарах не было ни глаз, ни рта, ни носа, ни ушей. «Так вот оно что, – хлопнул себя по лбу Сергей Кузьмич, – никакие они вовсе не братья по разуму, никакие не гуманоиды».

Его догадка тут же обрела конкретику: ну конечно, это просто механические безмозглые автоматы-роботы. Или вообще даже бестелесные голографические изображения. И посланы они на Землю не для исторического контакта с человечеством, а для того чтобы пролезть в людские тайны, завладеть промышленными секретами фабрик и заводов. Коварные же муравьишки, подлые твари, соглядатаи, работают на их вражескую планету, шпионят, воруют чужие now how. Недаром они шныряют повсюду, во все щели влезают, даже на кухне по полкам бегают. Бывает, и в рукав или за шиворот заберутся. Да еще больно кусаются, гады.

«Тьфу!» – Сергей Кузьмич сплюнул в сторону накопившуюся во рту желчь, встал со скамейки и, проводив презрительным взглядом исчезавшую в небе летающую тарелку, направился к

дому. Пора было уже ему наконец-то спать ложиться, завтра опять надо будет рано вставать.

СМЕРТЬ ШАХИДА

В один из шумных торговых дней к средиземноморскому порту Акко подошла небольшая двухмачтовая фелюга с серыми полотняными парусами. Она остановилась на рейде вблизи берега в ожидании своей очереди подойти к причалу. На палубу поднялся высокий старец с длинной седой бородой в долгополом черном плаще и высокой островерхой шляпе. Он достал из кожаного чехла-цилиндра большую подзорную трубу, раздвинул ее и направил на берег. Долго не отрывал он глаз от окуляра. В круглой черной оправе одна за другой проплывали перед ним яркие картины бойкого восточного базара.

Плотно застроенный двухэтажными домами из серого камня и желтого саманного кирпича средневековый Акко бурлил торговыми страстями. Амбары с рисом и фуражом, лавки купцов с одеждой и мехами, прилавки с керамической посудой и остроносой обувью длинными рядами вытянулись вдоль набережной.

Здесь торговали браслетами из Аль-Кахира, стеклянными штофами из Генуи, кожаными седлами из Эпидавра, багдадскими фаянсовыми чашами и персидскими паласами из Эрана.

Арабы, греки, персы, одетые в разноцветные плащи, накидки, платья, толпами бродили по узким торговым улочкам и набережной города. А к причалу подходили все новые тяжело груженные фелюги, баркасы, лодки из греческого Коринфа, кипрского Саламина, египетского Фароса и даже из далекой черноморской Таврии.

Прошло несколько минут. С минарета в городе, призывая правоверных к молитве и омовению, закричал тонкоголосый муэдзин. На сторожевой башне громко ухнула медная труба. Железная цепь, преграждавшая вход во внутреннюю гавань, загрохотала и медленно заскользила к овальной нише в нижней части башни. И тут же в порт вошла большая многовесельная каторга-галера, в трюме которой сидели прикованные к скамьям и никогда не выходившие на свет черные гребцы.

На приблизившемся к берегу левом борту каторги появились две фигуры: худощавый мальчуган лет двенадцати и коренастый приземистый крепыш с пышными черными усами. Он схватил мальчика под мышки и быстро выпрыгнул с ним на щербатые доски причального настила.

Старик внимательно вгляделся и вдруг замер от страшной догадки – на поясе мальчика висела длинная плетеная веревка. Другой ее конец был прикреплен к запястью правой руки

мужчины. Окуляр помутнел, покрылся туманной пеленой, подзорная труба вздрогнула, задрожала и прыгнула вверх. В другое пространство, другое время…

По серому асфальту тротуара шел худенький черноглазый мальчуган в коротких протертых джинсах, прорванных на носу кроссовках и выцветшей бейсболке. Он двигался медленно, останавливался возле витрин магазинов, кафе, ресторанов и с чуть скрываемым любопытством разглядывал одетых в яркие одежды манекенов и сверкающие на солнце серебряные графины, фужеры, рюмки и подносы.

Куда он шел? Может быть, вон к тому большому белому зданию торгового коньона? Он приблизился к нему, но вдруг остановился – на него пристально смотрел стоявший у входа охранник. Мальчик круто повернулся на стоптанных каблуках и пошел назад. Теперь его путь направлен к гудящему неподалеку на набережной разноголосому восточному базару-шуку. Конечно, его влекли к себе бесчисленные лотки, где золотились стройные пирамиды апельсинов и выложенные кирпичиками горы кураги, где пересыпанная ледяной крошкой серебристая кефаль лежала рядом с толстой темнокожей туной. Именно на запах шашлыка и люля-кебаба, на аромат фелафелей, турецкого кофе и жареных каштанов шел этот мальчик. Его взгляд издали жадно хватал лежавшие длинными рядами горки пастилы, зефира, пахлавы, щербета, халвы. Он пошел было к одному из этих сладких столов, но, увидев приблизившихся с другой стороны солдат в камуфляже, быстро повернул назад.

На углу улицы стояла группа бородатых хасидов, одетых в длиннополые черные плащи и такие же черные широкополые шляпы. Заметив проходившего мимо мальчика, один из них прервал беседу, повернулся и проводил его долгим изучающим взглядом.

Неужели все эти хасиды, солдаты, охранники не понимали, кто мимо них проходил? Ведь так просто по согнутой спине с опущенными плечами, неловким движениям рук и неуклюжей походке угадать тяжелый шахидский пояс, привязанный к впалому животу мальчика. А его бегающие по сторонам испуганные глаза, пугливое оглядывание назад – разве не признак тревожного ожидания чего-то страшного и неотвратимого.

Старик безошибочно распознал в мальчике шахида еще и потому, что в свое время видел у султана в Фалудже специальные питомники, где выращивали маленьких смертников. Мальчиков

отбирали у матерей, едва они начинали ходить, и сразу надевали на них тугие кожаные ошейники с обращенными внутрь острыми металлическими шипами. Ошейники не снимались ни днем, ни ночью. За любое непослушание свирепые надзиратели-мамлюки дергали детей за поводки, и шипы больно врезались в шею. Учили их только одному – беспрекословному подчинению любой команде поводыря. А тот мог ни с того ни с сего приказать прыгнуть с крыши высокого дома или войти в клетку с диким тигром. Кормили малышей впроголодь и, как поощрение, давали по маленькому куску жженого сахара. А целым мешочком этой сладости награждались те, кто выполнял какое-нибудь более серьезное учебное задание. Например, залезал голым в чан с чуть остывшим кипятком или прокалывал сам себе иголкой ладони.

Мало кто из этих детей доживал до четырнадцати-пятнадцати лет. Однажды в жизни каждого из них наступал тот решительный момент, ради которого ему и приходилось все эти годы терпеть непреходящие муки, боль и страх. В этот радостный час с него наконец снимали ненавистный ошейник. Теперь он мог легко и свободно вздохнуть, расправить плечи и почуствовать себя на краю блаженства. В этот день его с утра хорошо кормили и давали сладости.

Но длинный, сплетенный из прочных шелковых нитей поводок совсем не убирали. Вместо ошейника его привязывали к широкому кожаному поясу, под которым плотными рядами подвешивались мешочки с порохом и взрывчаткой.

Живая бомба вместе с поводырем направлялась к стану противника. Мелкими перебежками и ползком мальчик приближался к шатру вражеского военачальника, незаметно пробирался внутрь и, оказавшись у цели, посылал поводком сигнал о своей готовности. В ответ поводырь тоже сильно натягивал поводок, потом резко его тянул на себя, дергал взрыватель, и все вокруг погружалось в огонь, дым и пепел. А ребенок наконец-то отправлялся туда, где его ждал большой сочный кусок жареной баранины и целая пиала рассыпчатого, тающего во рту золотистого жженого сахара.

Бывали случаи, когда поводырям удавалось остаться живыми…

Шахид XXI века также был на привязи. Его поводырь, усатый мужчина в помятом сером костюме, сидел за столиком возле входа в кафе и потягивал через трубочку коку из фирменного бумажного стаканчика. Напротив лежал мобильный телефон – его зеленой кнопке, по-видимому, и надлежало освободить на шахидском поясе предохранитель и выдернуть чеку взрывателя.

Средневековый шахид всегда был нацелен на определенного врага. В мирное, как теперь, время это мог быть неугодный айябский везирь в Каире или непокорный эмир Омана. А какую цель преследовал сегодняшний самоубийца? Не направлялся же он, в самом деле, вон к той группе туристов в разноцветных шортах, непрерывно щелкавших фотокамерами? Наоборот, он явно их сторонился, боясь попасть в объективы. И конечно, нелепо было подозревать его в намерении взорвать себя в стайке громкоголосых ребятишек, резвившихся на набережной под присмотром молоденькой воспитательницы. Вообще вряд ли ему была известна цель, на которую предстояло выйти. Не потому ли он выглядел таким неуверенным и нерешительным? Впрочем, возможно, не знал эту цель и тот усатый поводырь, вероятно, ему тоже откуда-то должны были послать команду.

Неожиданно старик почувствовал: что-то изменилось. То ли в походке мальчика, ставшей менее шаткой, то ли в его испуганных глазах, переставших так часто шарить по сторонам. Но что-то стало не так. Быть может, где-то там, у главного шахидского начальника, наконец принято решение, определена цель. Какая?

Старец отвел глаза от окуляра и посмотрел вдаль – обзор стал шире, взгляд охватил всю набережную, соседнюю улицу и привокзальную площадь. И вдруг ему сразу стало ясно, куда шел шахид. Конечно, к автобусной остановке. Кто там был, какого врага следовало уничтожить, зачем, почему?

У столба с автобусным указателем стояла мамаша с двумя малышами, одного она держала за руку, другой сидел в прогулочной детской коляске. Рядом веселились три девочки-хохотушки с ранцами за плечами, наверно, после школы ехали домой. Здесь же, на деревянной скамье, сидели две пожилые женщины, у них на коленях стояли большие пластиковые сумки со свесившимися вниз пучками зеленого лука и редиски. А к спинке скамейки, опираясь на фасонистую узловатую палку, прислонился немолодой мужчина в широких вельветовых брюках и серой рубашке навыпуск.

Кто из этих с виду совершенно безобидных людей мог быть вреден кому бы то ни было, почему их следовало уничтожить, чьи они враги? Было совершенно непонятно.

И вдруг старик подумал: а почему, собственно говоря, он стал подозревать в этом мальчике шахида? Глупость, ошибка. Тот просто шел к автобусу, собираясь куда-то ехать.

Старец перестал напрягать зрение, задумчиво покрутил в руках подзорную трубу, потом сложил ее и стал вкладывать в чехол. Но тут что-то заставило его вздрогнуть, он снова раздвинул тубусы и прильнул к стеклянному кружочку. Ах, вот

оно что – человек с усами отодвинул от себя стаканчик коки, быстро встал из-за столика и торопливо направился тоже в сторону автобусной остановки. В его руках яркой вспышкой сверкнул на солнце мобильник. Все стало ясно. Ну конечно – сейчас мальчишка сядет в автобус, а усатый нажмет кнопку.

Старец занервничал, засуетился. Надо предотвратить несчастье, спасти ни в чем не повинных людей, этих девочек-школьниц, старушек, пожилого человека, малышей с мамой. Он бросился к трапу, спустился на берег и устремился к выходу из порта. Еще мгновение, и перед ним открылись ворота на улицу. Бегом, бегом, скорее. Успеет ли? Автобус уже появился из-за поворота, еще несколько кварталов – и он подойдет к остановке.

Старик почти уже добежал до перекрестка, на противоположной стороне которого должен был остановиться автобус. Неожиданно дорогу перегородил огромный грузовик, перевозивший строительные блоки. Пока он неторопливо проезжал перекресток, автобус совсем приблизился к остановке, затормозил, остановился. Старик издали увидел, как двери открылись и мальчик-шахид, проскользнув между другими пассажирами, быстро вошел внутрь.

Да, самоубийцу уже не поймать. А может быть, удастся остановить усача-поводыря, схватить за руку, не позволить нажать кнопку? Старик посмотрел вокруг – где он? Его нигде не видно. Возможно, спрятался в одном из магазинов или кафе на той стороне улицы. Или затерялся среди пешеходов, идущих по набережной.

А автобус уже тронулся с места. Надо было во что бы то ни стало его остановить. Старик бросился наперерез.

– Стойте!! – громко закричал он, замахал руками. Но никто не услышал и никто не увидел. Выпустив струйку дыма из выхлопной трубы, автобус отъехал от остановки и стал быстро набирать скорость.

Взрыв прогремел сразу за перекрестком. Выше всего взлетела детская коляска с привязанной к ней малышкой. По странной счастливой случайности она единственная из всех осталась жива. Наверно потому, что коляска упала на крышу стоявшего напротив дома. Туда же упала узловатая деревянная палка, в рукоятку которой крепко вцепились пальцы оторванной по локоть руки.

Черный хвост дыма с обрывками пламени и искрами пепла взметнулся вверх и, превратившись в серое облако, затемнил небо. День торопливо уходил в ночь…

Белое солнце пустыни спустилось с небесных высот и, теряя свою белизну, сначала пожелтело, потом стало оранжевым и,

наконец, красным шаром коснулось далекого горизонта. Космический светолет Комплексно-исследовательской службы (КИС) медленно пролетел над бескрайними просторами песчаной пустыни и завис над длинным пологим пляжем – границей суши и моря.

К приборам внешнего наблюдения подошел высокий седой старец в черном рабочем комбинезоне и островерхом головном уборе с датчиками ближней и дальней связи. Он прильнул к окуляру и стал внимательно разглядывать поверхность земли. Где-то там у кромки воды находился объект, который предстояло исследовать. Но где? Отыскать его было непросто.

Внизу бушевала свирепая песчаная буря. Ураганный ветер высоко к небу поднимал огромные тучи пыли, закрывавшие землю плотной, почти сплошной непроницаемой завесой. Только изредка порывы ветра немного стихали, прячась в больших серо-желтых барханах. Их серповидные гребни лениво пылились и медленно перемещались то в одну, то в другую сторону. На многие сотни и тысячи километров до самых гор тянулась эта мертвая мрачная пустыня.

А когда-то здесь кипела жизнь и пересекались во времени и пространстве сменявшие друг друга великие человеческие цивилизации. Среди них одной из самых счастливых была эпоха Арабского халифата – огромной мусульманской державы, простиравшейся от границ Индии до берегов Атлантического океана. Это она вписала самые блестящие страницы в долгую историю Переднего Востока, Средиземноморья, Средней Азии, Кавказа.

Предшественники арабов – гунны, сарматы, татаро-монголы и другие варвары – покорители мира приносили народам почти всегда только разрушения и отбрасывали цивилизацию назад. В отличие от них арабы времен халифата, наоборот, являлись поборниками науки, торговли, ремесленничества. Будучи довольно терпимыми к разным религиям и верованиям, они стали объединителями и переносчиками культуры, искусства Запада и Востока, развивавшихся до этого изолированно друг от друга. Они дали миру великих философов, математиков, астрономов, оставили после себя множество важных достижений науки, в том числе, например, десятичную систему цифр.

Но, как и каждая эпоха человеческой истории, арабское средневековье, кроме всего хорошего, подарило наследникам и целый ряд мерзких изобретений. Одно из них, шахидство, пережило века и более чем через тысячу лет неожиданно снова возродилось. Причем в самой ужасной форме, став настоящим оружием массового уничтожения. Именно оно оказалось главной

причиной гибели человечества. В 3-м тысячелетии волны террора, убийств, самоубийств и самосожжений стали накатываться одна за другой. Море крови затопило города и страны. Тогда впервые и начали строиться «ноевы ковчеги» – большие космические корабли-паромы. На них сотни тысяч переселенцев-эмигрантов отправились обосновываться заново в колониях на Луне, Марсе, Венере и планетах других звездных систем.

А потом, как наказание Божье, произошла та страшная климатическая катастрофа, которая уничтожила все живое на Земле. Глобальное потепление климата и последовавшее за ним иссушение атмосферы привело к исчезновению на планете пресной воды, ушедшей глубоко в земные недра. Высохли реки, озера, водохранилища, небо перестало покрываться облаками. Жаркие солнечные лучи, космическая радиация и жестокие суховеи истребили леса, траву и вообще всю растительность, вслед за чем погибли насекомые и животные. Повсеместно воцарилась голая мертвая пустыня.

…Прошли десятки, сотни тысяч лет, и вот теперь наступило время, когда Аридная эра в истории Земли стала заканчиваться. Как и когда-то после IV ледникового периода, планета снова начала оживать. Из ее недр поднялись сначала струйки, а потом потоки пресной ювенильной воды. Началось ее испарение, по небу побежали облака. То тут, то там в понижениях рельефа стали появляться первые следы растительности – кустики кендыря, ростки эфедры, а вблизи гор кое-где зазеленели небольшие семейки низкорослых кактусов.

Задачей научно-поисковой экспедиции КИС-32 было обнаружение и исследование мест обитания людей доаридного периода. Здесь на берегу моря стоял большой город, торговый и научный центр, где сходились дороги с запада и востока, с севера и юга. Теперь все было погребено под толстым слоем песка. Где-то глубоко в земле стояли полуразрушенные жилые дома, офисные здания, театры, торговые центры.

Старик оторвался от наблюдательных приборов, подошел к трапу и спустился в посадочный модуль. Через несколько минут он был на поверхности Земли. Притихшая на время песчаная буря сменилась тихой поземкой, струившей пылевые потоки у ног исследователя. Он расчехлил поисковые зонды и начал делать общую археологическую съемку района. На появившейся мониторной карте обозначились ушедшие глубоко под землю улицы города, кварталы домов, русло бывшей реки. А вот и набережная с выходом на причал, где стояли плохо различимые сейчас остовы катеров, яхт, баркасов.

А это что такое? Кажется, в те времена ездили на таких вот средствах передвижения. Назывались они – автобусы. Эти машины принадлежали так называемому индустриальному веку. На самом же деле то была эпоха самоедства, когда люди сотнями миллионов этих автобусов и других потребителей энергии съедали недра собственной планеты. В конце концов они истребили все ее запасы, все полезные ископаемые, всю нефть и остались вообще без энергоносителей. Они еще не знали тогда, что энергию можно брать прямо из Вселенной, используя обычные космические лучи.

Археологический электронный щуп проскользнул по жилым кварталам подземного города, пробежал по его бывшей деловой части и наконец вышел к тому месту, которое было задано поисковой программой. Это было невысокое круглое в плане здание-ротонда, украшенное фигурной лепниной и рельефным фронтоном. Здесь находился главный информационный центр того времени – библиотека. В нем хранились многие десятки тысяч старинных книг, брошюр, манускриптов, папирусов. Это было бесценное собрание сведений об ушедших временах, о тайнах веков. Поэтому оно и программировалось как главная цель археологических исследований экспедиции КИС-32.

Старик поводил пальцем по планке сенсорной настройки и определил координаты объекта. Потом нажал кнопку на своем головном шлеме и вызвал археолога-землекопа. От посадочного модуля отделился ковшеобразный робот с прямой и обратной лопатой. Он выкатился на заданную точку и врезался в землю. Через некоторое время на поверхности появились фрагменты стеновых панелей, остатки каменных опор, обломки мебели. Но вот, осыпая песчаную пыль, перед взором старика появились стеллажи книг. Пролежав десятки тысяч лет в сухом песке без воздуха и влаги, они прекрасно сохранились.

Старик взволнованно смотрел на стоявшие перед ним сокровища. Он с трепетом протянул руку к толстым фолиантам, одетым в потертые кожаные переплеты. И рука сама нащупала то, что он искал.

Это была его, старика, «Книга путей и царств», изданная в 930 году в Багдаде. Он стряхнул песок с книжной обложки и нежно ее погладил. Пальцы вспомнили теплую шероховатую поверхность, открыли титульный лист. На нем в изысканной витиеватой вязи печатных букв красовалось его имя – Ал-Истахри Абу Исхак ал-Фариса. Это был он – известный историк и географ арабского Возрождения. Родившийся в персидском Фарсе, он в поисках чудес и открытий объехал всю Персию, Среднюю, Южную, Западную Азию и описал их в этой своей знаменитой

книге.

Теперь снова пришло его время.

ПИСЬМО С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ

Исследовательский модуль отделился от экспедиционного звездолета и совершил мягкую посадку на поверхность далекой планеты. Две тысячи лет назад где-то здесь бесследно исчез геологоразведочный отряд, занимавшийся поиском молибденового месторождения. Только после многих усилий локаторный луч обнаружил высоко в горах на заваленной камнепадом мульде нечеткие следы того, что когда-то было людьми.

Под толстым слоем слежавшейся осыпи не сохранилось почти ничего, что могло бы рассказать о случившейся когда-то трагедии. Кроме небольшого компьютерного стика, чудом уцелевшего от катастрофического камнепада.

Археологам и историкам пришлось немало потрудиться, пока им удалось расшифровать древнюю буквопись и прочесть письмо, написанное давно забытым языком далеких предков.

Вот оно.

Маришенька, милая, здравствуй!

Прости, что так долго тебе не писала и даже не ответила на твое письмо, которое получила еще на корабле. А потом после прибытия сюда, на планету, не было ни одной свободной минуточки. С утра мы уходили в длинные маршруты, возвращались на базу поздно, изматывалась до чертиков.

А вот теперь неожиданно у меня оказалась масса свободного времени, так что можно не только письмо, а целый роман написать. У нас произошло ЧП. Ты, наверно, удивишься и скажешь, какие в наше-то время могут быть у геологов ЧП, когда Межзвездная служба, фотоноракеты, гравитационные везделеты и другие чудеса XXX века совсем не оставляют места для происшествий. Представь себе, могут. Да еще каких! Расскажу все по порядку.

В понедельник на прошлой неделе мы вышли в очередной маршрут из нашей базы, расположенной у подножия большого горного хребта. Нас пятеро: геолог Костя Пелевин, геохимик Борис Михайлович, техник Леша Веткин, студент Эдик Берлин и я. Район, где мы работаем, совершенно белый – есть только 100-тысячная топографическая киберофотосъемка. И хотя наш квадрат находился на довольно солидной высоте, но маршрут на этот раз был небольшой и несложный. Никаких вездеходов и везделетов поэтому мы не взяли, пошли налегке, с рюкзаками и

палатками, как простые туристы на отдыхе.

Когда мы прошли перевал, Костя заметил на лежавшей немного в стороне от нашего маршрута горной мульде какие-то гранитно-базальтовые обнажения.

– Ребята, – сказал он, – давайте-ка заскочим к ним на часик-два, пощупаем, что там внутри, – чую я: на этой синклинали могут быть кое-какие зацепки на молибденовую залежь.

Мы свернули в сторону и прошли еще пару километров по негустой лесной заросли. Остановились на короткий привал.

Вот тут-то, Маришка, и случилась беда. Около часу дня сзади нас раздался страшный грохот. Встревоженные, мы повернули к перевалу и замерли в ужасе: на северном склоне, там, где мы только что были, произошел громадный обвал. Серая дресвяная лавина соскользнула вниз и обнажила крутой зыбкий обрыв, подвижка которого продолжалась на наших глазах. Внизу, под обрывом, как нашкодивший зверь, виновато ворчал бурливый водный поток, это он подточил осыпь. Так мы сначала подумали. А потом, разобравшись, поняли – нет, не он кинул нам подлянку. Это глубинный тектонический толчок перекрыл обратный путь на базу. Оказалось, у здешних недр очень крутой нрав – молодая планета, ничего не поделаешь. У нее внутри все кипит, клокочет – только и жди очередной глубинной бури.

– Все было бы ничего, – сказал Костя после каких-то своих расчетов. – Но беда в том, что, кажется, мы с вами попали в сильно опасную сейсмическую зону – неровен час, землетрясение может повториться, и с северного склона снова обрушится камнепад.

Много раз мы пытались выбраться отсюда. Приходилось пробираться через заросли густого колючего кустарника. Иногда, чтобы пробить тропу, даже доставали огнестрелы. Намучились мы здорово, но каждый раз выходили… к другим многосотметровым обрывам, оказалось, они окружают нас теперь почти со всех сторон. Ужас!

Потом мы стали делать попытки найти проход через боковые осыпи, но все безрезультатно – пути отсюда нет… Так что, как видишь, ЧП – настоящее.

Вот уже несколько дней, как мы здесь. Конечно, знаем (уверены, а как же иначе?), что нас будут искать и найдут. Круглые сутки посылаем сигналы, может быть, их уловит какой-нибудь случайный звездолет. Ждем. Правда, есть тревожное подозрение, что окружающие место нашего заточения горы экранируют и не пропускают сигнальные посылы. Но, может быть, это и не так. Надеемся.

По утрам нас с аппетитом жрут паразиты, воздух прямо-таки

кишит ими. Тучами налетает какая-то очень похожая на нашу земную мошка, крупные комары, мелкие комарики, мокрянка. Сетки почти не помогают – в них набивается мелочь, жужжит, как эскадрилья везделетов, и ест, ест… Особенно вредная тварь – мокрянка. Она настолько мала, что ее не видно, только ощущаешь какую-то сырость на коже. А потом руки и лицо зудят, как от крапивы.

Вот и наплакалась я тебе. А вообще, конечно, ничего особенно страшного нет. Красотища вокруг изумительная, почти земная, как у нас где-нибудь в Саянах! Горы, которые здесь проглядываются с ног до головы, в ясную погоду демонстрируют нам свои наряды. Внизу на них надеты темно-зеленые юбки густых непроходимых лесов, выше – кружевные кофточки коричневато-бурых скал, а на самом верху – ярко-белые снеговые шапки. Здесь много цветов. Мальчишки как-то принесли мне два великолепных белых букета, бутоны – прямо наши рододендроны, а Эдик где-то на скале заметил даже что-то вроде эдельвейса и грозится слазить для меня за этим невянущим цветком любви и мужества. Особенно красивы здесь ночи. На Земле редко такие увидишь. Звездное небо четкое, ясное, как в планетарии, звезды ярко светят, и от них светло. Падает их множество, прямо на голову. Я, конечно, все загадываю… сама знаешь о ком. Хуже, когда с вечера небо затягивают облака, тогда темнота становится совсем черной, таинственной и жуткой.

Главное, ребята наши – замечательные. Я еще тебе о них ничего не рассказала. Костя Пелевин – длинный и худой, как жердь, уже немолодой человек, отпустил рыжеватую бороду (говорит, для пижонства, но я думаю, ему просто лень бриться). Костя из категории энтузиастов, увлечен своим молибденитом, говорить о нем может часами. По вечерам за ужином он нам читает целые лекции по геологии, которые обильно пересыпает разными баснями и анекдотами.

Эдик Берлин – черноволосый курчавый юноша, мечтатель и романтик, турист с большим стажем. Учится в Институте звездной геологии. У него пунктик: он сочиняет песни, при этом очень здорово, страшно музыкальный парень. Например, на днях он вот что нам выдал:

Не горюйте, ребята, не нойте,
Лучше песенку эту пропойте.
Все равно придется нам
Вновь тащиться по горам.

Здесь на Землю все очень похоже:

Те же горы и небо все то же,
А вглядеться – все не так,
Даже лес наискосяк.

Ничего, что обвалы грохочут,
Ничего, что устали мы очень.
Все равно пойдем опять
Молибден в горах искать.

Пусть в лесах затерялись дороги,
Пусть не держат разбитые ноги,
Все равно наступит день,
И найдем мы молибден.

Прячет рудную залежь планета
И не хочет раскрыть нам секреты.
Все равно руду найдем,
Молибден Земле пошлем.

А если б ты слышала, какой отличный мотивчик у этой песенки, мы ее очень полюбили и с удовольствием горланим по вечерам.

Вообще Эд – по-настоящему одаренный парень, кроме музыкального у него еще явный художнический талант. Он постоянно притаскивает какие-то коряги и сучья, которые превращает в забавные фигурки и рожицы. Как-то под утро (еще было темно), я вылезла из своей палатки и чуть не умерла со страха: прямо на меня смотрел страшный идол с рогами и клыками – это Эдик обработал пень от недавно срубленного нами дерева. Вот будет загадка для археологов, если они сюда когда-нибудь попадут!

Леша Веткин – 19-летний провинциальный парень, угловатый, нескладный, с бледным прыщеватым лицом, слегка заикается. Он приехал к нам в Головную планетную экспедицию откуда-то из-под Тюмени, на летную или космодромную службу его почему-то не взяли. Основная черта Лехи, после бесцветности, – это безобидность и доброта. Леха – тугодум, шуток совершенно не понимает. Когда над ним подшучивают (а это бывает часто), он обижается и, вместо того чтобы ответить тем же, забавно надувает губы, как маленький. И вообще он со странностями. Однако в целом Леха неплохой парень, всегда безотказно и старательно выполняет все поручения, ко мне относится с трогательной предупредительностью и вниманием.

Борис Михайлович – низкорослый крепыш с помятым лицом 55-летнего холостяка. У него длинное нервное лицо с близко поставленными маленькими глазами. Всегда почему-то ходит в щлемофоне. Б. М. – значительно менее знающий, чем Костя или Эдик (кажется, у него даже нет специального геохимического образования). Однако он любит блеснуть своей хорошей памятью, особенно на цифры, и вечно старается показать свою общую «ерундицию», как говорит Эдик. Например, когда нас ест местная стервозная мошка, он высказывается примерно в таком духе:

– А знаете ли вы, други, что наши родные земные комарики делают своими крыльями до 1000 взмахов в секунду, что не смог бы обеспечить ни один из самых высокооборотных вездолетных двигателей.

Или, например, вчера за вечерним столом он туманил нам мозги такими вот умствованиями:

– Задумывались ли вы, други, над тем, как жестоко Творец задумал живой мир. В основе его лежит Зло. Не было бы зла – не было бы жизни. Ведь как оно устроено: кузнечик жует травку, лишает ее существования, кузнечика сглатывает лягушка, а ту хватает цапля, которую, в свою очередь, сжевывает крокодил. И эта цепочка нигде и никогда не прерывается, и чем дальше приближается к Венцу творения, тем зло становится злее, изощреннее, коварнее. Злоба, ненависть, безжалостность – разве не они позволяют живым выживать, поглощая друг друга?

Эти вот его дурацкие разглагольствования, да и вообще его манера говорить, эти «други» меня почему-то раздражают. Но, наверное, я к нему несправедлива… Понимаешь, Мариша, Б. М. часто смотрит на меня каким-то неприятным обмеривающим взглядом, в котором то ли вожделение, то ли насмешка, не пойму. А вообще я тебе написала какую-то чепуху, извини.

Маришка, дорогая!

Я прервала свое послание тебе больше недели тому назад, теперь пишу снова, хотя не представляю, как и когда оно к тебе попадет, связи ни с Землей, ни со Службой спасения нет и неизвестно, когда будет. На всякий случай ты должна знать все.

Вот уже несколько дней, как у нас совсем кончились продукты (вплоть до самой последней банки). Перешли на «подножный корм», как древние люди Докосмической эры – обзавелись всякими кастрюлями, ведрами (смех один), варим пищу на кострах, подобно геологам какого-нибудь XX или XXI века (у них это почему-то считалось какой-то «романтикой», чудаки какие-то).

Но и этого самого «подножного корма» здесь очень мало.

Ребята каждый день ходят на промысел, но пока с очень слабоватыми результатами. Грибов или ягод на этой планете нет совсем.

Животный мир тоже не очень. Пару раз мы встречали каких-то странных безногих существ типа наших черных медведей, которые ничего не боятся и подглядывают издали за нами из-за деревьев. Не знаем, опасны они или нет. Варим так называемый «бульон» – вода с капсулами омлета и маргарина, несколько пачек еще осталось. Кроме этого едим шишки с местных деревьев, смолистые и противные. К тому же они еще зеленые, сами вниз не падают, приходится или лазать за ними, или рубить деревья, ни на то, ни на другое ни у кого уже нет сил. Вообще стараемся поменьше двигаться, лежим в спальных мешках и палатках, почти без движений.

По ночам становится довольно-таки сыро и прохладно. Все отощали, представь себе, даже я. Меня уже, как раньше, не назовешь Валена-пончик. Ничего у меня уже нигде не осталось, даже лифчик обвисает. Настоящая дистрофичка. Но, сама понимаешь, я этому даже немного рада: всю жизнь ведь стремилась похудеть, вот и дождалась.

В общем, все держатся хорошо. Эдик и Костя, по своему обыкновению, острят, за вечерним сбором, как и прежде, разговоры, шутки, песни. На днях произошел такой комичный случай. Сидим за «трапезой», обсуждаем свое отчаянное положение, шутим. Эд самым серьезным тоном говорит:

– Ну, Леха, готовься, тебя первого лопать будем. Все равно погибать. Надо же с кого-то начать. Валена, налей ему побольше бульону, пускай подкрепляется, чтобы жирнее был.

Лешка молчит и глуповато улыбается. Конечно, не может же он не понимать, что это шутка. И все же в его глазах вместе с обидой – явный испуг. Он забавно моргает своими большими, почти девичьими ресницами и дуется. Всем смешно.

За разговорами проходит час, другой. Вдруг кто-то замечает, Леша исчез. Смотрим вокруг – его нет, зовем – не откликается. А уже темно. Посидели еще немного, потом, чертыхаясь, пошли искать. Долго ходили по темному плотному кустарнику и наконец обнаружили Леху у обрыва. Он сидел одинокий, понурый, какой-то взъерошенный, а рядом лежал огнестрел. Эдик направился к нему.

– Эй, Леха, иди в палатку. Ты что, обиделся?

И тут наш безобидный тихоня вытер нос рукавом и поднял с земли огнестрелку.

– Не подходи, стрелять буду.

И хотя это было сказано довольно-таки нерешительно, мы

поняли: наконец-то у парня прорезается характер, и он хочет, чтобы его принимали всерьез и перестали подшучивать над ним. Эдик потоптался на месте и вернулся к нам:

– Э, братцы, кажется, на наших глазах рождается мужчина.

Мы постояли еще немного и затем, решив не мешать становлению мужского характера, повернули обратно.

А Леша вернулся только часа через три. С этих пор шутки над ним почти прекратились.

Опять, Мариша, я прерывала свое послание – мы снова делали попытку пробиться через обвал. Два раза пробовали, ничего не получилось. Снова вернулись к нашему лагерю. Непрерывно посылаем сигналы бедствия, надеемся на лучшее. Нас должны найти!

Произошло одно очень неприятное и загадочное событие, совсем испортившее мне настроение. Расскажу все подробно. Начну, пожалуй, вот с чего.

Два дня назад вечером я сидела у костра и штопала свою штормовку, которая изрядно поизносилась. Ребята уже разошлись по палаткам, остался один Костя. Он был сегодня какой-то серьезный, задумчивый. Поговорили о том о сем, а потом Костя сказал:

– Захотелось мне почему-то, Валена, рассказать тебе одну небольшую историю очень далекого времени, когда шла на нашей старой матушке-земле Вторая мировая война. Описал ее в своих воспоминаниях, хранящихся в наших семейных архивах, мой прапрапрапра (не знаю какой) дед. С детства, говорилось там, он рос без отца, ему сказали, что тот погиб на войне. А потом узнал правду: оказалось, отец был жив и здоров… Мать вышла замуж года за два до войны. Со своим будущим мужем она познакомилась где-то на вечеринке у своей подруги. Он был старше ее, всю жизнь провел в поисковых экспедициях (тоже был геологом). Практически они и не успели как следует пожить вместе – он вечно пропадал в командировках. Так что знали они друг друга не очень уж хорошо. Жили они в российском городе, называвшемся в то время Ленинградом. Когда началась война, отец сразу же попал на фронт, а моего годовалого предка с бабушкой отправили в эвакуацию. Мать же осталась в Ленинграде. Может быть, ты помнишь из истории (в школе ведь мы проходили) – та война была очень суровой. Ленинград попал в блокаду, вражеские войска окружили его со всех сторон, подвоза продуктов не было. В городе начался страшный голод. По улицам, держась за стены домов, ходили истощенные люди и шатались от слабости. Прямо на тротуарах лежали замерзшие трупы. Мать жила одна, работала на заводе… Однажды вечером открылась

дверь, и на пороге неожиданно появился муж, сказал: дали пятидневный отпуск. Для нее, сама понимаешь, какая это была радость. Она «накрыла стол», выставила все, что у нее тогда было – кусок хлеба и остатки колбасы, вскипятила чай. Но отец сказал: «Убери, Маша, знаю, как тебе тяжело с продуктами, оставь себе. И вообще, давай договоримся, будем питаться отдельно, я у тебя ничего брать не буду». И он к еде не притронулся. На следующий день она с утра ушла на свой завод, а он остался дома. Вечером, когда она пришла с работы, его не было. Вошла в комнату и обнаружила на столе очистки от колбасы, сыра и крошки белого хлеба, а на кухне в сковородке – следы омлета из яичного порошка (это было в то время большим деликатесом). Так продолжалось все время его отпуска: она по-прежнему голодала, а он съедал свои продукты один. Потом у него кончился отпуск, и он уехал. Расстались они холодно. При прощании она ему ничего не сказала. А после войны подала на развод и больше замуж не выходила. Так вот и развалилась семья… Теперь скажи, Валена, как ты оцениваешь поступок этого моего предка? Я сам никогда раньше не вспоминал эту историю, с высот нашего сытого века она мне была непонятной и пустячной – ну подумаешь, лопал мужик в одиночку свою колбасу, не поделился с родной женой, делов-то ноль. А вот попали мы в сегодняшний наш переплет, и стал я задумываться. Наверно, голодуха действительно может черт-те до чего доводить людей. И в таких исключительных случаях из-за какой-то простой яичницы жены бросают мужей, детей оставляют без отцов. Но я не знаю, может, и неправильно поступила эта моя прапрапрародительница? Как ты-то думаешь?

Костин вопрос сразу же показался мне довольно-таки странным, хотя вообще-то, вероятно, он был не такой уж и простой. Но я ответила, почти не задумываясь:

– Прости, но этот папашка твоего предка оказался настоящим подлецом, я бы тоже с таким жить не стала.

Сказала я это, кажется, с излишней резкостью, может, и не надо было так говорить. А Костя взял палку, помешал ею горящий костер, подкинул в него несколько веток. В какое-то мгновение мне показалось, что он хочет еще что-то сказать. Но Костя промолчал. Он постоял еще немного, затем быстро попрощался и ушел. Я его не остановила. А после только подумала: для чего он рассказал мне эту историю? Непонятно.

На следующий день ребята с утра ушли в дальний поход заготовлять кормовые шишки и хворост – вблизи мы уже все обчистили. А я отправилась в ближнюю низинку, плотно обросшую густым жестким кустарником. В который раз уж я надеялась найти какие-нибудь съедобные травы (может быть, что-

то вроде нашего шпината или щавеля).

Я медленно пробиралась сквозь густые заросли, раздвигая руками длинные ветки кустов и внимательно глядя себе под ноги. И вдруг я вздрогнула от неожиданности: передо мной в траве блеснуло что-то матово-желтое. Контейнер пищевых мясных капсул! Да это же целое богатство! Не веря своим глазам, я нагнулась и подняла эту большую банку, от одного вида которой пробуждался зверский аппетит и начинало сосать под ложечкой.

Но, увы, банка оказалась совершенно пустой. Я хотела было поддать ее ногой, но вдруг задумалась. Что за чудо, откуда здесь пустой пищевой контейнер? Когда мы выходили с базы, у нас было четыре таких банки. Я хорошо помнила (ведь я же – повар), что они давно опорожнены. А эта откуда? Я более внимательно заглянула внутрь – ба, да она совсем свежая, чистая, даже крышка с обеих сторон не потемнела, не поржавела. Сомнений быть не могло – контейнер опорожнен совсем недавно, в траве он пролежал не больше одного-двух дней.

Я схватила банку и поспешила к лагерю. Пробежав немного, запыхалась и остановилась. Присела на траву передохнуть и вдруг задумалась. Во-первых, чего это я тороплюсь, ведь ребята еще не вернулись. Во-вторых, с таким делом вообще вряд ли стоит спешить. Если я предъявлю эту улику, я должна буду кого-то обвинить. Но кого? Раз уж этот «кто-то» мог скрыть от всех пищевой контейнер с едой и съесть в одиночку все его содержимое, то он сам в этом ни за что не признается. Значит, я поставлю под сомнение порядочность всех и каждого в отдельности. И эта проклятая банка навсегда встанет между нами, стыдно будет смотреть в глаза друг другу. Начнутся подозрения, недоверие, неприязнь, потом и до ссор может дойти. Прощай тогда дружба, добрые товарищеские отношения и вообще все, все. Имею ли я право доводить до этого, имею ли я право так поступать? Ведь банку нашла я, никто пока больше о ней ничего не знает. Да, нам трудно, мы голодны, у нас даже маргарин, и тот уже почти кончился. Но мы верим, что нас ищут, мы знаем, что нас найдут, мы держимся все вместе, и у нас хорошие добрые отношения. Нет, нет, они не должны быть испорчены. Я обязана все выяснить сама, узнать всю правду, а пока никого к этому не привлекать.

Подумав так и решив ничего ребятам не говорить, я бросила банку обратно в траву, заметила место и ушла.

Вечером, как обычно, мы сидели у костра, жевали шишки, болтали. А я все думала, гадала. Вот нас пятеро, пятеро, попавших в беду, пятеро, оторванных от всего света. Кто-то один оказался подлецом. Кто он?

Ребята вели себя обыкновенно. Эдик мурлыкал песенку и выстругивал что-то ножом из палки. Б. М. с Лехой чистили шишки и обсуждали завтрашний поход за дровами. Только Костя, казалось мне, был чем-то озабочен, молчал, много курил. Неужели он? Не хотелось в это верить: ведь Костя о еде всегда думает меньше всех, ему, если не напомнить, он и не оторвется от своих тектонических проблем, от своего молибденита. Но для чего все-таки он рассказывал мне вчера ту военную историю? Может быть, хотел оправдаться, узнать на всякий случай мое отношение к таким вещам? Но, откровенно говоря, мне очень не хотелось, чтобы владельцем пищевого контейнера оказался Костя и, наверно, именно поэтому тут же у меня появилась другая мысль.

А что, если Костя еще раньше меня нашел эту банку и все знал? Разве этого не могло быть? Почему не предположить, что он, как и я, решил все выяснить сам и пока ничего никому не говорить? А меня он тогда просто-напросто проверял, думал вызвать на откровенность или хотел поделиться со мной своей находкой, хотел, чтобы я помогла ему разобраться во всем. А я тогда ничего не поняла и вела себя с ним, как дурочка. Может быть, он и с другими беседовал подобным же образом, и тоже ничего ни от кого не добился. И еще я подумала, что совсем ведь не знаю ни Костю, ни других ребят, и вообще не умею разбираться в людях.

Почему, Мариша, вообще так получается? Вот работаем мы все вместе, живем вместе, терпим горести и лишения, радуемся общим удачам и победам, а все-таки знаем друг друга плохо. Что у кого на душе, о чем кто мечтает, что переживает – ничего не знаем и часто даже не интересуемся. Откуда у нас невнимание к своим же товарищам? Наверно, думаю я, оттого, что для нас дела часто бывают важнее, чем люди, которые их делают. Поэтому в вихре забот, когда все надо быстрее и быстрее, больше и больше, мы и не успеваем ни узнать своих товарищей, ни даже присмотреться к ним. Но человек ведь не какая-то там живопись, не портрет в картинной галерее – его надо разглядывать вблизи, а не на расстоянии.

Да ладно, чего это я расфилософствовалась?

Пока прерываюсь, пойду отдыхать.

Продолжаю, Марина, тебе свое послание. Кажется, в той истории все начинает проясняться, только, увы, в очень неприятном для меня духе. Вот послушай, что было дальше.

Вчера была моя очередь дежурить у костра (так уж у нас тут заведено – каждую ночь мы по очереди бодрствуем – мало ли что

может случиться в этом чужом неприветливом мире).

Когда все ушли спать, я надела свитер, накинула на плечи штормовку и уселась поближе к огню. Огненные зайчики прыгали у моих ног, веселые и беззаботные. А мои мысли-заботы скреблись, как кошки, не давали покоя…

Ночь уже поднялась вверх на нашу мульду, тьма совсем сгустилась. Звезд не было видно, небо затянули облака. И вдруг мне показалось, что кто-то стоит у меня за спиной. Я быстро обернулась – никого. Через некоторое время мне снова почудилось: я не одна. Что такое? Встала, отошла немного от костра, чтобы отвыкнуть от света (после огня глаза ничего в темноте не различали).

И тут неожиданно другой, яркий и сильный свет ослепил меня, я отскочила в сторону. Луч фонаря снова нашел мое лицо, медленно ощупал грудь, живот, ноги. Наконец он оставил меня в покое, пробежал по темным пятнам палаток, соскользнул вниз, уперся в траву и погас. Я узнала Б. М. «Ну и шуточки, – подумала я, – кретин какой-то!» Вернулась к костру. Он подсел ко мне.

– Валечка, не обижайтесь, – сказал он, – не спится что-то, можно я посижу тут возле вас?

Б. М. придвинулся поближе, мне показалось, что от него пахло чем-то, может быть, алкогольным. Мы все знали, что у геохимика была фляга, он даже ребятам предлагал как-то хлебнуть, но как это можно: ни с того ни с сего, да еще на голодный желудок! Я отодвинулась от него.

И вдруг он крепко, всем телом прижался ко мне, обхватил руками за талию. Я услышала его горячий сдавленный шепот:

– Валечка, мне так тоскливо, так одиноко, а вы добрая, красивая. Вы так мне нравитесь. Давайте дружить, а? Может быть, хотите, я угощу вас кое-чем вкусненьким. Из личных, так сказать, запасов. А?

У меня потемнело в глазах. Негодяй! Я вырвалась, резко, что было силы, оттолкнула его от себя и вскочила на ноги. Он, видно, испугался, что я закричу, потому что отшатнулся от меня, потом медленно поднялся, попятился назад, повернулся и ушел.

Я сидела у костра и почти что плакала. Мне виделись его длинные змеиные пальцы и толстая шея с вздувшимися жилами. В три часа ночи меня сменил Леха. Я ему ничего не сказала.

Как жаль, Маришенька, что тебя нет со мною рядом, ты ведь у нас такая рассудительная, такая умница. А я слабохарактерная нюня. Вот уже скоро 12 часов дня, а я до сих пор ничего никому не рассказала, все хочу собраться с мыслями и хоть как-то оценить все, что произошло. Сижу в своей палатке, плачу, настукиваю тебе письмо (это помогает мне немного

сосредоточиться и постараться взглянуть на все как бы со стороны). Утром собиралась поговорить с Костей, но он все время куда-то исчезает, избегает меня, что ли? Эдик слишком много шутит, и, кроме того, возле него все утро торчит Леха. А «этот» до сих пор из палатки не вылезал. Боится. О, как я его ненавижу! Куда смотрели космодромные персонолитики, когда принимали его на работу? Я не знаю, какие там есть статьи в Галактическом кодексе чести, но ведь за такое должны судить. Правда?

Здравствуй, Маришечка! У нас тут случилось событие, на высокую планку поднявшее наш совсем уж упавший было дух. Вернее, тело, усохшее и посиневшее от постоянного недоедания. Перелом в наш тусклый голодный быт внес Леша, пришедший вчера из леса с поникшей головой, мрачный и расстроенный.

«Что такое? Что случилось?» – кинулись мы к нему.

– Не хотел я этого, – забормотал Леша, глядя вниз себе под ноги, – не хотел я этого. Случайно так получились. Прилетим на Землю, подам рапорт, пускай накажут.

– Обьясни толком, что произошло, – пристала я. – За что ты так винишь себя, что такое ты сделал?

– Это тут недалеко случилось, – сказал он, с трудом сдерживая трясущиеся губы. – Я стоял на полянке, когда почувствовал: кто-то за мной следит. Посмотрел по сторонам – никого. Направился было обратно к нашему лагерю, но снова ощутил сзади чей-то взгляд. Снова повернулся. Потом вгляделся – в кустах кто-то стоит. Еще внимательнее посмотрел – тот самый, из тех, кого мы вначале, помните, за местных медведей принимали. Чудной он какой-то – ни глаз у него нет, ни рта. И где голова – не поймешь. Только щупальца из тела вылезают, шевелятся, удлиняются. Что он замыслил, чего хотел? Страшно мне стало. Я хотел было побежать, а он, мне показалось, за мной двинулся. Тут я и не выдержал – нажал кнопку огнестрела. Что мне теперь за это будет?

– Конечно, ты нарушил 5-ю статью Экологического кодекса, – ответил Костя. – За это ты должен ответить перед всем Космическим сообществом. Но… – Костя улыбнулся. – Наш маленький робинзонкрузовский коллектив тебя прощает. Тем более, в Экокодексе к той статье есть приписка: в случае самообороны… можно. Посему, друзья, – он оглядел всех нас веселым взглядом, – давайте Леху объявим сегодня героем дня.

Ох, и началась у нас с этого Лешиного дня житуха! Рай, да и только. Накоптили мы мяса впрок, закопали в песок и едим теперь от пуза, аж щеки трещат – вкуснотища!

Мои недавние переживания, которыми я делилась с тобой, по

поводу той пищевой банки, кажутся теперь совершеннейшим пустяком. Если хочешь, доскажу тебе ту историю, и ты поймешь, какая дуреха твоя подружка. Совсем я тогда с голодухи обалдела.

Так вот как все закончилось. На следующий день после нервотрепки, связанной с Б. М., я наконец решилась поставить точку над «и». Взялась за Эдика. Под предлогом показать ему ягоды, которые якобы нашла и сомневалась в их съедобности, я потащила его на травянистую низинку, где лежала банка.

– Смотри, что я нашла!

Эд безразлично посмотрел на банку, повертел ее в руках, а потом, сильно размахнувшись, запустил ее по дуге.

– Ты что же, ничего не понял? – обиделась я. – Ведь банка новая, даже не поржавела, ее совсем недавно кто-то опорожнил. И я даже теперь знаю, кто это. Я никому ничего не говорила, не хотела ссор…

Эдик посмотрел на меня с удивлением, потом губы его поползли к ушам, он схватился за живот и дико захохотал.

– Ну, Валена, уморила ты меня! Ну и Шерлок Холмс, ну и сестра милосердия. Во дает! Это же Лешка, комик, на днях кухарничал, бросил банку в ведро. «Для мясного духу, – говорит, – ножом все ведь не выковырнули». Костя его потом ругал, что получилось наоборот – банка жиром от шишкиного бульона покрылась, продукт, мол, зря израсходовал. Поэтому она и не поржавела, лежала, как новенькая.

Я смущенно промолчала, ничего Эду не ответила. Вот такая я оказалась глупая.

Маринка! Спешу с еще одним тебе письмом, потому что не знаю, что будет дальше. И не последнее ли оно? Уж прости за нытье, но настроение на самом деле очень паршивое. Позавчера ночью мы все проснулись от страшного взрыва-грохота, пошатнувшего наши палатки. Это в горах, окружающих мульду, где мы заперты, прогремел мощный камнепад. Наутро ребята установили геофизические датчики и прозвонили верхний слой горных пород. Увы, результат оказался тревожный – замеры показали: случилось то, чего мы все это время со страхом ждали и что для нас полный финиш.

Да, да, глубинные силы этой проклятой планеты снова ожили. В тот раз они нас отрезали от внешнего мира, а теперь новые тектонические подвижки могут закончиться катастрофой – камнепад засыпет всю нашу мульду от края до края. Весь ужас в том, что спасаться нам негде, вокруг пропасти и провалы, бежать совершенно некуда…

Вчера утром мы собрались у костра, чтобы подумать всем вместе, что делать.

– Дело обстоит очень плохо, – сказал Костя, – просто дрянь дело. Опасность подступила совсем близко. По моим прикидочным расчетам, осыпь может произойти со дня на день. Запаса времени у нас нет никакого. Надо что-то предпринимать. Вот у Бориса Михалыча есть идея. Рассказывайте, Борис Михалыч.

Б.М. задумчиво помолчал немного, потом встал с бревна, на котором сидел, сделал несколько шагов, остановился и сказал:

– Мы с Костей уже обсуждали этот вариант. Значит, так. Кто-то из нас должен добраться до базы, взять вездеход, прилететь сюда и спасти всех остальных.

– Что за чушь? – удивился Эдик. – Для того чтобы до базы добраться, надо отсюда выбраться. А это невозможно.

– Вот в том-то и дело, что можно попытаться, – ответил Б. М. Было заметно, что он покраснел и на щеках заиграли желваки.

– Как?

– А вот так. Из палаток шьем парашютный купол, из всего, что есть длинного, вяжем стропы. Одного человека такой парашют должен выдержать. С восточной стороны, я обследовал, есть не такой уж глубокий обрыв – всего метров сто пятьдесят. Можно попробовать спуститься вниз.

– Я самая легкая из всех, – тут же предложила я, – мне и прыгать.

Б. М. посмотрел на меня долгим изучающим взглядом, затем повернулся к Косте и сказал:

– Мне кажется, Валя для этой цели не совсем подходит. Нужно же ведь добраться до базы, а неизвестно, сохранилась ли дорога, по которой мы шли сюда. Может быть, и ее завалило камнепадом, кто знает. Кроме того, Валечка, – он обернулся снова ко мне, – вы же не очень-то владеете и вездеходом. Его же нужно завести, поднять в воздух и долететь сюда. Это не просто.

Б.М. снова сел на свое место и добавил с усмешкой:

– А вообще-то, инициатива наказуема – я придумал этот парашют, мне и лететь. Кого-нибудь другого посылать не стоит.

– Ну отчего же, – заметил Эдик (правда, без особого энтузиазма в голосе), – почему я не могу? Вездеход знаю, летал на нем.

Леша тоже подался вперед, хотел было что-то сказать, но Костя его не стал слушать.

– Все, – сказал он твердым голосом, – принимаем решение: лететь действительно лучше всего Борису Михалычу. Он бывалый человек, хорошо ориентируется в сложных условиях и технику знает. Так что давайте-ка браться за дело. – Он повернулся ко мне и Эду: – Валена, организуй иглы и нитки. А ты, Эдик, ищи веревки и вяжи с Лешей стропы. Мы же с Борисом Михалычем

разрежем палатки и скроим купол.

Весь оставшийся световой день мы шили, клепали, склеивали, вязали, привязывали. Потом, взявшись за стропы, дергали их изо всех сил – проверяли прочность. Ночью спали плохо, без палаток, в одежде, грелись друг об друга, прислушивались к шумам дальних камнепадов.

Утром все собрались у восточного обрыва, хмурые, озабоченные, встревоженные. Б. М. держался хорошо, только в глазах у него была грусть и тоска. Он надел на себя ремень, соединявший концы строп, Костя приладил ему к спине рюкзак с провизией и огнестрелом.

«Вот, оказывается, какой храбрый и самоотверженный человек, – промелькнуло у меня в голове, – а я-то, дура, так плохо тогда о нем подумала».

Б. М. улыбнулся нам, махнул прощально рукой и шагнул к самому краю обрыва.

– Ну, давай, Михалыч, не тушуйся, – сказал ему Костя. – Все будет нормально, я уверен.

Они с ребятами подняли с земли купол парашюта, отошли в сторону, затем, раскачав его руками, сильно выбросили вперед. Купол отлетел от края обрыва, расправился и рванул за собой Б. М. Тот прыгнул вниз, повис на стропах и довольно быстро полетел вниз.

– Ура! – воскликнула я. – Все получилось.

– Теперь самое главное, чтобы он не разбился при посадке, – заметил Костя. – Что-то парусность мне не нравится – слишком быстро он стал опускаться.

– Или чтобы не зацепился за какой-нибудь выступ скалы, – добавил Эдик. – А то и приземляться ему будет уже не надо.

Леша, стоявший на соседнем пригорке, с которого только и можно было какое-то время видеть Б. М., крикнул громко:

– Пока что все в порядке – он летит вниз, дергает за стропы, регулирует наклон купола. Но вот уже почти его не видно, скрылся за углом.

Мы молча разошлись кто куда, каждый по своим делам. Настроение было препаршивейшее. Удастся ли Б. М. благополучно приземлиться на этом самодельном парашюте? Доберется ли он до базы? Вернется ли сюда за нами? Вопросы, вопросы…

Мариша! Пишу, наверно, в последний раз. Не знаю, что с нами будет через день, через час, а может быть, через минуту. Кажется, недра этой проклятой планеты ожили окончательно. Беспрерывно грохочут вокруг обвалы, земля под ногами трясется.

Страх и ужас не отпускает меня ни на секунду. От Б. М. никаких известий – может быть, он не дошел до базы?

Ну вот, кажется, все… Все, все. Больше ничего делать не могу, надо бежать. Ой, что тут творится! Ужас! Может быть, вернусь к тебе потом снова…

Нет, этого «потом» для нее уже никогда не было. «Потом» было только у ее письма – попав в руки газетчиков, оно получило широкую огласку. По нему были написаны пьесы и сценарии, поставлены спектакли в театрах и сняты кинофильмы.

А на той планете у подножия крутого горного обрыва археологи откопали останки человека, обернутого в истлевшие куски палаточной ткани. И больше ничего.